

Игорь Семенов



В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

Продолжение 1 части.

С извержения супервулкана прошло несколько месяцев, но умирать и деградировать Советский Союз пока не собирается. Несмотря на все разрушения, все потери люди намерены выжить и сохранить цивилизацию... Можно ли выжить не одному, в бункере с ящиками тушенки и цинками патронов, а всей стране, всему народу? Они уверены, что можно! Вот только не все с этим согласны...

«Товарищи! В связи с произошедшим сверхмощным извержением и резкой активизацией тектонических процессов на планете ожидается долговременное сильное похолодание. В связи с этим советским правительством и коммунистической партией разработан план первоочередных мероприятий по организации жизни и обеспечению населения продовольствием и товарами народного потребления в сложившихся условиях». Так начиналось обращение товарища Пономаренко, в котором было объявлено о наступившем катаклизме. И эти слова намертво отложились в памяти каждого советского человека, будь он стар или млад... Дальше генсек еще много говорил о том, какие именно запланированы мероприятия, что будут делать. Про теплицы, про первоочередную задачу обеспечить транспортную связанность страны, про теплые стоянки для техники, работу заводов в новых условиях и много что еще. Объявил о введении на всей территории страны «Особого положения». Но именно эти первые слова навечно отложились в памяти тех, кто застал это время и был уже в более-менее сознательном возрасте. «Ожидается долговременное сильное похолодание»... Позднее это время назовут «Долгой Зимой», и пережившие ее будут вспомнить эти годы с содроганием, но пока этого не было.

Тем не менее, восприняли обращение Генерального Секретаря и Председателя Совета Министров люди сильно по-разному. На кого-то новость о предстоящих трудностях подействовала подавляюще, мгновенно разрушив все былые надежды и посеяв в разуме страх перед будущим... В последующие недели немало людей оказалось в психиатрических больницах или обратились к психиатрам, было отмечено большое количество самоубийств и попыток покончить с собой. Кого-то хоть какая-то определенность скорее успокоила — да, предстоят трудные времена. Но партия и правительство все понимают и знают, что надо делать. Так что все будет хорошо! Но большинство восприняло новость с мрачной решимостью... Похолодание? Хорошо, будем готовиться! Да, придется трудно — но мы выстоим, победим! Мы же ведь советские люди, не буржуи какие?

Катя относилась именно к последним... Да, она верила в то, что все закончится хорошо, что Советский Союз выстоит! Но она помнила и рассказы родителей про годы войны... Тяжело тогда пришлось! И пусть сейчас никто их не бомбит, но как там сказал товарищ Пономаренко? «Мы вступаем в войну с силами самой природы — и обязаны победить в этой битве»? И потому сейчас девушке было страшно... Только это был не тот страх, что заставляет людей замереть в испуге, все бросить и жалеть бедных-несчастных себя любимых. А тот, что помогает собраться и действовать, бороться. Катя никогда не привыкла сдаваться — не сдастся и сейчас...

После завтрака она как обычно отправилась работать — убрали снег в центре столицы, а потом уже привычно на вечерний в МГУ. Где неожиданно заявили, что этот семестр будет для пятого курса последним. Причем, учатся только до конца ноября, в декабре же сдают все зачеты с экзаменами, и в январе отправляются работать по распределению. Последний семестр отучатся на заочном, защита дипломной тоже будет следующим летом или даже осенью, как получится.

— А сейчас, — продолжил декан, — все возвращаетесь на дневной, нам надо за месяц выучить программу почти двух. Работать и так найдется кому, а вы — уже почти готовые специалисты.

— А куда распределяют? — поинтересовалась Катя.

— Список доступных для распределения предприятий будет готов в ближайшие недели.

У отличников будет право первого выбора, остальным придется выбирать из оставшегося.

Что ж... Она как раз отличница — так что выбор будет достаточно большой. И потому Катя уже решила, что выберет такое место, где она с ее знаниями и способностями сможет принести максимум пользы стране в сложившейся ситуации. Как ни крути, но сейчас и впрямь главное не личное, а «жила бы страна родная»...

«А ведь, похоже, он и впрямь гений!» — подумал, дочитав отчеты, товарищ Шелепин. Не каждый день его сам ПредСовМина просит собрать подробное досье на какого-то студента из провинциального университета, но сейчас и впрямь было из-за чего. Ведь его прогноз относительно предстоящего похолодания в целом был очень похож на предоставленный Академией Наук. Да, он не был таким подробным и дательным, с указанием точных цифр, сроков и много чего другого. Но откуда бы ему было взять информацию и вычислительные мощности для проведения количественного анализа? А вот качественно — тут сходство выводов бросалось в глаза сразу...

Что ж... Составить такой анализ по доступному всем желающим минимуму информации — этот Солнцем Михаил Васильевич, похоже, и впрямь надо быть гением. В этом он был полностью согласен с товарищем Пономаренко. И, пожалуй, собранная информация подтверждала эти выводы. По словам учителей, в старших классах он уже изучал программу университетского курса и знал ее неплохо. Физику с математикой так уж точно... Политическая грамотность тоже на высоте, хорошо понимает суть происходящих исторических процессов. Впрочем, по словам учителей он вообще словно резко повзрослел за последний год, стал рассуждать как уже взрослый человек — многие даже удивлялись таким переменам. Что еще? В какой-то мере товарища Шелепина удивило, что такой человек не состоял ни в каких кружках или клубах — но, похоже, оно ему было попросту не сильно интересно: он сам находил себе интересы. Участвует в комсомольской работе — хотя и не лезет на первые роли, но честно выполняет полученные поручения.

Социальное происхождение? Ну оно самое что ни на есть пролетарское — отец работает фрезеровщиком, мать в ОТК на авиазаводе. Оба считаются хорошими специалистами своего дела, характеризуются исключительно положительно. Оба коммунисты. Никаких претензий со стороны партийной организации или заводского руководства к ним не было — честно выполняют свою работу. Ни в какой антисоветской деятельности не замечены. К деду, правда, можно кое-какие претензии выставить... Во время коллективизации тот с семьей бежал в город, где работал на стройке будущего авиазавода. Вот только раскулачить его пытались по ложному доносу завистника-соседа, которого позднее самого осудили на десять лет... На деле же он никогда наемным трудом не пользовался.

Пара странностей на счет этого товарища Солнцева у главы МГБ все же было... Например, кто научил его водить грузовик? Ну да все это проходило по разряду мелочей... Ну да, кто-то малость нарушил закон, позволив несовершеннолетнему поехать на машине. Естественно, на этот счет никто не распространялся, но разве мало таких случаев? Что ж... Пожалуй, стоит взять его на заметку как перспективный кадр. Так что даст поручение на счет того, чтобы за ним малость поприглядывали сотрудники городского управления... А в

остальном пока особо вмешиваться в ход событий не стоит. Или стоит? Например, от лица Политбюро отправить предложение перевестись на учебу в МГУ или какой-нибудь другой московский институт аналогичной направленности?

Подкинув уголька в «буржуйку», хотя в Америке так эти печи не называл никто, Василий зябко поежился. Такого «отопления» хватало лишь на то, чтобы не околеть от холода в промерзлой квартире. Увы, но отопление больше не работало... Как не работало и много чего еще, к чему он так привык за два года жизни в эмиграции. Например, его работа. Эмигрантская газета, в которой он работал, сочиняя статьи про «ужасы большевистского режима», которые он придумывал прямо по ходу, вспоминая прочитанные до того антиутопии американских же писателей. По вечерам он, поскольку основного дохода не хватало на жизнь, подрабатывал таксистом, но сейчас не было и такси. В развернувшейся разрухе бензин стал на вес золота! И выдавали его только по карточкам — прямо как в одной из написанных им для газеты статей в СССР.

Впрочем, карточки теперь были на все — и никого это не смущало... У всех на памяти еще был погром ноября, когда почти неделю в городе вообще не было власти. Тогда вооруженная чем попало, вплоть до захваченных на каких-то брошенных складах на западе страны, техники и вооружения волна озверевших от голода и холода беженцев буквально затопила город и его окрестности. Что тогда творилось на улицах — жутко даже вспоминать. Грабежи, насилие, убийства, перестрелки... Однако миллионный город можно грабить долго — так что многие смогли где-то отсидеться и спастись. Как тот же Василий, просидевший эти дни в одном из подвалов неподалеку, постоянно трясясь за свою жизнь. Однако на четвертый день в город вошла армия — и после трех дней боев выбила превратившихся в банду, или скорее какую-то орду, беженцев. После чего уцелевшие жители принялись возвращаться по домам — глядя на то, как прямо на улицах военные расстреливают пойманных мародеров и бандитов...

И вот и Василий вернулся в свою маленькую квартирку, до которой так и не добрались грабители... И вновь можно любоваться на кое-как заделанную здоровенную трещину в стене, ведь большинство домов после землетрясений оказались в аварийном состоянии. Снова топить выданную властями железную печку сваленным во дворе углем. Снова готовить еду из выданных по карточкам продуктов. И когда, на два часа в день, дадут электричество от кое-как отремонтированной и запущенной тепловой электростанции, включать приемник и слушать радио... Вот только почему-то последнее время он все больше слушал не очередные обращения Президента к нации, где тот рассуждал про «брошенный Проведением вызов», а «вражеские голоса», транслируемые с Кубы советские радиопередачи... Слышал он и про ход восстановительных работ в СССР, и обращение товарища Пономаренко к народу, и прогнозы ученых...

Да, в отличие от СССР в США всевозможные прогнозы от различных журналистски агентств начали давать буквально в первый день после начала извержения... Точнее, как более-менее восстановили электроснабжение хотя бы в некоторых городах... Были и многочисленные заявления различных ученых и лжеученых, чьи слова зачастую полностью противоречили друг другу... Выступали представители различных религиозных конфессий и сект. И лишь совсем недавно, накануне католического Рождества, был озвучен официальный прогноз от американских ученых... Который почти во всем соответствовал советскому.

«Надо сходить карточки отоварить», — взглянув в окно, от которого осталась лишь небольшая «форточка», все остальное было забито фанерой, Василий Василич стал одеваться и вскоре вышел из дома... Спустившись пешком, лифты не работали с самой катастрофы, с пятнадцатого на первый этаж, он оказался на заваленной снегом улице, где лишь протоптанные людьми узкие тропки указывали на то, что жизнь не до конца ушла из этих мест... Полтора километра до склада он протопал, разумеется, пешком — сначала по тропкам на второстепенной улицах, а затем и по расчищенному военными «проспекту» — и вот и он, склад... Народу здесь собралось уже немало, оставалось лишь занять очередь — впрочем, двигалась она достаточно быстро. Люди давали карточку и забирали свой «проднабор», получая штамп о его получении. Все четко, привычно, по-деловому. Никаких тебе разговоров и досужей болтовни... Впрочем, люди в очереди и вовсе не больно-то горели желанием с кем-то общаться — даже привычные дежурные улыбки с лиц исчезли. Достаточно скоро очередь дошла и до Василия...

— С января выдача по карточкам безработных уменьшается на треть, — взглянув на него, коротко произнесла выдававшая продовольствие толстуха в военной форме.

На него и таких, как он, она смотрела с откровенным пренебрежением — словно спрашивая: а зачем вообще вас кормить? Ладно еще тех, кто работает... Но ведь теперь большинство людей лишились своей работы! Может быть, конечно, правительство еще найдет, чем их занять, но сейчас-то ничего такого пока не было. Впрочем, Василию на это было наплевать... Пусть думает что хочет! Неприятно лишь то, что еды будут меньше выдавать... Может, и впрямь на какую работу завербоваться? Только что он умеет? Книжонки да статейки писать? Как в СССР он был неприметным, что его сильно злило провинциальным журналистом, так и тут им остался... Взяв свой «паек», он молча развернулся и пошел домой...

Женский крик Василий услышал буквально случайно — где-то на краю слышимости... В первый миг он даже подумал, что послышалось, но нет. Вряд ли... Несколько секунд он думал на тему, что лучше всего идти домой и делать вид, что ничего не слышал. В конце концов, мало ли что тут творится в это смутное время? Но то ли советское воспитание перевесило, то ли Василий еще не успел окончательно избавиться от «химеры совести», но он вдруг понял, что если так поступит, то потом всю жизнь себе этого простить не сможет. И, чертыхнувшись, он двинулся в ту сторону...

Картина, представшая перед ним в одном из дворов, поразила его дол омерзения... Здоровенный негр, нахально ухмылялись, лапал испуганную девчонку, а второй в это время зажимал ей рот, чтобы не кричала. Они что, прямо тут на морозе ее... «употребить» хотят? Хотя нет, вряд ли... Холодно слишком. Поди затащат в какую-нибудь квартиру в ближайшем доме... Рядом с девчонкой валялась и сумка — и Василий вдруг вспомнил, где ее видел, хоть и не обратил особого внимания. Впереди себя в очереди за продуктами. «Вот твари!» — мысленно выругался мужчина.

Одному против двоих — выглядит неразумно... Но звонить в полицию сейчас все равно бессмысленно — особенно в «черном» квартале. Все равно не приедут! И единственным, кто сейчас может что-то сделать, был он сам... Как хорошо, что он и в армии успел отслужить, и боксом хоть и не особо усердно, но занимался! На него негры, к счастью, не обратили особого внимания — за прошедшие с Катастрофы месяцы они уже успели почувствовать собственную безнаказанность и были уверены, что никто не посмеет им мешать... Так что первого уroda, державшего девчонку, Василий оглушил с первого уже удара. Второй,

впрочем, успел среагировать. Отшвырнув девчонку, от отскочил в сторону и попытался что-то достать из кармана...

— Сдохни, снежок! — рявкнул негр.

Но Василий оказался быстрее... Хоть урод был и в неплохой форме и смог бы оказать неплохое сопротивление, но в тот момент негр желал другого — пристрелить наглого белого... Не успел! Взглянув на дело рук своих, Василий достал из кармана уroda пистолет — и побледнел от увиденного... Какие-то секунды, и он был отправил его на тот свет! А умирать Василию не хотелось совершенно. Быстро связав руки бандитам их же одеждой, он подошел к начавшей приходить в себя после падения девчонке... Поморщившись, та осторожно поднялась на ноги и взглянула на него.

— Ты это... как? — машинально по-русски спросил мужчина.

— Rus? Sovietsky Zväz? — удивленно спросила она, а затем вдруг перешла на английский. — Ты из СССР?

— Нет, — тоже перешел на английский Василий. — Я эмигрант... Живу тут, недалеко. И... Бежим отсюда, пока еще уроды не пришли!

Как ни странно, но при словах парня на лице у девушки словно мелькнуло... разочарование. Однако она не стала спорить и послушно пошла следом. Некоторое время они кружили по городу, дабы спутать следы — пока, наконец, не вышли к его дому.

— Спасибо тебе, — произнесла девушка. — Я уж думала...

— Ничего, — отмахнулся парень. — И в это гадкое время надо же оставаться людьми... Ты куда теперь хочь?

— Н-не знаю, — задумчиво произнесла девчонка. — Я же там, рядом живу... Они меня найдут точно! И убьют...

— И что думаешь делать?

— А можно... к тебе? — после долгого раздумья решительно произнесла девчонка. — Я обузой не буду! По дому помогу, да и... Ты мне нравишься!

— Вот так... сразу? — аж опешил от такого предложения парень.

— А почему нет? — смущенно пожала плечами девушка. — Сам видишь, какие времена настали... Надо жить здесь и сейчас, ведь завтра у нас может и не настать...

И Василий согласился... Девчонка ему тоже понравилась сразу — уж всяко больше его прежних подружек. Впрочем... Нет, ничего требовать он от нее не будет — это было бы просто подло по отношению к девушке, воспользоваться ее трудным жизненным положением. Сначала просто пообщаются, узнают получше друг друга — а там уж и видно будет...

Как оказалось, девушку звали Квета — и по национальности она была словачкой. Родители ее переехали в США еще перед войной, здесь родилась и сама она. Жили где-то на Среднем Западе в небольшом городке — и потому сейчас Квета понятия не имела, где ее родители и живы ли они вообще. Сама она приехала в этот город чтобы учиться в медколледже и успела отучиться два курса. Когда грянула Катастрофа — и прежняя жизнь пошла псу под хвост... Последние месяцы она как могла выживала в этом обезумевшем мире, пока сегодня не наткнулась на эту пару нигтеров. А еще... К большому удивлению Василия, она была поклонницей Советского Союза!

Глава 1

Председателя Ульяновского горисполкома разбудили среди новости телефонным звонком... Выслушав новость, он громко выматерился и принялся обзванивать руководителей аварийных служб и областное начальство. То, что ему сообщили, было, пожалуй, самой худшей новостью, какую только можно было услышать в сложившейся ситуации! Кроме разве что новости о грядущем ядерном ударе... Авария на ТЭЦ! Закончи со звонками, товарищ Крюков быстро оделся и, как только ему подогнали служебную «Волгу», помчался на место происшествия...

Добравшись до места, Анатолий Георгиевич сразу понял, что дело дрянь... Даже в свете ночных фонарей было видно бьющий высоко в небо столб воды и пара и разливающийся по улице поток воды. И все это происходило в сорокаградусный мороз!

— В чем дело? — быстро найдя главного инженера станции, обратился к нему товарищ Крюков.

— Авария на котельной! — перекрикивая стоящий шум, прокричал в ответ тот. — Похоже, коллектор на крыше разорвало, но мы даже близко подойти не можем!

Поняв, что дело серьезное, товарищ Крюков прямо на улице немедленно созвал совещание, желая обсудить ситуацию — и картина складывалась откровенно хреновой. Если не сказать гораздо хуже — а уж Анатолий Георгиевич, будучи мастером с патронного завода, «русский матерный» знал в совершенстве — и сейчас ему лезли в голову лишь соответствующие выражения.

— Мы пытаемся снизить температуру, но толку мало! — говорил начальник ремслужбы. — Все равно нифига не подойти!

— Надо останавливать станцию! — поддержал его главный инженер. — По-другому никак!

— В помещениях туман, работать невозможно! — присоединился к нему начальник турбинного цеха. — Если не остановить — всю станцию потеряем!

— Но если остановить станцию — заморозим город, — выслушав аргументы собеседника, задумчиво произнес председатель горисполкома. — К станции подключено больше трех сотен домов, два района города...

— Но если не остановить станцию — не только замерзнет город, но и останемся без станции, — ответил на это начальник ТЭЦ.

— Хорошо, останавливайте, — согласился с представленными аргументами Анатолий Георгиевич. — Но чтобы через сутки в городе было отопление! У нас слишком мало времени — если в кратчайший срок не восстановим теплоснабжение, придется половину города эвакуировать...

Лишиться ТЭЦ — это в данный момент и вовсе будет катастрофой. Можно сказать, половины города просто не станет... А сейчас надо срочно сбрасывать воду из системы, чтобы не порвало трубы и батареи в домах. Самое главное — сохранить хотя бы саму ТЭЦ и магистраль, ну и по возможности — систему отопления в домах. Хотя ее все же восстановить будет гораздо проще. Но для того, чтобы это сделать, действовать надо начинать прямо сейчас, немедленно! Привлечь к работе не только сотрудников теплосетей, но вообще всех, кого получится. Работников предприятий, милицию, военных — благо в городе их сейчас хватает. И срочно запрашивать помощь из центра! А сейчас... В какой-то

мере сейчас помогут чрезвычайные полномочия!

Жители Ульяновска просыпались под вой сирены гражданской обороны — и, включая приемники, слышали новость об аварии на ТЭЦ и распоряжения горисполкома и горкома партии... И услышанная новость повергала многих в состояние шока. Авария! Отключение отопления! И распоряжения властей — максимально «утеплиться», использовать для отопления квартир газовые плиты или электрические обогреватели. При возможности — обеспечить слив воды из системы отопления и горячего водоснабжения, чтобы избежать разрыва труб и батарей. Свободно пускать в квартиры участвующих в устранении аварии военных, милиционеров или сотрудников теплосетей, при необходимости — оказывать им посильную помощь. А тем временем на ТЭЦ рабочие выбивали стекла цехов, чтобы проветрить помещения от пара, а слесаря со сварщиками, дождавшись остывания котлов, принялись варить разорвавшийся коллектор... по всему городу сливали воду из магистрали — быстрее, быстрее, пока она не замерзла и не разорвала трубы! К расчистке от снега привлекли военную технику, включая танки...

А в обкоме и горкоме тем временем разрывались на части от постоянных звонков телефоны... Звонили с мест, докладывая о ходе работ и возникших проблемах. Звонили из Москвы, требуя отчет о проделанной работе и спрашивая, какая требуется помощь. И, конечно, интересуясь причинами аварии. Звонили люди из оставшихся без тепла домов, где к концу суток температура в помещениях упала до двух-трех градусов тепла.

То тут, то там выбивало от перегрузки из множества включенных обогревателей электросети — и тут уж привалило работы электрикам, носившимся весь день от одной подстанции к другой. Кое-где, где не успели слить воду, разлетались на куски радиаторы отопления и разрывались трубы — в основном, это было в различных учреждениях и на предприятиях. Ведь в первую очередь думали над тем, как не оставить без отопления жилые дома. Не работали никакие учреждения, вся жизнь в городе словно замерла, притаилась. Собираясь на кухнях, люди одевались потеплее и старались согреться теплом от газовых или дровяных плит...

Тепло в дома пошло лишь ближе к полночи следующего дня — когда, наконец-то, отремонтировали и заново запустили ТЭЦ, однако на полное устранение всех последствий аварии ушла целая неделя. В некоторых домах и, в особенности, учреждениях пришлось в срочном порядке менять систему отопления. Вместо радиаторов, которых катастрофически не хватало, во многих местах спешно варили самодельные батареи из кусков труб большого диаметра — и, едва закончив работу, пускали воду.

Постепенно жизнь в городе стала налаживаться — и самые худшие опасения товарища Крюкова не сбылись. Приехавшая вскоре из Москвы специальная комиссия подсчитала ущерб и сделала вывод, что главной причиной аварии стали конструктивные недостатки ТЭЦ, оказавшейся не приспособлена к таким морозам и потребовали немедленно устранить их. Главной причиной аварии был назван мороз... И товарищ Крюков вздохнул с облегчением — оценив предпринятые усилия по устранению аварии, власти не стали никого выгонять с занимаемых должностей.

Каково же было бы удивление Анатолия Георгиевича, узнай он, что в параллельном мире тринадцатью годами позже случилась аналогичная авария, только последствия ее оказались куда хуже — и все это без всякой Долгой зимы? Вот только, в отличие от того мира, здесь пока еще не успели придумать проекты домов со встроенными в стену радиаторами, которые при разрыве разрушали кладку. А за счет того, что с самого начала к

аварийным работам были привлечены гораздо большие силы, за счет того, что всех жителей подняли по тревоге, удалось спасти от замерзания и системы отопления многих многоквартирных домов... Впрочем, тут и многоэтажек пока было куда меньше.

Новый год прошел как-то незаметно — впрочем, нынче вообще никакие праздники никто не отмечал... Не до того было. Все боролись за выживание — себя, своих близких и родных, товарищей и всей страны. И в этой борьбе было не до развлечений... Отдых? Отдыхом нынче было — хорошенько отоспаться!

Выступление товарища Пономаренко повергло всех буквально в шок... Многие люди откровенно не желали верить в столь безрадостный прогноз! Не хотели, но все равно верили — просто потому, что привыкли верить партии и Советской власти. Как в прошлой истории многие люди, зачастую далеко не глупые и не плохие, поверили Хрущеву с его заявлениями на счет культа личности, как верили в то, что вот совсем скоро будут жить при коммунизме, так и тут поверили товарищу Пономаренко. И восприятие оказалось у всех разное... Да, кто-то впал в уныние, считая, что все пропало. Но большинство людей продолжали верить власти и теперь стали готовиться к борьбе — заодно, подгоняя павших духом, заставляя их тоже шевелиться. И постепенно настроения начали менять в более оптимистическом направлении...

Впрочем, последствия выступления были самые разные... Например, во многих местах попытались было высунуться, решив, что скоро все рухнет и настанет и время, бандиты. Но и тут они просчитались... Теперь, после ввода «Особого положения», с ними и вовсе перестали церемониться. По всей стране прокатилась волна расстрелов пойманных бандитов и целая серия облав с применением армейских сил.

Кстати, немалые изменения произошли и в армии... Большую часть тех, кто должен был осенью демобилизоваться, стали переводить в ряды сверхсрочников — при этом они получали хорошую зарплату, ну а работы для них полно по всей стране было... Особенно для железнодорожных войск или различных инженерно-строительных частей. Те же, кто возвращался по домам, если не имели ценных «на гражданке» инженерных или рабочих специальностей, пополняли ряды местной милиции или тех же коммунальных служб... Кому что ближе.

Еще одним изменением стало то, что живущих в частных домах людей внутри семей теперь стали распределять в разные рабочие смены. Иначе за время работы дом вымерзал так, что его уже фиг прогреешь! Для того, чтобы этого не происходило, было принято решение о том, что дома должен постоянно находиться кто-то, кто способен топить печь, согревая дом. Так что теперь родители Михаила работали в разные смены — то мать сидела дома и топила котел, то ее сменял отец.

Просыпаясь по утрам, парень теперь едва ли не первым делом смотрел на улицу — не выпал ли еще снег и какая температура. Сегодня, например, опять было сорок два. Днем наверняка поднимется градусов до тридцати, но все равно... Уже не первый раз за эту зиму температура падала до столь низких значений — а как-то было и все сорок пять... и это в Поволжье! В Москве же сорокапятиградусными морозами уже и не удивить никого, а на Урале и пятьдесят в порядке вещей... В Норильске же и Якутии уже несколько раз фиксировали температуры ниже семидесяти градусов — и тогда люди сидели по домам, не высовываясь даже до склада продуктов. Впрочем, там уже всю «уплотняли» жильцов, стремясь максимально уменьшить отапливаемые площади — поскольку котельные с трудом

справлялись с такой нагрузкой. И уже говорили о том, что с наступлением весны начнется эвакуация из тех мест... Сейчас провести ее просто не было никакой возможности.

Новости по телевизору и радио теперь были почти исключительно о том, что происходит внутри страны — за граница уже давно никакого не интересовала. Вместо этого показывали, как Советский Союз приспособливается к выживанию в условиях Долгой зимы... Как переоборудуют шахты, ставя тепловые пушки для обогрева механизмов шахтных копров, а где они были открытого типа — срочно превращают их в башенные, возводя вокруг конструкции из труб и двух слоев шифера, между которыми прокладывают стекловату. Как работает снегоочистительная техника на железных и автомобильных дорогах... Как устраняют различные аварии — вроде той, что накануне нового года произошла на Ульяновской ТЭЦ. Тогда вся страна с переживанием смотрела на происходящее — и думала на счет того, справятся ли власти? Спасут ли город от наступающего холода? Ведь такая авария может произойти и где-нибудь еще в стране! Показывали строительство теплиц и теплых стоянок для техники по всей стране... На одной из таких строек сейчас, кстати, работал и сам Михаил.

Позавтракав гречневой кашей с котлетой, парень стал собираться на работу. Вместе с ним стала собираться и мать — а вот батюшке идти во вторую смену на завод. Хотя самолеты сейчас и не производили, но работы все равно хватало. Как батя говорил, сейчас авиазавод занят по уши изготовлением нужной для производства тепловозных дизелей оснастки и всюду осваивает выпуск снегоуборочной техники. Заводское КБ как раз всюду занимается разработкой вихревых снегоочистителей для дорог и крыш — причем, создание опытного образца идет даже без разработки техпроцессов, приходится работать прямо по конструкторским чертежам.

Одевшись потеплее, чтобы наружу выглядывали одни лишь глаза, Михаил уже привычно топает на «девятку»... И в который раз думает о том, что за прошедшее время город переменился до неузнаваемости! К середине января снега навалило два с половиной метра — но то в полях. Около домов и строений сугробы зачастую гораздо больше! Около того же его дома они уж вплотную подошли к крыше, с которой регулярно приходится скидывать снег, а все дороги и тропинки вокруг превратились в снежные траншеи с высоченным бруствером по краям. Правда, от трамвайных путей и дорог снег вывозят — чтобы снегоуборочной технике, тракторам и вагонам-снегоочистителям, было куда отбрасывать его после новых снегопадов. Аналогично, насколько он знал, сейчас обстоят дела и на железной дороге — хотя уже объявлено о планах строительства специальных шнекороторных снегоочистителей, способных чистить не только путь, но и прилегающее к нему пространство — дабы потом тем же скоростным плужным снегоочистителям было куда снег отбрасывать. А то ведь сугробы иначе такие навалит, что он обратно падать будет!

Но вот он уже снова трясется в трамвайном вагоне, где недавно для обогрева установили тепловентиляторы — не очень-то эффективные, но хотя бы поддерживающие температуру в районе нуля и позволяющие не замерзнуть в пути. И всюду кругом — снег, один снег. Высоченные сугробы около домов, напрочь закрывающие собой первые этажи... Лишь от окон люди еще отгребают снег — и то далеко не везде. Многие предпочли забить их досками. Снежные траншеи, ведущие от домов к дорогам. «Иглу» над колонками — чтобы они не перемерзли, городские власти решили утеплить их столь оригинальным способом. А то постоянно с паяльными лампами бегать, прогревать их, не будешь ведь!

Автомобиль теперь ждал его в уже заведенном и прогретом состоянии — двигатели

теперь зачастую не глушили всю ночь или, максимум, делали короткие перерывы в работе. Иначе утром его зачастую было бы просто не завести... Увы, но хоть всю технику, какую только можно, и старались загнать в ангары, гаражи, депо, заводские цеха, но места для всех не хватало. И сразу же ехать на завод резервуарных металлоконструкций — за новой партией металлоконструкций для теплиц. Быстро погрузиться и ехать обратно — где прямо в центре города работает их строительная бригада. Раньше тут был сквер — деревья, дорожки... Сейчас он был полностью вырублен, а кругом кипела стройка. Вбивали в землю сваи с приваренными на концах фланцами, а затем собирали из привезенных деталей каркас будущей теплицы.

— Изобретателям этих теплиц, наверное, сталинскую премию дадут, — как-то раз в разговоре с Викой заметил Михаил.

Оно, в принципе, и было за что... Конструкция оказалась, на взгляд Михаила, очень простой и технологичной... Всего лишь несколько базовых элементов, из которых можно собрать буквально любую конфигурацию. После чего оставалось лишь обшить ее... Внизу для этого ставили «слойку» из двух шиферных плит с проложенным между ними слоем стекловаты. Вверху — некое подобие стеклопакетов из двух стекол... Что-то вроде того, что ставили в эти же годы в рижских электричках. Все, что нужно для сборки, — подъемный кран, пневмогайковерт с передвижным компрессором и болты с гайками. Все просто и технологично! Ну а как будет готов каркас — тут уж будут монтировать все остальные необходимые системы...

Пока с машины сгружали балки с приваренными к ним фланцами, Михаил отправился обедать... Пункт горячего питания для их бригады располагался совсем рядом, в одном из магазинов... Сюда ходили на обед. Сюда ходили чтобы погреться — за прошедшие месяцы уже сложился определенный распорядок работы на улице: час работаешь — пятнадцать минут отдыхаешь, отогреваешься. Вот и сейчас сразу несколько студентов забежало сюда, выпить горячего чая — и теперь вечно хмурые продавщицы разливали его по стаканам. Чай, кстати, был вполне ничего... Как, впрочем, и обед — причем, в рационе было очень много мяса. Как уже все знали, сейчас всю сокращают поголовье скотины чтобы свести к минимуму расход кормов — тем более, что то же самое фуражное зерно можно в крайнем случае и на еду людям пустить. Так что мяса и по карточкам сейчас выдавалось необычно много... Все уже знали, что лета не будет — а, значит, нечем будет и скотину кормить. Говорили, правда, о постройке заводов по производству белково-витаминных концентратов из нефти и отходов целлюлозно-бумажной промышленности, но когда еще их будут в большом объеме производить? Ведь изготовить все нужное оборудование, построить сам завод — дело не быстрое... Так что разумнее будет заранее сократить поголовье скотины, чтобы не тратить зерно и овощи на ее прокорм. Тем более, мясо можно и заморозить, сделать тушенку, засолить, в конце концов...

Быстро поев, Михаил отправился обратно — и, вскочив в уже разгруженный ЗИС, помчался обратно на завод. И так несколько раз за день... Да, тепличные комплексы теперь росли и за городом, и даже в самом городе. Скверы, парки, большие дворы, многие заводские территории теперь переоборудовали под теплицы или теплые стоянки для техники. Ведь тут, в отличие от загорода, все рядом. И коммуникации, и техника, и люди... Да и тех же ветров таких, как в чистом поле, нет! Страна Советов ускоренными темпами перестраивалась на новую жизнь... Готовилась к битве с силами самой природы, как сказал про это в своем выступлении товарищ Пономаренко.

А потом, вечером, опять в университет, сдавать экзамены... Кстати, пятикурсников во всех ВУЗах страны с января отправили работать по специальности — последний семестр они будут заканчивать на заочке. Аналогично и в техникумах с ПТУ. А вот школы практически перешли на домашнее обучение — уж больно часто отменяли теперь занятия... Так что, быстро объяснив новый материал, учителя давали домашнее задание и отправляли всех по домам. Дальше уж все сами... Впрочем, уже говорили про то, что когда начнут теплицу — привлекут к их обслуживанию и часть пионеров, старше четырнадцати лет. И про то, что летних каникул в школах тоже не будет.

Сдавали экзамены многие студенты откровенно фигово — впрочем, отношение к ним сейчас было достаточно лояльно. Сняли ограничение на число пересдач и хвостов, так что у ребят еще будет время получше подготовиться и пересдать. Отменили, кстати, и платное обучение — что в школах, что в ВУЗах. Правительство понимало, что не так-то просто в таких условиях учиться на средний балл выше четверки... Впрочем, Михаил сдал экзамены с ходу, все на отлично. Вика, которой он нередко по выходным разъяснял те или иные предметы, тоже закончила семестр неплохо... И вот сейчас, после последнего экзамена, они ехали домой... За окном была уже ночная тьма — и, уже привычно, ни Луны, ни звезд на небе. Хоть, как сообщали ученые, концентрация пыли и пепла в верхних слоях атмосферы начала падать, но пока она еще оставалась достаточно заметной. Так что раньше весны, а то и лета, вряд ли стоит ждать солнечных деньков...

Кстати, Михаил сейчас совершенно не понимал — почему раньше в трамваях не было отопления? Нет, в некоторых новых стояли печки. Но вот в этих, в старых, в «хашках»? Ведь как приспичило, как ездить в холодном вагоне стало совершенно невозможно, быстро сделали какое-никакое отопление! Считали раньше, что и так сойдет — все равно скоро эти вагоны на свалку? Ну да ладно... Сделали — и на том хорошо. Глядя в промерзлое окошко, Михаил уже откровенно зевал, а Вика и вовсе уснула, привалившись к его плечу. Как обычно, они ехали домой вместе. «А ведь ей восемнадцать скоро, — вдруг подумал Михаил. — Совсем уж взрослая девушка будет». Откровенно говоря, он так и не мог определиться со своим отношением к ней... Да, она ему очень нравилась. Но была ли это любовь? Но ведь для того, чтобы это понять, надо больше общаться... Не как друзья и бывшие одноклассники, а как парень с девушкой. И, похоже, постепенно все к этому и шло — потихоньку рушился психологический барьер их разницы в возрасте... Или просто Михаил постепенно переставал считать себя взрослым мужиком, все больше «ассимилируясь» с этим телом? Наверное, так оно и есть... Ведь физиология тоже влияет на сознание.

Но вот и приехали... разбудив девчонку, Михаил сказал, что ей пора идти на выход... Ну а ему еще одна остановка — и вот уж родной дом... Мать с сестрой были уже дома, а вот батя — на заводе, на смене.

— Уголь сегодня привезли, — сообщала ему новость Машка. — Правда, вместе с торфом.

— Говорят, в стране угля мало, — заметила мать. — Затраты резко увеличились, а добыча упала. Хотя обещают, что скоро все наладится...

— Сейчас много чего, наверное, мало стало, — задумчиво произнес Михаил. — Слышали же про Норильск? Сильно сомневаюсь, что там сейчас что-нибудь добывают...

— Бррр! — поежилась сестра. — Семидесятиградусный мороз... Это что-то!

— Вот и я про что, — согласился парень.

Ужин — тушеная картошка с мясом... Недавно как раз поросенка зарезали — корма теперь больше не продают и не выдают. Куры пока оставались, но и им уже не долго осталось. Вся скотина теперь остается только в колхозах с совхозами — часть ее еще подержат, постепенно сокращая поголовье. Часть оставят как племенной скот, для последующего восстановления поголовья. Ну и часть оставляют сверх этого из расчета того, какие мощности заводов БВК смогут ввести в эксплуатацию в ближайший год. Частникам же оставалось лишь резать и морозить скотину...

Поесть — и сразу спать... Даже книжки читать или новости смотреть нет никакого желания. И так уж устал. И так оно день за днем, неделя за неделей! И кажется, что нет конца и края этой проклятой зиме!

Норильск замерзал... Сегодня на улице вновь стоял мороз в -67 градусов и прогнозы на ближайшее время не радовали. Вся жизнь в городе словно замерла... Всех жителей города поселили в несколько домов в центре, по три-четыре семье в квартиру, и отключили от отопления все остальные объекты, но и так ТЭЦ справлялась с трудом. Стояли медный и никелевый заводы, не работали промышленные объекты и учреждения, прекратилась работа шахт, в город эвакуировали и население соседних поселков. И теперь, сидя по домам, люди со страхом думали о том, что ждет их дальше... Что будет, если завтра случится авария на той же ТЭЦ? К счастью, пока она работала, исправно давая тепло и свет в доме центрального района. Ну а запасы продовольствия — их все заранее выдали, поскольку в такой мороз и на улицу-то не выйдешь!

И лишь работники ТЭЦ продолжали выходить на смену... Впрочем, они теперь круглые сутки жили на станции — здесь работали, здесь спали, а потом опять шли работать. И, как и все прочие жители, они чуть ли не молились о том, чтобы станция выдержала. Чтобы удалось пережить эти морозы и дождаться весны и обещанной советским правительством эвакуации...

Эвакуация... Сейчас это слово было надеждой для всех жителей. В умирающем от холода городе делать было откровенно нечего — и все это прекрасно уже понимали. В такие морозы нельзя не то, что работать, но и просто нормально жить. А ведь это обещали на несколько лет! И что тогда? Как жить, точнее выживать? Нет, эвакуация — единственная надежда... Если бы работала железная дорога — ее бы начали хоть прямо сейчас. Но увы — сообщение по Трансполярной магистрали прекратилось еще в конце ноября, когда из-за пятидесятиградусных морозов начали лопаться под нагрузкой рельсы. Содержать в таких условиях и до того проблемную линию длиной в тысячи километров стало просто невозможно. Так что после нескольких подряд аварий движение закрыли...

И сейчас, слушая новости, люди мечтали лишь об одном — чтобы услышать новости о грядущем потеплении... Чтобы температура повысилась хотя бы до пятидесяти градусов! Увы, потепление ожидалось не раньше, чем через неделю... И все надеялись на то, что доживут до этого времени.

Впрочем, ситуация в Норильске была еще не самой худшей... В некоторых небольших северных поселках дело обстояло еще хуже... Например, в Иультине, где в конце декабря из-за аварии на ЛЭП от Эгвекинота прекратилась подача электроэнергии, а пробраться к месту аварии и устранить ее было невозможно из-за снежных заносов и холода. И для того, чтобы выжить, людям приходилось обратиться к опыту полярников. Собравшись в нескольких почти занесенных снегом домах, люди грелись у печей на солярке или угле, а для связи с «большой землей» использовали дизельные генераторы...

Но увы, ни Москва, ни Анадырь ничем им помочь пока не могли. В такой мороз до тех мест даже и не доберешься! Не ракетами же, в конце концов, помощь отправлять? Хотя будь возможность доставить ими достаточно много груза — пошли бы и на такое... Но не было ее. А самолеты с вертолетами смогут прилететь лишь когда хоть немного потеплеет, и то полет будет очень рискованным. В мороз, в условиях запыленности атмосферы...

Впрочем, в такую погоду нередко прерывалось даже движение по железной дороге. Становились хрупкими и лопались рельсы, рвало болты на накладках, образовывались

пучины. И тогда гражданские и военные железнодорожники буквально сбивались с ног, срочно ремонтируя путь чтобы восстановить движение. А в Сибири и вовсе несколько раз из-за сильнейших морозов на несколько дней к ряду закрывали целые участки Транссиба... Не многим лучше дело обстояло и с автомобильными дорогами. Заглушенный двигатель завести заново зачастую было просто невозможно — остывшее масло превращалось в камень, а замерзший антифриз разрывал блок цилиндров и систему охлаждения. Единственным спасением было загнать машины в какое-то помещение... или не глушить двигатель ни днем, ни ночью. И вскоре посыпались и последствия такой работы...

Моторостроительные и мотороремонтные заводы Советского Союза работали день и ночь — и не справлялись с резко возросшими потребностями народного хозяйства. С каждой неделей все больше пустели склады госрезерва и министерства обороны... На танковых заводах срочно срезали броню со снятых с хранения старых танков, дефорсировали двигатели и варили утепленную будку, превращая боевую технику в вездеходы повышенной проходимости, способные как доставлять товары первой необходимости на места, так и участвовать в той же расчистке дорог. Анекдоты про «советский мирный трактор» в этом мире появятся несколькими годами раньше...

Однако на помощь имеющимся моторостроительным заводам вот-вот готовы были присоединиться новые — спешно переоснащаемые из других производств. Уже монтировались собранные чуть ли не по всей стране или спешно произведенные новые станки нужного назначения, заканчивалось изготовление оснастки, заканчивались последние подготовительные работы... И скоро, совсем скоро, промышленность Советского Союза сможет обеспечить все свои потребности в двигателях внутреннего сгорания! Пусть и в ущерб другим, как гражданским, так и военным, отраслям промышленности — вроде того же авиастроения.

Первую теплицу смонтировали за две недели — ну, если точнее, собрали и обшили каркас. На этой работе трудились сразу несколько студенческих бригад... Ну а как закончили с этим — к делу приступили уже специалисты, которые принялись монтировать необходимое оборудование. А они двинулись дальше...

Следом за сквером по Астраханской под снос пошел и Детский парк. Выпиливали деревья, которые пойдут на топливо, ломали сооружения и многие постройки — и вот уже вновь вбивали сваи и собирали каркас. Причем, тут теплица будет гораздо больше предыдущей... Целое поле, можно сказать! И опять работы было предостаточно и для студентов. Работа кипела с самого утра и до вечера — даже при свете прожекторов... И Михаил все так же возил то все те же типовые металлоконструкции с завода резервуарных металлоконструкций, то подобие «стеклопакетов» с Техстекла. Работа кипела день и ночь, останавливаясь лишь несколько раз — когда температура в дневное время падала ниже 35 градусов мороза.

В феврале их автобазе, к всеобщему удивлению, привезли первую партию шипованной зимней резины... До того в начале зимы первые ее партии поступили военным, и вот теперь настал и их миг. Наконец-то можно снять цепи противоскольжения с колес... Впрочем, несмотря ни на что, многие водители продолжали скептически относиться к новой придумке. Срабатывали порой многолетние привычки езды в разных условиях... В начале февраля поменяли и двигатель на машине Михаила Старый успел износиться от столь

суровых условий эксплуатации и ушел на капиталку, а вместо него поставили новенький, только с завода. И так было почти со всеми. А еще упало качество топлива — того, что производилось на имеющихся НПЗ, стране не хватало, и его стали разбавлять произведенным на спешно построенных примитивных установках для производства прямогонного бензина. То же самое, как говорили, было и с соляркой... Впрочем, такое топливо шло, прежде всего, на всеядную военную технику — а его ЗИС-157 был как раз из такой. В какую-нибудь «Волгу» или даже новый ЗИС-131 такое не зальешь — им подавай чего получше. Иначе убьешь двигатель в два счета! А вот тот же тепловоз или недавно появившиеся, как кто-то прозвал их, «танкторы» из переделанных «сорокчетверток» сожрут что угодно и не заметят! На этот счет Михаилу даже вдруг вспомнились 90-е годы — как некоторые шибко умные пытались тырить солярку с железной дороги и заправлять ей КАМАЗовские дизеля. Которые после этого быстро отправлялись на капиталку. Рассказывали ему знакомые про такое... Вот и тут то же самое.

Забравшись в кабину, Михаил уже привычно завел двигатель и поехал обратно на завод... Мог ли он еще совсем недавно поверить в то, что будет таким заниматься? Да расскажи ему кто — засмеял бы! Но порой жизнь совершает самые неожиданные пируэты. И если настало время, когда лишь общими усилиями можно выжить и сохранить цивилизацию — значит, так надо! Сейчас каждый советский человек должен приложить свои усилия к делу общего выживания.

Уже привычно Михаил проезжал и мимо военных постов с БТРами у различных важных объектов вроде продовольственных складов. Загрузиться и ехать в обратный путь... Однако уже под конец дня его вдруг огорошили неожиданной новостью.

— Тебя в обком вызывают, — сообщил ему бригадир. — Сейчас прямо после работы и дуй туда, они до шести работают.

От Детского парка до обкома — четыре квартала. Так что доехать туда ничего не стоило... В прошлой жизни он тут не бывал ни разу — что ж, можно теперь наверстать. Как оказалось, его тут уже ждали — и поэтому тотчас отправили в кабинет ко второму секретарю. И, как быстро понял Михаил, все дело было в его письмах в ЦК... Ему предлагали, всего-навсего, отправиться в Москву на учебу.

— В Москве сейчас куда лучше условия для учебы, — говорил ему второй секретарь. — Советское правительство собирает наиболее талантливые и перспективные кадры на учебу в столицу. Время сейчас трудное, но и в сложившихся условиях партия и правительство примут все меры для обеспечения наилучших условий для их учебы. Московский университет станет единственным, где сохранится обучение на дневной форме — но только для таких, как вы, товарищ Солнцев, и подобных вам.

Второй секретарь говорил еще много, рассказывая про то, насколько это важно для страны и насколько легче будет там учиться, но Михаил думал о совсем другом. «Значит, учиться на дневном, не ходить на работу?» — крутилась в голове мысль. Да, с одной стороны это правильно. С другой же — где гарантия того, что под этим соусом туда не будут пропихивать сыночков различных партийных и советских деятелей? Да почти наверняка попытаются! Получится ли оно или нет — это уж отдельный вопрос... Но что поначалу таких будет полно — это точно! Дальше же все будет зависеть от решимости правительства. Может быть, они так и выучатся «по благу». А, может быть, и вылетят с первого же курса... Впрочем, если туда и впрямь наберут лишь наиболее толковых и талантливых — может и получится польза.

Вот только даже если последнее и верно, то... Как же не хотелось все бросать и ехать в столицу! В конце концов, тут у него все близкие и родные, которым надо по возможности помочь. Тут все его товарищи и уже ставший привычным коллектив. Тут, в конце концов, его любимая девушка. Да, именно так! Пора уж хоть самому себе признаться в этом! Тут все, что ему близко и дорого! Да и страшно, откровенно говоря, бросать их всех и уезжать в неизвестность. Кто знает, выстоит ли страна? Да, хотелось бы в это верить... Очень хотелось бы! Но гарантии такой сейчас не даст никто. И что тогда? Ну а учеба... Да ему максимум надо освежить свои знания в памяти! Так что ничего, обойдется... Только отказать надо максимально вежливо. И побольше идеологии, побольше фанатизма!

— Извините, но я не могу, — изобразил сожаление Михаил. — В часы испытаний, когда каждый человек героически борется за выживание своей страны, за торжество советской идеи, я не могу остаться в стороне и наблюдать за происходящим со стороны, сидя в университетских аудиториях. Я, как советский комсомолец, должен быть в рядах тех, кто первым шагнул навстречу трудностям и опасностям, бросил вызов стихии! В нас верит сам советский народ — в то, что мы не дадим погибнуть социалистической родине! И я не могу не оправдать его надежд, бросить своих друзей и товарищей!

Эх, теперь бы еще какую-нибудь цитатку Ленина или Сталина завернуть... Увы, но сейчас Михаилу просто не приходило в голову ничего подходящего. Правда, второй секретарь пробовал было сказать на счет того, что учиться — задача тоже очень важная. На что Михаил вспомнил про воевавших под Москвой добровольцев из народного ополчения, в число которых пошло немало не только студентов, но и ученых. Дескать, если сейчас не победить Зиму — ничего другое значение иметь не будет. Тем более, что он и так хорошо учится — прошлый семестр вон на «отлично» закончил!

И все же отболтался... Иногда полезно изображать себя идейным фанатиком — такого сложно переспорить логическими аргументами. На учебу в этот день Михаил попал лишь на вторую пару — семинар по матанализу.

— Ты где был? — сразу обратилась к нему Вика.

— В обкоме...

— Зачем?! — полезли глаза на лоб у девчонки.

— В Москву предлагали учиться ехать, — прямо ответил парень. — Как перспективному кадру. Там, говорят, на дневном учился бы.

— И ты...

— Отказался, конечно, — усмехнулся Михаил.

— Но... почему? — теперь удивлению девчонки и вовсе не было предела.

— Ну разве могу я тебя тут одну бросить? — улыбнулся Михаил.

— Миш!.. — покраснела Вика.

— Что Миш? Семнадцать лет уже Миша, — усмехнулся парень. — Пойдешь сегодня со мной... эээ... погулять?

Ну да, куда еще нынче пойдешь? Всякие кино с театрами и прочими учреждениями культуры больше не работают. Столовые с ресторанами тоже. Разве что в научную библиотеку сходить можно — хоть в университетскую, хоть в центральную областную. Но вести девушку в библиотеку? Впрочем, гулять — тоже как-то не того, что немедленно и заметила девчонка.

— Погулять? — весело рассмеялась Вика. — По морозу? Сколько там вечером-то будет? Тридцать пять? Или сорок?

«Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, когда я уйду в запой?» — вдруг вспомнилась Михаилу шуточка от одного знакомого по прошлой жизни тракториста. Тот мужик, впрочем, тем еще шутником был... Например, подвыпив, тот мог орать переделанную версию «Марша танкистов». Матерную, разумеется. Или еще что-нибудь выдать такое, что уши вянут.

— Ну что нам мороз? — усмехнулся Михаил.

— Ну да, конечно, — улыбнулась в ответ девчонка.

Оставшиеся пары пролетели как-то незаметно, и вот они топают на остановку трамвая... И вновь трясутся в вагоне «девятки».

— Давай, провожу тебя? — предложил Михаил.

— А не боишься? — слегка ехидно усмехнулась Вика.

— Ну ты же не кусаешься?

— А вдруг возьму и укушу? — усмехнулась девчонка. — Я сегодня такая голодная!

— Ничего, я убегу, — рассмеялся в ответ Михаил.

Они вышли из вагона и пошли по темным, заснеженным улицам к дому Вики... Мороз был уже, наверное, и впрямь за тридцать пять — так что на улицу люди старались не высываться. Все отсиживались по домам, греясь у теплых печей. Снега последние дни не было, так что на улице делать было нечего. Шли в полной тишине — на таком морозе лучше рот не раскрывать, даже если он под шарфом. Простудиться как нечего делать! У самого Михаила тоже только недавно горло хрипеть перестало — хапнул как-то порцию морозного воздуха... Хорошо, что хоть более серьезно не заболел.

Впрочем, а зачем что-то было говорить? Они ведь и так знали друг друга еще чуть ли не с первого класса школы... А чувства... Для них слова зачастую и не нужны. К некоторому удивлению, у дома Вики их встретил и отец девчонки — как раз в это время он расчищал снег во дворе. И когда Михаил уже собирался идти домой, тот махнул ему в сторону дома, предлагая зайти.

— А ты, Вик, посиди пока в комнате, — когда они оказались внутри, сказал он.

Они прошли на кухню, где тот разлил две чашки чая и поставил одну из них перед Михаилом, а затем долго-долго смотрел на него, явно что-то обдумывая.

— Значит, нравится тебе моя дочка? — наконец, задал свой вопрос мужчина.

— Очень, — совершенно не соврав, согласился парень.

— Молоды вы еще больно, — пару минут посидев в задумчивости, произнес отец Вики. — Но возражать не буду... Дочка мне уж знаешь, сколько про тебя рассказывала? Еще в школе даже...

— И? — не понял, к чему идет речь, Михаил.

— Знаешь — я, как любой отец, хочу, чтобы она была счастлива, — произнес мужчина. — Ты, конечно, пацан еще совсем... Но раз уж приглянулся ей — так тому и быть. Хоть и хотелось бы, чтобы Вика выучилась сначала, работать пошла, а уж потом и все остальное... Но время сейчас, сам видишь, какое настает.

— Да, — согласился Михаил. — Тяжелое время настало...

— И помни, — продолжил мужчина. — Для меня дороже моих детей нет никого на свете. И коль обидишь ее или кому другому в обиду дашь — я тебя хоть из-под земли достану!

— Все хорошо будет, — ответил на это Михаил. — Кто за свою девушку постоять не может — того и мужиком считать нельзя.

Да, так у них все считали. Если что — сдохни сам, но не дай в обиду свою девчонку. Или ты просто не мужик, а дерьмо собачье. Удивило лишь одно — что Михаил уже как-то машинально назвал Вику своей девушкой. Видимо, и впрямь некоторые вещи и не надо вслух произносить. На том они и расстались — и, перебросившись еще несколькими фразами и распрощавшись с Викой, Михаил пошел домой. Благо, оно было достаточно недалеко — не успеешь замерзнуть. Уж утепился-то он по полной — хотя сейчас все так ходят: одни лишь глаза из-под повязок выглядывают.

А дома быстренько раздеться, сразу выпить горячего чая — и садиться есть. В этом месяце смены поменялись и теперь днем дома сидит батя, а во вторую работает его мать. Она-то сейчас и сидела тут... А вот Машка уже завалилась спать.

— Где был-то так долго? — поинтересовалась с ходу мама.

— К Вике заходил, — честно ответил парень.

— Она что, заболела опять? — взволновалась мать.

— Нет. Просто до дома проводил. И с батей ее еще разговор был...

— О чем? Жениться что ли собрался? — насторожилась мама.

— Пока нет, — отрицательно мотнул головой Михаил. — А потом... Как знать...

— Не время сейчас, конечно, — задумчиво ответила мать. — Сам ведь знаешь, про что товарищ Пономаренко говорил... И в журналах тех писали, что нам всем раздавали. А ведь семья — это не только жить вместе. Это еще и дети...

«Ну да, что от секса дети рождаются — я знаю», — мысленно усмехнулся Михаил. Чай у него у самого были... Что только с ними теперь будет? Как его жена без него? А в этом мире... да, все правильно — не время сейчас. Недаром даже власти советовали «воздержаться от рождения детей» до того момента, пока не закончится климатический катаклизм. Тут и так сейчас всем трудно...

— Ну если и поженемся, то с детьми и подождать можно, — пожал плечами Михаил.

Ну да... Специальные «изделия» выпускают в Советском Союзе еще аж с тридцатых годов — так что ничего, обойдутся. Впрочем, сначала им надо хотя бы до конца разобраться в своих чувствах, а уж потом и пожениться можно будет.

На том разговор их и закончился... Закончив с ужином, Михаил завалился спать — и, уже привычно, отрубился едва коснувшись головой подушки. Как ни крути, устаешь за эти дни еще как... Так что оно тут и не до девушек как-то. Сублимация прямо, мать ее... Все силы на работу уходят.

Они сидели и разговаривали до самого вечера, лишь иногда отвлекаясь на то, чтобы подбросить топлива в печку... Квета вспоминала про жизнь до Катастрофы, про учебу, про родной дом и родителей и брата, про то, что любила раньше... А Василий по просьбе девушки рассказывал про Советский Союз — и почему-то вспоминать хотелось лишь про хорошее... Например, вспоминать забавные истории из своей жизни, над которыми девушка весело смеялась. И совершенно не хотелось вспоминать про их «интеллигентскую тусовку» или про работу в эмигрантской газете. Не хотелось, но все же признался и в этом — не хотелось оставлять недоговоренностей.

Откровенно говоря, сейчас Василий понимал, что во многом его жизнь сложилась так случайно... Родившись в пролетарской семье, он с детства не имел ничего против советской власти. Вместе со всеми товарищами клялся бороться за дело Ленина-Сталина, ходил на демонстрации, был пионером и комсомольцем. Потом отучился в техникуме, три года отслужил в армии — не в ОСНАЗе и даже не в десанте, а всего лишь простым танкистом механиком-водителем. После армии пошел работать репортером в газету — и там-то, во многом волей случая, и попал в ту самую «тусовку», где крутилась «творческая интеллигенция» и где ему начали вовсю лить в уши на счет того, как их не ценит Советская власть и что «они достойны лучшего». На своих встречах они частенько ругали советскую власть и лично товарища Пономаренко. И, незаметно для самого себя, Василий Василич тоже превратился в антисоветчика — вместо с остальными горланил на счет того, как же плохо живется при социализме, топил за «общечеловеческие ценности» и абстрактную «свободу» для творческих личностей, вовсю ругал власть... «Накрыли» их лавочку после того, как кто-то из них в пьяном угаре предложил тост за то, чтобы «сдохла эта лысая сука», имея в виду товарища Пономаренко. Ну а кто-то слишком трусливый после этого поспешил написать донос.

Тогда-то все и закончилось... Будь дело в 30-е годы — и, скорее всего, все они отъехали бы в лагерь. Но сейчас все же времена были немного другими — ему о том фактически напрямую сказал капитан госбезопасности: «Нам не нужны «мученики за идею», а то ведь люди у нас многие жалостливые... Не понимают, какая вы сволочь! Хотели «свободы и демократии»? Получайте!» В лагерь отправился в итоге лишь тот, кто выдвигал тот тост. Всех остальных после скорого суда посадили в самолет и выслали из страны, с лишением советского гражданства и почти без гроша в кармане. Так и началась его эмигрантская жизнь...

— Не ждал я, что мой сын таким говнюком вырастет! — вспоминались ему последние слова бати. — Ты ж, сука, сам из пролетариев!

Но сейчас Василий больше думал не о прошлом, а о нынешнем... И появившаяся у него мысль оказалась откровенно новой и необычной, о чем он прежде никогда и не задумывался. И мысль эта была о вот этой вот самой девушке, что сейчас сидела перед ним. Да, она ему понравилась буквально сразу, но сейчас речь была даже не про это. Он думал совсем о другом. Что он помог ей с теми неграми — это было правильно, так поступил бы любой нормальный мужик. А себя Василий считал таковым. Но дальше... Правильно ли он поступил, что пустил ее к себе домой? Да, ему искренне хотелось помочь симпатичной девчонке. Но... Если еще там, внизу, он мог сказать, что вот помог я тебе — и все, дальше

сама, но уже здесь он такого права лишился. Сейчас, пустив ее к себе, он уже просто не имел права так поступить! Своим поступком Василий взял на себя ответственность за ее жизнь, за то, что все с ней будет хорошо. Он дал ей надежду — и теперь не имеет права обмануть, не оправдать ее. И осознавать это было очень непривычно...

— Ну что, — в какой-то момент решил прервать их посиделки Василий. — Поздно уже, пора спать...

Не став спорить, девушка принялась раздеваться, а Василий отворачивался в сторону чтобы не пялиться на милое лицо и рассыпавшиеся по плечам длинные волосы, на стройные ноги и торчащую под майкой девичью грудь. Фигурка у девушки и впрямь была такой привлекательной... Оставшись в одних трусах и майке, она вопросительно взглянула на него, но Василий лишь махнул рукой.

— Ложись спать, тебе отдохнуть надо, — ответил на повисший в воздухе, но не заданный вопрос, парень. — И давай сразу все точки расставим... Я понимаю, что ты предлагала. И ты милая девушка и очень нравишься мне... Но пользоваться жизненными обстоятельствами для того, чтобы затащить девушку в постель — подло и низко. Скажу прямо — я был бы не против того, но лишь если ты этого искренне хочешь, не из чувства благодарности или как плату за помощь. И сразу говорю — что бы ты не решила, я тебя не брошу и не выгоню, если только ты сама не захочешь уйти.

— Спасибо, — робко улыбнулась девушка, и Василий почувствовал, что развеялось какое-то висевшее все это время в воздухе едва заметное напряжение.

Откровенно говоря, в других условиях Квете бы и в голову не пришло того, на что она была готова сегодня. Вот так вот сразу, с тем, кого толком и не знает... Но девушке очень хотелось выжить в этом буквально рушащемся на глазах мире, где она осталась наедине с опасностями. И если сегодня ей повезло, то вовсе не факт, что и завтра удача будет на ее стороне. Скорее наоборот... А ради того, чтобы выжить, она была готова пусть не на все, но на многое. Этот же спасший ее русский парень был ей симпатичен, потому девушка была уверена, что с ним ей будет как минимум не противно. Ну а там уж... Как знать. Жизнь покажет. И все равно его слова Квета восприняла с облегчением. Осталось лишь разобраться в своих чувствах и понять, что это — благодарность за спасение, обычная симпатия или все же зародившаяся на осколках мира любовь? И, умей она читать мысли, девушка бы с удивлением узнала, что Василий сейчас думает о том же самом.

Спать они ложились вместе, на одной кровати. В иных условиях Василий, наверное, предпочел бы показать «благородство» и улегся где-нибудь на полу, но самоубийцей он не был. Полежишь так на холодном полу, а потом воспаление легких будет? Ничего страшного, кровать большая — сюда он еще недавно своих подружек, зачастую одноразовых, водил. Так что и им двоим места хватит. Да и теплее так обоим. Спорить девушка не стала... В отличие от Василия, все думавшего о событиях сегодняшнего дня, уснула она быстро — хотя спала беспокойно. Похоже, снились какие-то кошмары, и она ворочалась на постели и что-то говорила на незнакомом парне языке. И, не решившись будить ее, Василий принялся тихонько гладить ее по голове, и вскоре девчонка успокоилась, а на лице даже появилась улыбка. Проснулись поутру они в обнимку — что несколько смутило обоих...

— Мне такой сон хороший приснился, — присев на кровати, тихо произнесла Квета. — Словно я дома, с мамой и папой...

Василию, вроде, тоже что-то снилось, но вспомнить сейчас ему ничего не получалось. И вдруг подумалось — как там сейчас его родители и братья с сестрами? Электричество дадут

через час, и он собирался вновь включить радио и попробовать поймать передачи с Кубы — если, конечно, будет работать передатчик. На острове сейчас идут то тайфуны, то снежные бураны — и порой вещание прерывается на несколько суток к ряду.

— Завтракать надо, — тихо произнес Василий.

— А, что? — оторвалась от каких-то своих мыслей Квета.

— Есть, говорю, надо. И печку растапливать...

— Сейчас что-нибудь сготовлю, — кивнула девушка.

Что ж, Василия это вполне устраивало... Хоть поест нормальной еды, а не холостяцких макарон с яичницей или и вовсе бутербродов с тушенкой или рыбными консервами, что последнее время было его главной едой. Однако Квета решила, что с этим надо заканчивать... Во-первых, это вредно — не хватало еще в такое время с больным желудком мучаться! А во-вторых... Хотя и в третьих тоже, ей хотелось чтобы Василий видел, что она не будет ему обузой, что вместе им будет лучше, чем врозь. Ну и показать себя хорошей хозяйкой перед приглянувшимся парнем — своим женским чутьем она безошибочно чувствовала, что в наступающие времена это будет куда важнее, чем та же внешность. Хотя ей природа девушку тоже не обделила... Но много ли будет толку от глупой и ничего не умеющей красотки в условиях крушения цивилизации? Ну а со своим отношением к парню... Девушка чувствовала, что это все же нечто больше, чем благодарность за спасение.

Откровенно говоря, в плане еды Василий оказался приятно удивлен... Из того немногого, что у них было, девчонка приготовила очень даже вкусный завтрак, чего у него самого не получалось почти никогда. Последний раз такое ел... Ну, наверное, на одной из посиделок эмигрантов в ресторане. Так что поговорка о том, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, в очередной раз доказала свою истину.

— А ты точно на медика, а не повара училась?

— Точно, — улыбнулась девушка, которой явно польстил такой незамысловатый комплимент.

А Василий вдруг почувствовал прилив какой-то нежности по отношению к этой вот милой девчонке. Хотел сделать так, чтобы она стала самой-самой счастливой на свете — и на фоне этого казались мелкими и незначительными и все его прошлые отношения, и дурацкая эмигрантская газетка, и даже Катастрофа... Быть может ради вот одного только этого и стоило жить, стоило совершить все те глупости и ошибки, по вине которых он оказался в Америке? Ведь не окажись его тут — может быть, от этой девушки уже остался бы лишь один окоченевший труп. Кто бы помог ей с этими выродками-неграми? И уж точно они бы никогда не встретились. Да, так не долго и фаталистом стать...

Дождавшись, пока дадут электричество, Василий включил радиоприемник и настроил его на нужную волну — и вот в американской квартире, посреди замерзающего города, раздается голос русского радио с его далекой родины. Говорится о строительстве теплиц, об Особом положении в стране, о планах по запуску трех новых моторных заводов на мощностях перепрофилируемых предприятий других отраслей. Даются прогнозы погоды на ближайшие пару недель. Сообщается о новых температурных рекордах на севере...

— О чем говорят? — сев рядышком и прислушиваясь к словам радио, спросила Квета.

— Новости Советского Союза, — грустно усмехнулся Василий.

— И как там? — с волнением в голосе спросила девушка.

— Трудно, конечно... Но живут, борются.

— Как думаешь... У них получится?

— Наверное, — пожал плечами Василий.

Странно, но в способности своей потерянной родины пережить случившийся катаклизм он не собирался. Вскоре выпуск новостей закончился, и радио смолкло. Никаких других передач нынче больше не передавали. И Василий, подбросив еще уголька в печку, думал бы завалиться на кровать, полежать от нечего делать, однако Квета вдруг собралась убраться. И Василию стало откровенно стыдно — он-то последний раз убирался еще до Катастрофы, и за прошедшее время квартира изрядно заросла грязью. Так что, встав с кровати, он принялся помогать девушке — и парой часов спустя с трудом узнавал свою квартирку. Таких чистоты и порядка не было у него даже в прежние времена. Увы, по натуре он всегда был тем еще раздолбаем...

Так и потянулись дни... Делать было особо нечего, и Василий с Кветой были заняты тем, что общались друг с другом, рассказывали о своей прошлой жизни, пытались мечтать о будущем — и чувствовали, что все больше и больше привязываются друг к другу. Не обошлось, впрочем, и без трудностей. Например, на девушку не было практически никакой одежды — дойти до ее дома они так и не решились. Так что пришлось ей перейти на мужскую одежду — благо, у Василия была и запасная, еще практически новенькая. Так что, немного перешив ее под себя, Квета стала ходить по дому в рубашке и джинсах, ну а на улицу — для этого у нее своя теплая куртка была. Так что как-то возникавшие то и дело трудности решались — за то жить вдвоем и впрямь оказалось легче и даже в какой-то мере приятно. Больше не было чувства одиночества...

В январе власти вдруг начали выгонять людей на «коммунально-хозяйственные работы»... Пытались что-то делать, наладить более-менее нормальную жизнь. Вывозили снег, чистили дворы, что-то ремонтировали. Попытались даже запустить кое-что из промышленности города. Увы, но именно там-то Василий вдруг понял и простую истину. Единого американского народа больше не существовало! Кто в лес, кто по дрова... Каждый сам за себя, каждый думает только о себе. И плевать им уже на окружающих. Выжить бы самому, а что там с соседом будет — это лишь его проблемы. Даже на работы эти выходили лишь из страха перед военными — люди подчинялись силе, но все равно старались валять дурака, отлынивать, имитировать бурную деятельность...

И, глядя на это, Василий с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее, смотрел в будущее со все меньшим оптимизмом. И единственным лучиком в этом царстве мрака была Квета... Он знал, что девушка ждет его возвращения с работы, что она будет рада его приходу. И это давало силы не сдаваться и сложить руки... Ведь он обещал ей — и не может не оправдать этого доверия. Ведь он мужчина! И должен сделать все для того, чтобы его жене было хорошо, чтобы она была счастлива. Да, в какой-то момент они, наконец, и перешли ту черту, за которой он вполне мог бы назвать ее так... Когда они решили быть вместе — и не только как хорошие друзья и любовники, а как одна семья. Пусть даже официально браки нынче и не регистрировали, однако как приятно, вернувшись с работы, видеть радость на любимом лице. Обнять и поцеловать ту, кого любишь, поделиться новостями, поговорить... Почувствовать, что ты кому-то нужен в этом все больше и больше сходящем с ума мире. Ради одного лишь этого уже стоит жить... Жить и бороться, верить в хорошее и светлое.

Однако порой все равно произвольно накатывала тоска о далекой родине, о родителях и братьях с сестрами. Увы, теперь ему оставалось лишь слушать новости по транслируемому с Кубы радио и верить в то, что прежде ненавистный им Советский Союз, выживет и

победит в борьбе с силами стихии...

Глава 3

Электрификация железных дорог приказала долго жить еще в конце ноября-декабре. Больше не ходили ни электровозы, ни электрички... Главным транспортом на железной дороге вновь стали тепловозы и даже вытасканные с баз запаса паровозы. Вот только локомотивов все равно остро не хватало! Так что на линию отправляли даже маневровые тепловозы, особенно для рабочих поездов или как локомотивы для плужных снегоочистителей. А работы для них было предостаточно...

Железная дорога вообще постоянно работала в режиме аврала — и тут на помощь железнодорожникам пришли и военные. Путьевые обходчики буквально сбились с ног, постоянно проверяя состояние путевого хозяйства. Не лопнули ли рельсы, не порвало ли болты на накладках... Вагоны-путеизмерители работали буквально непрерывно, выискивая образовавшие из-за замерзания грунта пучины или просадки — и при необходимости немедленно вызывали на место аварийные бригады. Хуже всего обстояли дела там, где осенью были уложены «временки» вместо нормального пути — кое-где за зиму пришлось буквально несколько раз перекладывать рельсы, но на долго ли хватит уложенной на мерзлой путь дороге? Даже со всеми возможными ограничениями по скорости движения...

Выходили из строя и работающие без умолку и передышки тепловозные дизеля, и тогда на смену им срочно ставили другие, а старые отправляли на заводы для проведения капитального ремонта. Ломались и многие другие узлы — колесные пары, редуктора, детали тележек... Впрочем, вместо них присылали новые, уже модернизированные. Изготовленные из более морозостойких марок стали, с подогревом масла.

И все равно справлялись с трудом... Количество находящихся в рабочем состоянии локомотивов неуклонно падало, а на смену им выходили все те же паровозы. И постепенно урезали планы перевозок — что нужно прямо срочно, сейчас, а что может и подождать. В какой-то момент прекратилось и пассажирское движение на большинстве направлений.

Нередко случались и перебои в движении. То из-за ремонта путевого хозяйства. То, например, военные проводили подрывы для превентивного спуска лавин. То где-нибудь случится перемет или все же сойдет лавина... Хотя постепенно ситуация начала меняться к лучшему. На заводах страны постепенно разворачивалось производство снегоуборочной техники — сначала уже привычных и давно известных плужных снегоочистителей СДПМ и роторных ЭСО-3. А с марта началось и производство принципиально новой техники — самоходных, с электрической трансмиссией на основе тракторного дизеля и тяговых электродвигателей от рижских электричек, шнекороторных снегоочистителей, расчищающих не только сам путь, но и прилегающее к нему пространство. До этого для этого использовали трактора — и производительность уборки была весьма невысокой, однако и оставить все как есть было нельзя. Иначе скоро плужному снегоочистителю просто некуда будет отбрасывать снег. Теперь на смену тракторам придут «широкозахватные снегоочистители», отбрасывающие снег на расстояние до двадцати метров от железной дороги... Из-за чего на всех на них в обязательном порядке писали предупреждающую надпись: «Внимание! Снегоуборочная техника. Опасная зона 20 метров!»

Использование последних, впрочем, создавало и свою проблему в виде мешающихся движению столбов, особенно на электрифицированных линиях. И их стали безжалостно выдирать и выкидывать, оставляя лишь на насыпях, где расчищать прилегающее к путям

пространство не было необходимости и можно было ехать с повернутым вперед для уменьшения габарита шнекороторным механизмом. Итогом стало то, что на некоторых участках железной дороги стало возможно движение исключительно по сигналам АЛСН или даже по командам по рации...

А вот для решения проблемы с тяговым подвижным составом на Новочеркасском заводе предложили новый проект, который немедленно и запустили в работу. Предлагалось всего лишь на всего переделать выпускавшиеся на заводе электровозы типов ВЛ8, ВЛ10 и ВЛ80 в тепловозы. Вот только все разбирать и переделывать — слишком сложно и долго. Куда проще посчитали вцепить в двухсекционные электровозы третью, дизель-генераторную, секцию, которая и будет вырабатывать ток нужных параметров... А, заодно, добавить и тяговых двигателей, что увеличит мощность локомотива и позволит водить составы большей массы. С односекционными тепловозами планировалось поступать аналогично — цеплять сзади него вагон-электростанцию.

Первые «модернизированные» электротепловозы, получившие к обозначению модели индекс ДЭ, вышли из цехов Новочеркасского завода в феврале... И после коротких испытаний сразу отправились работать на линию. И одновременно с этим на заводе уже шли работы по созданию «чистого» тепловоза, унифицированного по агрегатам, чтобы можно было использовать имеющиеся оборудование и оснастку... Хотя, конечно, это были уже больше планы на будущее. Пока бы уже выпущенные электровозы переделать! На это и будут направлены все мощности!

Так что к весне положение дел на железной дороге стало потихоньку приходить в порядок. Тем более, что и морозы уже были не столь большими, и опыт эксплуатации в таких условиях накопился...

Когда-то здесь делали самолеты «Як», но сейчас стране было не до них. Значительная часть узкоспециализированного оборудования была демонтирована и вывезена на другие заводы или различные военные склады на хранение, а на его место устанавливалось свезенное с половины страны или совсем недавно вышедшее со станкостроительных заводов оборудование совсем иного назначения... Где раньше был главный сборочный цех, там нынче стояло сразу нескольких конвейеров, на которых собирали совсем иные изделия. Которые в сложившихся условиях были куда важнее...

Первый дизель с клеймом Саратовского авиазавода вышел из этого цеха в середине февраля 1967 года. Ввиду того, что часть оснастки еще не была изготовлена, он был сделан по «обходной» технологии, с применением универсального оборудования, и после прохождения укороченной программы испытаний был установлен на трактор. А потом пошло... Заводские цеха работали без умолку и передышки. Отливали блоки цилиндров, головки и прочие детали. Точили, фрезеровали, шлифовали клапана, коленчатые и распределительные валы, масляные насосы, механизмы приводов и сцепления в механических цехах. Собирали отдельные сборочные единицы в сборочных цехах — и, наконец, они все поступали на главный конвейер, на выходе с которого новенький мотор попадал на испытательный стенд и, после настройки и испытания, отправлялся на автобазы или авторемонтные заводы. Или, если речь о тепловозных дизелях, — прямиком в депо.

— Нам уже в план поставили их делать, про самолеты теперь не скоро вспомним, — говорил как-то Михаилу батя.

— И как производство идет? — поинтересовался парень.

— Да ничего, — усмехнулась в ответ мать. — У нас специалисты на заводе хорошие, так что осваиваем новую продукцию...

От «обходной» технологии перешли к нормальной лишь к середине марта, когда была изготовлена последняя партия оснастки и смонтировано последнее оборудование. И теперь завод можно было бы назвать полноценным моторостроительным. Интересно, что будет потом, как закончится, как выразился товарищ Пономаренко, «долговременное сильное похолодание»? Вернут ли заводу прежний профиль деятельности или он так и останется моторостроительным?

А еще на улицах города постепенно становилось все больше и больше снегоуборочной техники... И теперь это уже были не только «танкторы» и трактора с навешенными снеговыми отвалами, но и первые шнекороторные снегоочистители, изготовленные по принципу таковых же трамвайных. Правда, навесные, цеплявшиеся на передок трактора или мощного грузовика... А вот на железной дороге уже становилось все больше именно специальной техники.

Март принес новые метели, к концу месяца слой снега достиг уже четырех метров, и некоторое потепление. А еще постепенно начала очищаться атмосфера... Первый раз с самого сентября Солнце выглянуло из-за мрачных серых туч пепла в верхних слоях атмосферы лишь в конце февраля — и тогда, побросав свою работу, все люди пялились на давно уж не виданное зрелище. Жмурились от непривычно яркого света, но глядели на сверкающие на солнце сугробы, за полузасыпанные снегом дома, на возводимые повсюду металлоконструкции теплиц... Можно сказать, это был своего рода миг счастья посреди мрачной повседневности. После этого даже работать начинали словно с удвоенной силой!

Михаил застал этот миг в очень удачный момент — как раз в то время, когда с его машины выгружали очередные эрзац-стеклопакеты, привезенные с Техстекла на стройку теплицы в бывшем Детском парке.

— Смотрите, Солнце! — кричал кто-то из студентов.

Высыпав из превращенного в «столовку» магазинчика, все смотрели на небо и радовались славно маленький дети... Вот только продлилось оно не долго. Всего минут пять — и небо снова затянули тучи.

— Солнышко, — счастливо улыбалась Вика.

— Солнышко, — согласился Михаил.

— Когда же закончится зима? — тихо произнесла девчонка.

— Когда-нибудь закончится, — ответил парень. — Какой бы долгой она не была, но всему же наступает конец...

— Долгая зима... — грустно усмехнулась Вика.

Произнося эти слова, девчонка даже не догадывалась о том, что совсем скоро именно такое название и получит вся нынешняя эпоха... И не догадывалась о том, что большинство трудностей еще впереди. Да, уже сейчас продовольствие выдавали по карточкам — но его еще было достаточно много. Уже даже просто потому, что за полгода было порезано столько скотины, сколько раньше резали за три года. И не все это мясо можно было сохранить... Немало было и овощей, срок хранения которых ограничен, а введение драконовских мер за порчу при хранении заставил работников овощехранилищ сбиваться с ног, но обеспечить нормальные условия хранения. И для этого советское правительство готово было выделить любые ресурсы, любое оборудование. Так что питались, несмотря на введенную карточную

систему и сильно урезанные нормативы по зерновым и крупам, запасы которых правительство собиралось растянуть на два года, достаточно неплохо.

Первая зима оказалась самой трудной в плане технического, готовности государства к столь большим холодам и столь сильным снегам. Не хватало людей, не хватало техники, не хватало производственных мощностей, запчастей к технике, топлива... И многое расходовалось откровенно нерационально, но и избежать этого было невозможно — ведь не бросишь же на произвол судьбу население Севера или удаленных деревень. И потому срочно преодолевать этот дефицит, создавать все необходимое приходилось в условиях частично порушенного народного хозяйства, снегов и морозов. Второй зиме предстояло стать самой трудной в плане продовольствия... Ведь пока была готова лишь весьма небольшая часть от запланированных к постройке теплиц, а уж освоение полупустынь Средней Азии лишь предстояло начать. Кроме того, не настало еще и время расцвета бандитизма, не успели выползти из своих щелей недобитые нацисты всех мастей, не проявили себя уцелевшие баи в Средней Азии. Не было эвакуаций и недовольства «засильем понаехавших»... Много чего еще не было — и большинство советских людей еще не догадывалось о том, что грядет в следующую зиму.

Впрочем, кое-что уже начиналось. Например, освещение теплиц потребовало экономии энергии от населения. В марте было объявлено о введении нормативов на потребление. Теперь в доме разрешалось иметь по одной розетке и две лампочки. За соблюдением этого норматива будут следить электрики, за нарушение же грозили отключением электричества. Так что и у Михаила дома оставили лишь одну розетку в передней комнате, отключив все остальные.

А еще в марте объявили о предстоящей эвакуации населения Сибири, Севера, Урала и многих удаленных деревень. В связи с этим уже сообщалось о предстоящих «уплотнениях». Правда, правительство предлагало людям, чтобы было меньше неудобств из-за проживания с чужими людьми, до мая самим объединиться в одном доме несколькими семьям — родственникам, друзьям, знакомым. Эвакуированных в этом случае будут вселять в освобожденные дома или квартиры... И причину такого постановления Михаил вполне понимал — тут и так многие люди на взводе ходят, вечно раздраженными. А уж если при этом и заставить их уживаться в одном доме с совсем чужими людьми... И на этот счет уже решили, что будут жить вместе с семьей старшей сестры Михаила, у которой дом был куда хуже. К некоторому удивлению Михаила, помимо всего прочего и определяли пригодность для проживания различных нежилых помещений, вплоть до сарая.

— Это же у вас старый дом? — разглядывая их сараи, поинтересовался пришедший к ним как-то в выходные мужик из райисполкома.

— Ну да, — подтвердила мать. — Этому нашему дому четвертый год всего, а раньше там жили.

— Для проживания годится?

— Ну как сказать, — пожалала плечами мама. — Одну печку, что в комнате была, разобрали — там мастерская сейчас. Вторая, где была кухня, есть, но там мы скотину держали... И полы там тоже разобраны.

— Ничего, — махнул рукой мужик. — Трудармейцы подремонтируют. Значит, включаем ваш сарай в список помещений, пригодных для размещения эвакуированных. Не разбирать, не ломать, не перестраивать. И к маю освободить помещение от всего лишнего.

Размещать эвакуированных собирались буквально везде, где можно жить... Гостиницы,

студенческие и рабочие общежития, коммуналки, пригодные для жизни людей административные здания — все это будет заселено людьми, которые с началом лета станут приезжать в город. И такое сейчас творилось в половине страны.

Впрочем, что Михаил, что Вика, что их родители могли пока лишь догадываться о масштабе запланированных советским правительством мероприятий и том, как все это будет осуществляться на деле. Например, уже было объявлено о предстоящем освоении полупустынь Средней Азии — впрочем, на этот год были запланированы лишь подготовительные мероприятия. Как не так давно было с Целиной, сейчас предстоит в максимально короткие сроки построить сотни поселков и деревень, создать МТС, зернохранилища и элеваторы, школы и больницы, построить сотни километров железных и автомобильных дорог, высадить тысячи гектар ветрозащитных лесополос... Впрочем, последнее — планы уже на следующий год. Когда начнут распашку бывших полупустынь. Но кто знает, что там еще задумали министерства и запланировал Госплан, чего еще потребуют советское правительство и коммунистическая партия?

Ну а по вечерам, после работы, Михаил все также ходил на учебу в университет... Вскоре он оказался и вовсе единственным на курсе отличником — ведь, в отличие от товарищей, ему нужно было лишь вспоминать, а не учить с нуля. Так что приглядывавшие за ним органы госбезопасности и лично товарищ Шелепин вскоре и впрямь пришли к выводу, что имеют дело с гением. Более того — от их взгляда не скрылось и то, что он помогал в учебе Вике и еще кое-кому из товарищей, разъясняя буквально «на пальцах» пройденный материал. Что тоже списали на высокие интеллектуальные способности...

Отношения с Викой вообще хоть и не особо быстро, но постепенно развивались. Тормозила их во многом, впрочем, обстановка. Когда устаешь так, что уже совершенно не до чего... Еще несколько раз Михаил провожал девчонку до дома, но этим все и ограничилось. Лишь в марте, найдя укромное местечко в университете, они первый раз поцеловались... Если это вообще можно было так назвать — по сути, девчонка просто робко ткнулась своими губами в его. Целоваться она не умела совершенно... «А ведь у меня уже были женщины, даже двое», — вдруг смутился тогда Михаил. Первая — Ленка, а вторая — его Оля... Которая в этом мире и не рождалась. Вновь вспомнилась оставленная где-то в параллельном мире семья, и от этого стало больно. Но ведь нельзя вечно жить прошлым, воспоминаниями... Сейчас у него другая жизнь, другая судьба. И теперь он уже был уверен, что искренне любит Вика. Порой даже удивлялся тому, что в прошлом варианте своей жизни не обращал на нее никакого внимания. И хотелось верить, что они будут счастливы вместе — что бы не ждало их дальше... Но ведь настоящая любовь не боится трудностей, а лишь становится сильнее?

— Устала я, Миш, — когда они в начале марта шли из университета, тихо пожаловалась девчонка. — Когда же это все кончится...

Откровенно говоря, Вика не любила жаловаться... Она было слишком гордой для этого. Но сейчас этот вопрос мучал всех, об этом думал каждый человек. И не только в СССР — во всем мире... И Вика позволила себе такую небольшую слабость — пожаловаться любимому на жизнь. Просто потому, что уже устала это все держать в себе.

— Ничего, — приобняв девушку, произнес Михаил. — Мы прорвемся! Вот увидишь!

— Прорвемся, — улыбнулась в ответ Вика.

Но улице сейчас было всего лишь двадцать два градуса мороза... Середина марта уже! Дело идет к весне постепенно... Так что при желании можно даже погулять пойти — такой

холод уже и за мороз отвыкли считать. Кругом все было в снегу... Первые этажи домов окончательно «утонули» в сугробах. Тут и там сваленный в кучу снег — но вон военные вместе с коммунальщиками грузят с помощью трактора снег в кузов военного ЗИСа, чтобы вывезти его за город. «Эх, как начнет все это «добро» таять... «Утонем» же!» — вдруг подумал Михаил. Если таяние будет достаточно быстрым, то половодья будут мощнейшими! По всей стране! Только когда она, «весна», настанет-то?

— Давай провожу? — когда они доехали до места, предложил Вике Михаил.

— Ну если хочешь, — улыбнулась девчонка.

Погода стояла тихой, безветренной, так что мороз практически и не чувствовался. Да и одеты они тепло были... И они шли по улице и разговаривали. Вспоминали школу, учебу. Обсуждали происходящее вкруг в мире. И мечтали о будущем — и, конечно, мечты эти были добрыми и светлыми. Мечтали о времени, когда кончится проклятая зима и можно быть жить как прежде — пусть оба они и чувствовали, что все как прежде не будет уже никогда, но так хотелось на это надеяться! А еще они будут вместе — чего бы не случилось! Ведь они любят друг друга...

— Давай поженимся, Вик? — неожиданно для себя вдруг произнес Михаил.

В прошлой жизни он бы, наверное, предпочел бы выбрать для подобного предположение какой-нибудь особый день или повод, цветов бы нарвал или купил... Но сейчас, посреди вулканической зимы, все это казалось чем-то таким далеким и совершенно не важным. Когда каждый новый день может стать последним, посреди опасностей, все это казалось несущественной мишурой.

— А если я возьму и соглашусь? — весело усмехнулась в ответ Вика. — Ты же потом от меня уж никуда не убежишь!

— Догонишь? — улыбнулся Михаил.

— Конечно, я же быстро бегаю! — рассмеялась девушка. — Так что... согласна! Только потом не жалуйся!

— Не буду, — улыбнулся Михаил.

Поскольку Михаилу еще не исполнилось восемнадцати лет, то потребовалось разрешение родителей, впрочем они дали его без проблем. Против Вики они ничего против не имели... Им это девчонка давно симпатична была. Ну а Михаилу и так скоро восемнадцать будет, да и время нынче такое...

Так что через день они, отпросившись с занятий в университете, пошли в ЗАГС Сталинского района... Прямо после рабочей смены. К некоторому удивлению Михаила, они оказались вовсе не единственными желающими зарегистрировать свой брак именно в этот день. Перед ними было уже двое желающих в очереди... Однако двигалась она очень быстро. И вскоре подошел и их черед.

— Свидетели будут? — выслушав их, спросила работница ЗАГСа.

Выглядела она откровенно уставшей и сейчас смотрела на них с совершенно безразличным взглядом. Дескать, работа есть работа. Надо — значит, надо. Тоже что ли днем где-то в другом месте работает?

— Да, — подтвердил Михаил. — Родители.

— Давайте документы и... Разрешение родителей есть?

— Да, — подтвердил Михаил.

— Тогда вопросов нет. В соответствии со статьей 17 пунктом 3 Закона об Особом положении, регистрация и расторжение браков при отсутствии общих детей и

имущественных споров производится в день подачи документов без предоставления испытательного срока, — отчеканила явно уже хорошо заученную фразу женщина. — Согласны ли вы пожениться?

— Да, — почти в один голос ответили Михаил и Вика.

— Подходите, расписывайтесь, — произнесла работница ЗАГСа и, когда они расписались, продолжила. — Объявляю вас мужем и женой. Поздравляю! В соответствии со статьей 9 пунктом 5 Закона об Особом положении в период действия Особого положения смена фамилии и замена документов по возрасту или иным причинам, кроме утери, не производится. При наличии желания вы сможете сменить фамилию после отмены действия Особого положения на территории Союза ССР или его отдельных республик. Кроме того напоминаю, что по закону завтра вам представляется выходной день.

На том вся свадебная церемония и закончилась. Не было ни традиционных речей и вопросов, ни музыки, ни поздравлений, ни праздничной одежды. Просто пришли и поставили подписи, получив свидетельство о регистрации брака.

— Знаешь, — когда они вышли из ЗАГСа, задумчиво произнесла Вика. — Я не очень понимаю многих свадебных обычаев, платьев тех же... Я бы пришла в обычном, голубом. И особо праздновать бы не стала, только мы сами, родители и братья с сестрами. Но как сейчас... Это даже для меня слишком. Так и кажется, что это все словно ненастоящее.

— Думаю, оно теперь надолго так, — заметил Михаил.

Дома их ждал небольшой «праздничный стол» в виде испеченного матерью Михаила торта, пирожков от матери Вики, пары салатов и картошки с мясом. Вот и все! Немного посидели, поговорили... Попытались хоть немного получше узнать друг друга — родители их обоих рассказывали различные истории из своей жизни. Однако разговор постоянно волей-неволей срывался на сложившуюся в мире ситуацию. И потому вскоре они предпочли закруглиться... А Михаил с Викой вскоре завалились спать. Просто спать, хоть немного отоспаться после трудового дня... Для всего остального и завтра будет день. Аж целый день — их личный выходной!

Глава 4

Переговоры СССР и Ирана начались еще в марте 1967 года — и в их результатах, в принципе, были заинтересованы обе стороны. Для изрядно пострадавшей, лишившейся значительной части промышленности, пережившей зимние морозы и голод, постепенно погружающейся в пучину бандитского беспредела и разрухи страны это фактически было единственным шансом на выживание. И кроме как на Советский Союз надеяться было больше не на кого. СССР же... Ему позарез нужно было больше нефти и пригодные для земледелия уже в этом, 1967 году, земли. И Иран вполне подходил под эту категорию! И если Турция была страной НАТО и там еще стояло какое-то количество американских войск, Афганистан не представлял особого интереса, а на Ближнем Востоке развернулась очередная арабо-израильская война, где уже всюду применяли оружие массового поражения, включая боевую химию и биологию, то Иран был оптимальным вариантом. И если шах не согласится добровольно... Значит, шаха просто скоро не будет! И шах это прекрасно понимал.

И вот в начале апреля, наконец, прозвучало долгожданное обращение иранского правительства к СССР. В котором то объявляло о намерении строить в стране социализм, желании страны войти в состав Советского Союза в качестве республики и просьбе оказать помощь в восстановлении народного хозяйства и наведении порядка. На что Советское правительство на следующий же день ответило согласием, а товарищ Пономаренко выступил по радио со словами на счет принятия Ирана в состав СССР.

И в тот же день на территорию Ирана потянулись длинные войсковые колонны... Шли автомобили и тяжелая техника, целые колонны сельскохозяйственной и строительной техники, а железнодорожники всюду готовились к строительству соединительных веток и перешивке иранской железной дороги под советскую колею. В Тегеране советские войска встречали многотысячной демонстрацией, красными флагами и коммунистическими лозунгами. Сам шах клялся в верности коммунистическим идеалам и заявлял про готовность бороться за победы дела Ленина-Сталина...

А тем временем присланные из СССР трудармейцы немедленно приступали к распашке земли... Если в советской Средней Азии в апреле только-только началось таяние снегов, то здесь земля была уже готова. Бери и паши! А еще нефть! Даже не смотря на разрушения, здесь много нефти! А, значит, будет чем заправлять мирные советские трактора и грузовики... Включая те, на которые, не иначе как для красоты, водрузили всевозможные трубы, антенны и еще всевозможные декоративные элементы.

Кое-где, правда, обнаруживались несознательные личности, кто, видя ослабевшее центральное правительство, уже возомнили себя свободными и независимыми от него и по привычке попытались обидеть и советские мирные трактора с грузовиком. Но вскоре все они искренне раскаялись и дружно померли от душевной травмы, а советские водители продолжили свою деятельность. Должен же кто-то помогать иранскому народу в строительстве социализма? Да и разве можно не выполнить приказ самого Председателя Совета Министров СССР и Генерального Секретаря ЦК КПСС товарища Пономаренко? Да товарищ Василенко тоже шутить не любит. А, значит, всем врагам иранского советского народа придется очень сильно раскаяться в своих заблуждениях...

Проснувшись поутру, Михаилу совершенно не хотелось вставать... Сегодня у них выходной! Один-единственный, после пяти дней работы на стройке теплиц. Но вот сегодня можно и отдохнуть... Повернув голову набок, парень посмотрел на уткнувшуюся носом ему в бок голову Вики. Его любимой, его жены... Вдруг вспомнился тот самый, их личный, выходной после свадьбы. Тогда, правда, у них было сразу два свободных дня. Сначала их личный, а потом — последний день шестидневки. И... Нет, они не были из тех, кто принципиально «до свадьбы ни-ни». В конце концов, если парень с девушкой любят друг друга и хотят быть вместе, то штамп в паспорте — это уже больше формальность. Но фактически сложилось именно так — поскольку до этого просто не было ни времени, ни сил, ни особого желания. Уж больно выматываешься со всем происходящим кругом! Прямо как тогда, в 90-е... Когда в сезон порой до часа ночи торчал под трактором или комбайном, а уже в семь утра снова выходил на работу.

Впрочем, тогда он уже куда старше был... Жена была, которая обычно на выходные приезжала к нему в деревню, поскольку летом у него порой не было возможности вырваться в город даже на субботу с воскресеньем. Дети были... Два сына и дочка. Здесь же... Кто знает, что их еще ждет? И уж сейчас точно не до детей... А вот Вика в тот день на какой-то день даже обиделась было.

— Ты уже был... с ней? — когда они вместе лежали под одеялкой, вдруг спросила у него девчонка.

Ну да... Что Вика поймет, что у него с ней не первый раз, — можно было даже не сомневаться.

— Было, — подтвердил тогда Михаил, — но не с ней... С другой.

— С кем? — удивилась девчонка.

Самое странное, но это было именно удивление... Будь оно с Ленкой — Вике было бы обидно, что «эта вертихвостка» опередила ее. Но другая... Это не было обидно, хотя и удивляло. Когда успел? Ей-то казалась, что вся жизнь Михаила прошла буквально на глазах у нее и их класса... Что удивить ее ему нечем. Но и фальши в голосе не слышалось...

— Ты ее не знаешь, — ответил тогда Михаил. — Она куда старше была...

И ведь Михаил тогда и не соврал ни слова! В этой жизни с Ленкой не было у него ничего. Что же касается «другой»... Ну так его прошлая жена! И Вика поверила — услышанная версия все объясняла куда лучше, чем придуманная было ей. И хотя девчонка и почувствовала какую-то недоговоренность, но накручивать себя она не стала и поверила сказанному. Просто потому, что хотела верить. На том вопрос был закрыт и больше никогда не поднимался. Прошное должно остаться в прошлом.

Второй день после свадьбы, которую Михаил с трудом мог так назвать, они ходили отоваривать карточки и даже немного прогулялись по городу. Хоть в марте еще было холодно, но погода в тот день оказалась на удивление тихой. Даже солнышко как-то выглядывало! Однако большую часть свободного времени они посвящали учебе. В этом плане жить с родителями было однозначно удобнее... Еду ту же мать Михаила готовила. Снег убирали вместе, общими усилиями. А потому уставали куда меньше... Можно сказать, трудные времена показали людям, что выживать семьей куда легче, чем по одному. Не оттого ли, несмотря на ежедневные трудности и испытания, в эту зиму было зарегистрировано просто огромное количество браков? Вот сестра Михаила замуж собралась, чем буквально шокировала родителей. Правда, они сказали, что раньше

семнадцать лет разрешения ей не дадут, но это уже в конце мая. Так что Машка даже спорить не стала. А ведь это — больше чем на полтора года раньше, чем в прошлой жизни! Хотя и за того же самого парня. Среди одноклассников Михаила у многих уже семьи появились... Или все дело в том, что никто не знает, что будет завтра и оттого хочет успеть ухватить хоть немного счастья?

Как ни странно, но они с Викой ведь тоже счастливы были... Как мало для этого, оказывается, нужно! Всего лишь вот так быть вместе, чувствовать, что тебя кто-то любит, готов помочь и хотя бы даже просто психологически поддержать. Не испытывать чувства одиночества, что в такие времена становится особенно важно! Хотя не все, наверное, такие... Тут еще вопрос везения — будет ли это «твой» человек или нет. А то ведь можно и с такой связаться, кто весь мозг вынесет и все нервы измотает... И навеки проклянешь тот день, когда ее увидел впервые! У таких в трудные времена вместо того, чтобы хоть как-то помочь, начинаются одни лишь претензии... Мало зарабатываешь, дома не бываешь, мало внимания обращаешь, «да ты неудачник» и другие подобные претензии. Уж сколько семей в 90-е развалилось — то Михаил видел на примере многих друзей и знакомых! Впрочем... В той жизни Вика ж не бросила своего мужа, у которого в 90-е дела тоже неважно шли. Тогда он зарабатывал на жизнь тем, что, уволившись с завода, пошел работать грузчиком и таскал американские окорочка... А потом они вместе ехали и вкалывали на даче, живя практически натуральным хозяйством. И ни разу он не слышал, чтобы она жаловалась на жизнь! И хотелось верить, что в этой жизни у него с Викторией все будет не хуже...

Повернув голову, Михаил еще долго смотрел на спящую жену и старался даже не шевелиться чтобы случайно не разбудить девушку. Во сне она выглядела такой милой и трогательно-беззащитной, что хотелось защитить ее от всех трудностей и опасностей окружающего мира... Вот только Михаил прекрасно понимал, что сделать это просто не в состоянии, и это чувство беспомощности буквально бесило его. Ну что он может? Затариться продуктами длительного хранения, топливом и переждать катаклизм где-нибудь в укромном месте?

Ну-ну... Даже будь у него такая возможность, что бы это дало? Вылезти через десяток лет посреди руин цивилизации и всю жизнь пытаться как-то выжить посреди разрухи? Кто-то, возможно, предпочел бы поступить именно так... Вот только ради чего такая жизнь? Чтобы до самой своей смерти вспоминать и сожалеть о том, чего не вернуть уже никогда? Так что нефиг ныть! А вставай и иди — работай, борись за выживание! Не за собственную шкуру, а за то, чтобы была жива страна. Ты представитель цивилизации XX века — и без нее ты никто и ничто!

Они встали почти через полтора часа — и первым же делом пошли есть. Хоть мать Михаила и уже ушла на работу, но еду им оставила. Да и батя еще тут был. Ему сегодня во вторую работать... А сейчас он занимался тем, что топил котел.

— Проснулись? — когда Михаил вошел на кухню, спросил.

— Угу, — сонно зевнув и потянувшись, произнесла Вика.

— Ну садитесь есть...

И все та же еда — не каша с котлетой, а скорее котлета с мясом. Тут и собственного пороса доедают, и выданное... Все же сейчас в первую очередь экономят продукты длительного хранения, а не то, что скоро испортится. И держать скотину дольше — значит, тратить на нее все те же продукты длительного хранения. Хотя бы в виде зерна... Впрочем, овощи тоже лучше людям на прокорм пустить.

— Наши ввели войска в Иран, полчаса назад по радио передавали, — присев на другой конец стола, произнес Василий Петрович.

— В Иран?! — откровенно удивилась Вика.

— Там тепло сейчас, — сразу сообразил, к чему речь идет, Михаил.

Ну да... У них хоть и недавно была первая в этом голу оттепель, когда аж три дня подряд снег активно таял и заливал улицы талой водой, но то был лишь краткий миг, после которого вновь вернулась зима. И когда она еще закончится? Сообщалось, что в Причерноморье и Средней Азии началось таянье снегов... Половодья там сейчас дикие, людей эвакуируют десятками тысяч из зоны предстоящего затопления. Обещают, что снег к маю сойдет, но что будешь в таких условиях сажать? Разве что какую-нибудь картошку-скороспелку... А уж севернее все и того хуже — у них обещают, что снег сойдет лишь к июню. А уж в Сибири и на Севере... Там и вовсе не обещают ничего!

А вот в Иране снег уже наверняка сошел... Там можно пахать и засеять поля, сажать огороды. В общем, выращивать продовольствие для страны! А еще Иран — это нефть! А она нынче тоже в дефиците... Так что шаг вполне логичный и предсказуемый. Интересно лишь одно — как все это преподнесут?

Впрочем, этот вопрос разъяснился очень быстро. Достаточно оказалось включить телевизор, где показывали те самые входящие в Иран колонны военной техники. Говорилось об обращении иранского правительства, о решении товарища Пономаренко, о том, что дает Советскому Союзу присоединение новой социалистической республики... И тут, как и ожидал Михаил, не забыли упомянуть и климат Ирана, в котором уже в этом году можно заниматься сельским хозяйством. А следом за этим новости вдруг вновь переключились на происходящее за рубежом — хотя раньше про это не вспоминали уже давным-давно. Показывали голодные бунты в Америке, эвакуацию на юг канадского населения, говорили о крахе экономики Западной Европы...

Но самое главное — сделали акцент на южном полушарии. Да, там прозрачность атмосферы понизилась гораздо слабее, хотя все же и с севера что-то донесло, да и «южные» вулканы вроде Тамборы, Кракатау и еще целой серии помельче несколько подгадили. Да и общее снижение температуры на планете постепенно достигло и тех мест. Устойчивый снежный покров лег в Андах и на юге Патагонии, шли смывавшие плодородный слой почвы вместе с посадками проливные дожди в Африке и Южной Америке. Ущерб, конечно, куда меньше, чем в северном полушарии, но тоже весьма заметный. На фоне этого — целая череда военных переворотов в Латинской Америке, активизация различных революционных движений. На полтора года раньше, чем в истории Михаила, произошел переворот генерала Веласко в Перу, и сейчас туда начали всюю эвакуироваться кубинцы. В Африке свирепствуют эпидемии и идет тотальная война всех против всех... Впрочем, в Европе тоже отмечены первые голодные бунты и военные столкновения. Пока еще ограниченные, правда. Не доходящие до большой войны. А еще голод в Китае, Индии и Индокитае, там люди уже всюю умирают от нехватки еды... Ситуация в мире постепенно становилась все хуже и хуже, и на этом фоне СССР даже выглядел своеобразным островком стабильности. Показать это, судя по всему, и было главной целью обзора.

Посмотрев новости, они пошли работать, ведь если сегодня выходной — это вовсе не означает отсутствия домашних дел. Скорее наоборот! Потому сейчас вытаскивали и закидывали на чердак дома содержимое мастерской, а там много всякого накопиться успело... Как нужного и полезного, так и оставленного «на всякий случай» хлама. Но сейчас

надо было освободить бывший дом — ведь его уже определили под заселение эвакуированными... Впрочем, Михаил уже знал и про то, что такой статус давали даже наиболее крепким и основательным сараям, которые можно утеплить, поставить печку и заселить. И за этой работой и пролетело время до обеда, после чего решили взять передышку. Остальное на следующих выходных перетаскают.

Обед в этот раз стоговила Вика — у нее это вообще неплохо получалось, во всяком случае на взгляд Михаила. А вскоре после обеда вдруг выглянуло солнце — хотя оно уже достаточно часто стало появляться. Погода стояла теплая, всего семь градусов мороза, и Михаил с Викой решили пойти немного прогуляться. В какой-то раз вот всего лишь пройтись по городу — без всякой цели, просто так. Почти недоступное в нынешнее время удовольствие... Эх, были ж времена!

— А помнишь наш выпускной? — вдруг, ни с того, ни с сего, произнесла Вика.

— Помню, конечно, — согласился парень.

— Помню, стоим мы тогда, взявшись за руки, и смотрим на город, — грустно улыбнувшись, продолжила девчонка. — И я мечтала о том, каким будет будущее... Помнишь, ты еще сказал про рассвет новой жизни?

— Помню, — кивнул в знак согласия Михаил.

— Во и я думала про то, какой будет эта новая жизнь, — тихо произнесла девчонка. — Мечтала о том, как мы выучимся, пойдем работать... Как наша страна будет развиваться, становиться богаче и сильнее, как наши полетят на Луну... Как во всем мире победит коммунизм — и больше не будет на Земле никаких войн и несчастий! А вышло... Сам видишь, что вышло!

— Вижу, — согласился Михаил. — Только... Кто же мог о таком предполагать?

— Никто, — согласилась Вика. — Только... Чувствую себя словно обманутой! Так ведь не должно было быть...

И, как ни странно, Михаил с этим был полностью согласен... Вот только для него это было не просто мыслями, эмоциями, а твердой убежденностью. Ведь он жил в другом мире, где не было в 1966 году никакого гигантского извержения! Не было там — значит, не должно было быть и здесь. И все же оно случилось — а это означало лишь одно... Что версия на счет того, что извержение вызвано ядерным испытанием, верна. Да, пока это было лишь версией, с которой были согласны далеко не все ученые, но не для Михаила. Он в этом был абсолютно уверен. Что ж... Он и в прошлой жизни ненавидел США — теперь поводов для этого у него стало в несколько раз больше.

— Кто ж может знать заранее... С войной вон тоже никто не ждал, что оно так будет, — заметил Михаил, и Вика вдруг аж вздрогнула при такой ассоциации.

— А ведь это — тоже как война, — тихо произнесла девчонка. — Сколько уже людей умерло, сколько калеками стало? И то ли еще будет...

Официальных данных по потерям еще никто не публиковал — во всяком случае, обобщенные. Но... Ведь Михаил и сам многое видел, своими глазами! Кто погиб в первый же день от землетрясений и цунами. Кто еще осенью или уже зимой помер от воспаления легких. Кто замерз насмерть в выстуженных домах или в сломавшихся, застрявших вдали от жилья машинах. Кто угорел в собственных домах. Кто погиб или покалечился на стройках... Вон как Леха Расторгуев из их класса — в середине февраля сорвался с лесов на строительстве отапливаемого ангара на стройке и кости переломал. Недавно совсем Михаил его видал в магазине, где отоваривали карточки. Леха тогда как раз туда пришел — с палкой,

хромая на правую ногу. По его словам, врачи сказали, что теперь он всю жизнь так ходить будет — и вообще, дескать, должен радоваться и этому.

Они шли по заснеженным улицам, глядя в свете солнца на преобразившийся буквально до неузнаваемости город. Еще недавно тут были сады и огороды — сейчас на их месте одни громадные сугробы. Где были дороги — сейчас снежные траншеи. Где были площади — там или металлоконструкции теплиц, или мрачные серые ангары теплых стоянок. Кажется, что кругом не осталось ни одного пустого места. Даже на месте аэродрома авиазавода громадный тепличный комплекс. Повсюду дымят трубы, из-за чего над городом стелется сизая дымка — люди топят дома. И всюду снег, один снег...

— Здоров, Михан! — вдруг кто-то окликнул его.

— Привет, Вик! — присоединился к нему женский голос.

— Привет трудовому народу! — обернувшись, усмехнулся Михаил.

— А говорил мне... — усмехнулся Петька. — Значит, вместе все же?

— Ну да, — улыбнулась Вика. — А вы-то как, тоже?

— Ага, — улыбнулась Катя. — Вчера расписались, сегодня вот отмечаем, можно сказать... До Волги вот решили дойти.

— Тогда поздравляю! — улыбнулась Вика. — Как вообще живете?

— Да ничего так, — усмехнулся Петька. — Утром на работу, вечером в политех...

— Вот и у нас то же самое, — согласился Михаил.

До Волги они дошли вместе — делясь впечатлениями от происходящего в последние месяцы и обсуждая сложившееся положение. И вот и она, занесенная снегом река... В обычное время уже давно бы ледоход закончился, но сейчас — ни в одном глазу. А на берегу кое-где до сих пор видно полуразрушенные, покосившиеся здания, восстанавливать которые оказалось бесполезно. Оползень! Еще одно напоминание о прошедшем катаклизме...

— Как думаешь — надолго это? — вдруг обратилась к Михаилу Катя.

— Не знаю, — честно признался он.

— Слышали новости из Америки? — вдруг спросила девушка.

— Про голодные бунты и замерзающее население? Ну да, хреново у них там дело...

— Ага. Знаете, ребята, — вдруг произнесла Катя, — не любила раньше американцев...

Но сейчас мне их даже жалко как-то стало.

— Сами виноваты, — поморщился, вспомнив про развал СССР в его прошлом мире Михаил. — Сами вулкан пробудили своими ядерными испытаниями...

— Пробудили, — согласилась Катя. — Только гибнут ведь сейчас не буржуи их, а простой народ...

— Так, увы, всегда бывает... Простой народ отвечает за глупость и преступления своих правителей, — задумчиво произнес парень. — Даже если не согласен с ним.

Ну да... При развале СССР тоже большинство партийцев не особенно-то много потеряли. Почтив се неплохо «перестроились» в капиталистов, принявшись увлеченно делить народное добро. Растаскивать, разворовывать, разваливать то, что создавалось десятилетиями упорного труда миллионов людей. А народ в большинстве своем остался не у дел, оказался у разбитого корыта... То же сейчас происходит и в США. Многие ли там выступали против гонки вооружений, выступали за запрет ядерного оружия и ядерных испытаний? Ничего подобного! Большинство американцев были простыми обывателями, активно или пассивно поддерживали курс правительства, ругали СССР и коммунистов... Ну вот получили! Жаль лишь, что при этом и всему остальному миру досталось по первое

число.

Обратно они шли все вместе, одной компанией... И почему-то всех вдруг потянуло на воспоминания о школе. О совсем недавних, но теперь казавшимся всем чем-то вроде прошлой жизни светлых временах. Когда все казалось просто и понятно, когда каждый в мыслях уже строил свои планы на дальнейшую жизнь и был уверен в том, что все именно так. Пока эти мечты не порушила Зима!

Когда они пришли домой, батя Михаила уже ушел на работу, а мать еще не вернулась с нее. Достав остатки вчерашней тушеной капусты с мясом, они сели поесть, думая каждый о своем. Вика думала о том, что же ждет их в дальнейшем — и хотя она и привыкла быть оптимисткой, но логика была безжалостна. А она была умной девушкой и спорить с ней, заниматься самоуспокоением не собиралась. Трудно будет. Очень трудно... Это было прекрасно понятно. И что сделает с ними это суровое время? Кто они такие в масштабе происходящих событий?

Мысли же Михаила в целом имели схожую направленность... Хотя о себе он почему-то думал мало. Словно уже и привык помирать... Да и прошлая жизнь как-то успела его избавить от иллюзий и наивных мечтаний. Так что если бы пришлось отдать свою жизнь за жизнь страны — он бы сделал это без особых сомнений и сожалений. Жалко лишь было эту вот девчонку, его жену... Как все же изменило ее это время! Где теперь та веселая и никогда не унывавшая, наивно верящая во все доброе и светлое девчонка, каковой он запомнил Вику по школе? Нет ее больше... Словно разом повзрослела минимум лет на десять, стала куда взрослей и рассудительней, привыкла тщательно обдумывать каждое свое решение. И хоть она ему и такой нравилось, но было жалко те юношеские задор и жизнерадостность. А еще — так обидно было видеть, как она по вечерам приходит после университета и с каким-то усталым и безразличным ко всему взглядом садится за стол ужинать... Когда выматывается настолько, что хочется лишь одного — посидеть и отдохнуть, а лучше завалиться спать. Он, правда, в это время вряд ли выглядит лучше, но он-то мужик... И все равно при всем при этом она старается оставаться собой — не ноет, не жалуется на жизнь, не дает волю эмоциям. И такое поведение... восхищало.

— Ничего, Вик, — доев свою порцию, Михаил присел поближе и тихонько приобнял жену. — мы победим, вот увидишь!

— Я знаю, — прижавшись к нему, полушепотом произнесла девчонка. — Мы ведь советские люди!

— Вот именно! — улыбнулся Михаил.

Какое-то время они так и сидели рядышком, в обнимку — и обоим было так хорошо, тепло, уютно... Словно и нет и не было за окном никакой Долгой зимы. Словно все это — где-то там, в страшном сне. Достаточно лишь открыть глаза — и вот уж перед ними снова привычный мир, снова Советский Союз, а они — обычные студенты обычного университета. Вот только оба понимали, что все происходящее вокруг — правда. Но в этот миг оно словно не имело никакого значения... Может быть, ради одних лишь вот таких мгновений счастья и стоит жить и бороться — пусть даже против тебя силы самой природы?

Интерлюдия

Василий захлопнул за собой дверь и длинно выматерился на родном русском языке, но Квета его поняла. За прошедшее время она уже научилась бегло говорить на этом языке. С весьма непривычным акцентом, конечно, но вполне понятно. И что случилось что-то очень нехорошее — можно даже не сомневаться.

— Что такое? — тоже по-русски спросила она Василия.

— Говорят, что будут теперь давать продукты лишь тем, кто работает! — ответил парень. — И до того-то тебе давали столько, что на это фиг проживешь, а теперь и того не будет.

— Давай, я тоже работать пойду, — тяжело вздохнула девушка.

— Куда? — поморщился Василий. — На морозе кирпичи, бетонные плиты да трубы всякие таскать? Думаешь, то, что ты — девушка, даст какую-то скидку? Можешь и надеяться! Работать наравне со всеми остальными придется. Знаешь, сколько народа там уже спины сорвали? Или к господину Томсону в постель ляжешь?

— Нет! — аж передернуло от отвращения девушку. — Как ты можешь такое говорить?!

— А тогда не спорь! — ответил Василий. — И... Не обижайся, Квет. Я просто люблю тебя...

— Я понимаю, — тихо произнесла девушка. — Только это неправильно! Я, получается, объедаю тебя...

— Ничего страшного, — махнул рукой Василий. — Уже одно то, что ты рядом, дает мне силы не сложить руки и не сдаться... Да и одно дело — прийти с работы в промерзший насквозь дом и перекусить тушенкой с макаронами, а другое — когда дома тепло, уютно, горячий ужин, и тебя ждут. Так что спасибо уже за то, что ты есть.

— Скажешь тоже, — смутилась девушка.

Откровенно говоря, ситуация в стране становилась все хуже — и это Василий прекрасно понимал. Даже по официальным данным считалось, что за прошедшее с момента извержения время погиб каждый второй житель США, а многие люди считали, что фактическое положение еще хуже. Треть страны попросту уничтожена, еще треть нынче не контролируется центральным правительством — впрочем, там разрушения таковы, что жить стало практически невозможно. Так что хоть Василий и пытался утешать Квету, говоря, что ее родители могут быть живы, но верил в это он мало. Как в сорокоградусные морозы выжить посреди руин городов и поселков, да еще и в местах, через которые прокатилась целая волна беженцев и короткая, но на редкость ожесточенная гражданская война?

А когда началась настоящая зима — оставшаяся территория США хоть формально и контролировалась федеральным правительством, но фактически рассыпалась на несколько изолированных друг от друга анклавов. Да, еще осенью предпринимались попытки восстановить автомобильное и железнодорожное сообщение на территории восточных штатов, но как это сделать посреди постоянных ливней, зачастую сернокислотных, буквально выжигавших все живое на континенте и нередко оставлявших ожоги при попадании на кожу? Что-то сделать успели, но восстановить транспортную связанность на всей территории востока страны не успели. Там тоннель обвалился, там мост разрушен, там оползнем снесло участок дороги длиной в несколько километров... А потом ударили морозы, мгновенно сковавшие землю. И следом за ними лег первый, грязно-серого цвета,

снег вулканической зимы.

Да, власти и в таких условиях пытались наладить жизнь — и, возможно, у них и был бы неплохой сохранить хотя бы остатки государства. Только с каждым месяцем все больше шли разброд и шатание, поиски виноватых в произошедшем... Что причина катаклизма в ядерном испытании — знали уже все. В отличие от СССР, американцы не секретили проведение испытаний... Что уж говорить — даже туристы ездили посмотреть на «грибочки»! И сейчас уж каждый американец знал, что извержение случилось именно из-за этого злополучного испытания по программе «Плаушер»! А уж когда устроившие извержение военные еще и начали заставлять людей работать — это еще больше повысило градус ненависти к ним! Виноватых всюду искали и в Белом Доме — точнее, на его руинах. Какой, дескать, придурок решил проводить испытание в зоне тектонического разлома? И всем было плевать на то, что заранее о таком сценарии никто не мог даже и подумать. Куда важнее было назвать виновного!

А еще правительство попыталось вспомнить про опыт Рузвельта с общественными работами... Не сразу, правда — все же отвыкли все давно от таких мер, слишком много будет недовольных. А тут и так с трудом погасили огонь начинавшейся было гражданской войны! В итоге решили сделать проще: «кто не работает — тот не ест!» Конечно, в условиях морозов по палаткам людей не загонишь, но сейчас этого и не требовалось. Тут на местах полно восстановительных работ надо проводить! Вот там пусть и работают, а кто не хочет — тому пайку по минимуму!

Увы, беда приходит не одна... Большая часть урожая прошлого года попросту пропала. Что-то и вовсе не успело собрать, что-то было уничтожено вместе со складами, зерно- и овощехранилищами, было уничтожено или разграблено в дни смуты. Однако федеральное правительство еще надеялось на Аргентину, Австралию и другие южные страны... Планировали закупить продовольствие у них. Однако к весне стало ясно, что и «на югах» урожаи будут отвратительными из-за прошедших ливней, а потому продавать там ничего не будут. Можно было бы, конечно, заставить, но этого все равно вряд ли хватит! Да и местное население быстро смекнет, что к чему и начнется вместе со своими запасами где-нибудь по джунглям прятаться. И попробуй потом не только переловить самих «герильерос», но еще и найти припрятанные ими запасы! Именно после этого и было принято решение выдавать продовольствие лишь тем, кто работает.

Беда оставалась в одном — даже так на всех не хватит! И если СССР сейчас срочно строит кучу теплиц, комплексов гидропоники, готовится выращивать грибы, то у США на это просто нет ресурса! Промышленность практически стоит, разрушены хозяйственные связи. И взять все необходимое попросту негде. Разве что попытаться на юге что-то вырастить и протянуть с этого... И, пожалуй, шанс пережить вулканическую зиму, пусть и с гигантскими экономическими и людскими потерями, у страны был. Если бы не амбиции разных правящих кланов, каждый из которых усиленно тянул одеялку на себя...

Именно отсутствие единства и привычка ставить свои интересы выше государственных постепенно тянули остатки США на дно. Этот раскол общества прошел от самых верхов до самого низа, затронув самые разные социальные группы. «Коренные американцы», негры, «латиносы», различные эмигранты, индейцы... Этнические группировки, мафиози всех мастей, представители различных финансово-промышленных групп, военные. У каждого из них были свои интересы — и голоса разума, призывавшие объединиться в борьбе с общей угрозой, тонули среди всего этого бедлама. Увы, времена Рузвельта уже остались далеко в

прошлом — все слишком привыкли считать себя сильной и могучей державой, которой все нипочем, и не могли в полной мере осознать, что сейчас все держится буквально на соплях...

К апрелю резко уменьшили пайки даже для работающих, а неработающих и вовсе лишили их. Еще раньше полностью прекратилось электроснабжение — так что узнать те же новости о происходящем в мире Василий больше не мог. Их мир резко сузился до города, и что творится за его пределами — были лишь догадки. Всем в городе заправляла нынче военная администрация и назначенный ей же «временный» мэр, господин Томсон. Вот только с каждым днем люд все больше и больше замечали, что себе-то военные устроили жизнь куда лучше, чем всем остальным, и поглядывают на остальных откровенно свысока. И не было видно ни малейших предпосылок для перемен к лучшему... С большим трудом в городе подготовили к запуску пару заводов. Вот только для их работы не было ни сырья, ни электричества! Точнее, топлива для электростанции... Дровами-то топить ее не будешь! Увы, в опустошенной стране уже наблюдался дефицит даже самого необходимого.

Вскоре по стране вновь прокатилась череда голодных бунтов, вновь выползли из своих щелей мафиози, которые еще перед началом Зимы успели хорошенько запастись всяким разным. Активизировались те же негры... Теперь стрельба в городах шла буквально каждую ночь, а то и даже днем. Порядка становилось все меньше, не помогало даже то, что в апреле наконец-то началось таяние снегов...

— О чем думаешь? — глядя на Василия, вдруг спросила Квета.

— О том, что не знаю, как нам выжить, — честно признался парень.

— Думаешь, что скоро... — не договорила девушка.

— Что скоро все рухнет... — подтвердил Василий. — И как жить дальше... Я не знаю!

Пугать любимую парню не хотелось, но и скрывать от нее свои мысли он посчитал недопустимым. Эх, вернуться бы сейчас в Союз! Почему-то Василий был уверен, что там шанс выжить у него был бы куда больше, чем тут, на руинах американской цивилизации. Где, того и гляди, все окончательно посыплется и похоронит под собой большую часть тех, кто еще выжил. Вот только об этом можно было лишь мечтать, но невозможно осуществить на практике. Даже если он доберется до еще действующего советского посольства и попросится в СССР, то его не примут! Ни он, ни другие подобные ему эмигранты Союзу не нужны. Не для того высылали, как говорится...

— Не бойся, Квет, мы что-нибудь придумаем, — обняв девушку и заглянув ей в глаза, произнес Василий.

Сейчас в ее глазах читался страх за их дальнейшую судьбу... Как ни крути, умирать девушка, как и почти любой психически здоровый человек, девушка не хотела. Вот только она тоже не видела особых вариантов того, как им выжить дальше. Страшно помирать в двадцать один год, но что Квета могла сделать? Она всего лишь обычная девушка — и ей не под силу ни осадить накопившуюся в атмосфере пыль, ни растопить снега... Она не сказочная волшебница и даже не ученый-климатолог.

В отличие от Василия, Сергей эмигрировал в США по собственному желанию. И он всегда считал себя победителем по жизни — вот и в Америке он устроился неплохо... даже открыл свой собственный бизнес — не особо крупный, но вполне себе успешный, позволявший жить на широкую ногу. Здесь же он и женился — по расчету и достаточно

выгодно. Сергей всегда гордился тем, что им движет твердый рассудок, а не «всякие чувства». Были даже мысли на счет детей, но...

Можно сказать, ему повезло. Когда рванул вулкан — он был на востоке страны, ездил к одному деловому партнеру. А потом оказалось, что возвращаться ему попросту некуда. Нет, до его городка не дошла взрывная волна. Но мощное землетрясение не оставило там буквально камня на камне, а выживших потом добило вулканическими газами.

Сориентировался Сергей быстро... Пока другие люди думали над тем, что делать в сложившихся обстоятельствах, он успел вывести большую часть своих средств, переведя их в материальные ценности, и уже на третий день после начала извержения отплыл из США. Еще до того, как на восточное побережье обрушился первый сильный сернокислотный дождь...

Сергею, можно сказать, в очередной раз повезло — ведь то были практически последние дни, которые еще хоть с натяжкой можно было назвать нормальными. Когда многие страны еще пытались жить как прежде, рассчитывая как можно скорее восстановить разрушенное. И еще никто не думал о том, что скоро начнется вулканическая зима... Не думал о том, впрочем, и Сергей. Он лишь был уверен, что произошедший катаклизм приведет к мощнейшему экономическому кризису, так что заниматься бизнесом в США просто не было больше смысла — и он решил найти себе местечко получше. И таковым стала почти не пострадавшая от катаклизма Австралия...

Так и началась его жизнь на новом месте. И поначалу и впрямь все шло именно так, как он думал. Пока на севере не началась вулканическая зима, пока не были готовы расчеты ученых и пока не началась череда ливней в южном полушарии.

Но в какой-то момент стало понятно — катаклизм затронет весь мир. Пусть и не так сильно, но все же... И тогда мигрантов начали сначала прижимать. Австралийцы дружно решили, что главная задача — собственное выживание, а что будет с мигрантами — их личное дело! Сдохнут — ну и фиг бы с ним! И ввели ограничения на продажу им целого списка товаров, включая многие виды продовольственных. Ни за какие деньги! Про демократию и всевозможные права и свободы позабыли очень быстро. Не нравится, жрать нечего? Ну, значит, чемодан, порт — и плыви куда угодно! Не держим!

Только куда плыть-то? В заваленную снегом Европу? В охваченную войной всех против всех в Африку? На Ближний Восток, где араба всю резались с евреями? В Южную Америку, где шла целая череда военных переворотов? Во в который уже раз голодающую Индию? Ни один из этих вариантов Сергея не устраивал... Оставалось одно — черный рынок! Вот только цены там были такие, что он скоро просто останется ни с чем!

К счастью, денег у него было предостаточно — хотя за прошедшие полгода эти запасы изрядно оскудели... Но пока ему еще удавалось выживать, хотя будущее и становилось все более и более неопределенным. Вот и сейчас, включив радиоприемник, он слушал новости... Говорили о том, что метрополия требует увеличить поставки сельскохозяйственной продукции — причем, запросы столь велики, что непонятно, как их удовлетворять. Тут с прошедшими ливнями самим бы хватило! И сейчас выступавший по радио мужик всю возмущался: нас что, голодом уморить хотят? Какие еще поставки в таких условиях? Пусть сами ищут, чем им питаться! У них море под боком, пусть ловят и жрут рыбу, а хлеб не отдадим!

Впрочем, это все прошло как-то словно мельком... Сказали и забыли — после чего переключились на куда более интересные темы. Советское вторжение в Иран... Ну да,

последние полтора месяца это ж стало самой популярной темой для обсуждения в области мировой политики!

— Заявление иранского шаха следует считать несомненной фальшивкой, — заумным тоном говорил еще какой-то мужик, называвший себя «экспертом по советскому блоку», — либо оно было сделано под дулами автоматов советских диверсантов. Руководители стран НАТО должны немедленно выступить с осуждением советской агрессии против суверенного иранского государства и потребовать немедленного вывода всех войск с его территории.

— Вы считаете, что Советы прислушаются к этому заявлению? — спросила в ответ на это ведущая.

— Начав вторжение в Иран, они должны...

Дослушивать Сергей ничего не стал и переключился на другую волну. Ага, должны! Сейчас! Разбежались! Нет уж — что бы там не было на самом деле, но основная цель действий СССР была понятна как ясный день. И чтобы в этих условиях товарищ Пономаренко вдруг согласился вывести свои войска? Ну-ну, смешно...

На другом канале шел выпуск новостей... Ведущий тоже рассказывал про «советское вторжение в Иран» и бои советских военных с «сопротивляющимися коммунистической оккупации местными силами самообороны». Потом говорил про голод в Китае, не забыв лягнуть ногой КПК и лично Мао Цзэдуна, затем неожиданно перешел к положению в Польше, рассказав про «бездействие коммунистических властей», лютые морозы и снега, про парализованную промышленность и транспорт и угрозу лютого голода. Активно расхваливал царящий в ФРГ «немецкий порядок» и что-то еще...

Лишь когда Сергей уже собирался выключить приемник, диктор вдруг заговорил про США. Расхваливая «принимаемые федеральным правительством меры по восстановлению порядка в стране», тот буквально между делом упомянул про «бесчинства банд диких негров», «рост влияния организованной преступности» и «бунты коммунистических фанатиков», что вызывало у Сергея лишь усмешки. Ну-ну, так и поверил... Хотя нет. Что дело там хреново — в это он верил. С этими мыслями мужчина и выключил приемник, еще не догадываясь о том, что слушал его последний раз в своей жизни. Выйдя из арендованного дома, он пошел на поезд — и вскоре выехал на запад континента, где договорился встретиться с одним старым знакомым, тоже приехавшим сюда из Штатов...

Когда-то тут ходили электровозы, но сейчас от электрификации остались лишь воспоминания. Весь Кавказ перешел на тепловозную тягу — и тепловозов этих позарез не хватало. Просто потому, что не было их столько в стране! Новочеркасский завод хоть и грозился в скором времени выдать свои переделанные теплоэлектровозы, но на железной дороге локомотивы нужны не «скоро», а «сейчас»! И такая ситуация в половине страны!

Вот и сейчас стоял тот же вопрос. Станция буквально забита вагонами, от них требуют отправить на север наливняк, а выдать под него нечего! Так что пришедшему на явку машинисту Андрею Трофимову оставалось лишь сидеть и ждать... Когда же найдут, что выдать под поезд. А тем временем в кабинете начальника депо не умолкая трезвонил телефон. Требовали скорее отправлять тот самый пришедший с иранской наливняк, отправка которого и так просрочена на день. Ссылались на требования министерства, грозилась карами за срыв графика перевозок и требовали, требовали, требовали! И наплевать им, что вчера у одного тепловоза сдох дизель, что еще два стоят в цеху в ожидании ТР-2 и ТР-3, что на железной дороге в целом громадный дефицит локомотивов, что почти нет резерва. С чем работать-то? Подумав еще, он все же решил вызвать главного инженера.

— У нас «луганка» на ТР-2 стоит. Что с ней? — когда мужчина явился в кабинет, сразу спросил начальник депо.

— Да много чего! — поморщился главный инженер, перечисляя список неисправностей тепловоза.

— Когда на ремонт уйдет?

— Через неделю по плану, если ничего более срочного не будет.

— А тепловозы нужны сейчас! — треснул кулаком по столу, где как раз вновь зазвонил телефон, начальник депо. — Да, слушаю! ... Да чем я вам его отправлю?! У меня тепловозов нет! ... Да! Совсем нет! Совсем! ... Да знаю я про график перевозки! Знаю я! ... И может мне не грозить — от этого тепловозов больше не станет!

— Ну вот опять! — бросив трубку, продолжил начальник депо. — Слушай, один рейс хоть эта «луганка» сможет сделать? Отправить эти бочки краснодарцам, а там пусть сами с ними делают что хотят!

— А хрен его знает! — после долгого раздумья ответил главный инженер. — Ничего не могу сказать! Может доехать... А может и по пути развалиться...

— А... хрен бы с ним! — махнув рукой, произнес начальник депо. — Выдавай его под поезд!

— Ты чего? — ошарашенно взглянул на него мужчина. — А если случится что? Кто отвечать будет-то?

— Я подпишу распоряжение, — ответил начальник. — Отправляй...

Прождав полтора часа, Андрей Трофимов все же дождался своего тепловоза. Вот только... Глядя на список заявок на ремонт, у него буквально лезли глаза на лоб. Это ж развалина какая-то, а не тепловоз!

— Да с такими неисправностями я не имею права выезжать из депо! — ругался с диспетчером по выпуску Андрей. — Так что без ремонта никуда я не поеду!

— Тепловоз закреплен за тобой? — поморщился в ответ диспетчер.

— За мной. Ну и что?

— Не хочешь ехать — я вызываю другую бригаду!

— Да как на нем ехать-то? — возмущался Андрей. — С таким-то списком неисправностей?

— Не поедешь — вызываю другую бригаду, — пожал плечами в ответ диспетчер. — Мое дело — графики не срывать. А исправен, не исправен — это мастер есть, начальник... Иди к ним и разбирайся!

Что делать? Только топать к начальнику! Где Андрей начал вновь говорить на счет того списка неисправностей, что на тепловозе, получив в ответ уверения, что сейчас его малость подремонтируют, ну а остальное — и так уж доедет! Что там самое главное-то? Колодки на передней секции горят? Сейчас слесаря отремонтируют!

Выехал Андрей еще через полтора часа — не догадываясь, что, не сумев быстро устранить неисправность, у него попросту отключили тормоза на первой секции, рассудив, что «да ничего там за одну поездку не случится». Хватит и тормозов второй секции! Да и на вагонах тоже ведь есть свои тормоза? И в иных условиях оно и впрямь могла случиться так... Приняв тепловоз, машинист Трофимов с помощником прицепились к столь ожидаемому на севере наливняку и отправились на перевал, еще не догадываясь, что именно сегодня по странному стечению обстоятельств сложатся сразу два неблагоприятных для них обстоятельства... Хотя нет. Сразу три! Вторым стало то, что в середине апреля на Кавказе всю таяли снега, на путях образовывались просадки — и не всегда их успевали вовремя устранить. Прошедший вчера вагон-путеизмеритель, выявив одну из таких, сообщил о том диспетчерам, сообщив о необходимости ограничить скорость до 25 км/ч. Но ведь это — срыв графика перевозок! И, несколько подумав, диспетчер вместо этого ввел ограничение в 40 км/ч. Ну а третье... Как раз перед их поездом на север ушел пассажирский.

— Проба тормозов с тридцати до полной остановки, — глядя на путевой лист, произнес помощник, совсем недавно «досрочно» выпущенный студент.

— Понятно. Проба тормозов с тридцати до полной остановки, — подтвердил машинист, переводя кран в нужное положение. — Тормозной эффект получен. С такими тормозами спускаться можно.

Дав ход, Андрей отправился на перевал. Скорость сорок, на уцелевших светофорах и АЛСН — зеленый... Ехай себе спокойно, никаких проблем!

Все произошло уже на половине спуска... В первый миг Андрей даже не понял, что произошло. Вот только что он ехал, все было нормально — и вдруг резко падает давление в магистрали... Машинально машинист перевел кран в положение тормоза... И никакого эффекта!

— Что-то с тормозами!

— Обрыв магистрали? — удивленно произнес помощник, но затем выдвинул в окно. — Андрей! Мы же поезд потеряли... У нас же предупреждение тут...

Да, про предупреждение они помнили... Но ведь бригада и не нарушала ограничения в предписанные 40 км/ч! Ехали как положенго. И все равно схватили саморасцеп! И ладно бы просто саморасцеп, но почему не работают тормоза?

— Что-то с тормозами! — вновь повторил Андрей. — Беги, тормози ручником! Определи, что с тормозами!

— Ручник затянут, — полминуты спустя вернулся помощник. — Давление в тормозных цилиндрах — ноль.

— Внимание, внимание, слушайте все! — взяв трубку рации, принялся вызывать

дежурных ближайшей станции и машинистов других поездов на участке Андрей. — Я машинист поезда 3274 Трофимов! У меня саморасцеп, отказали тормоза! Догоняю пассажирский! Принимай на боковой, а мне открывай главный! Дежурная, ты меня слышишь?

— Ничего себе! — услышав новость, произнес машинист пассажирского. — Прибавим ходу! Удирать надо...

Сказать, что в диспетчерской были в шоке, значило бы не сказать ничего. Связавшись с машинистом и узнав, где он находится, дежурная поняла, что при скорости в 120 км/ч оторвавшейся секции остается буквально пять минут хода до станции! Вот только на ней был лишь один свободный путь, куда и должен был прийти пассажирский. Немедленно связавшись с его машинистом, дежурная сказала добавить скорость насколько возможно. Вот только... Если попытаться разогнать его до скорости в 120 км/ч и пропустить на проход — велика вероятность схода с рельс и крушения! А, значит, этот вариант не годился... Нужно было срочно освобождать главный путь станции и отправлять на проход оторвавшуюся секцию!

С такой скоростью работать ни машинисту маневрового тепловоза, ни вагонникам не доводилось еще никогда. Чуть не подавившись чаем, машинист маневрового тепловоза быстро отцепился от состава, они отправились на соседний, главный путь, и спустя уже пару минут тащили оттуда вагоны, которые еще предстояло загнать на другой путь — а где-то вдали к входному светофору станции уже приближался пассажирский поезд, который уже догоняла оторвавшаяся секция.

— Красный, — произнес помощник.

— Вижу... Дежурная! — вновь взяв трубку, произнес Андрей. — Иду на красный Догоняю пассажирский! Догоняю пассажирский! Открывай входной, пропускай по главному! Меня на стрелках может выбросить.

Достав из кармана полупустую пачку сигарет и спички, машинист с третьего раза закурил, и в мыслях вдруг вспомнил свою семью. Как теперь они будут? А впереди уже было видно хвост идущего пассажирского...

— Петренко, ну что ты плетешься? — теперь уже обращаясь к машинисту пассажирского, обратился Андрей. — Я же врежусь! Иду на таран за твоим хвостом!

Несмотря на все ограничения, на опасность схода с рельс, машинист пассажирского еще прибавил скорость. Да, это было не положено... Но других вариантов больше не было! Иначе он просто не успеет даже до станции доехать! Тепловоз без тормозов нагонит его прямо на перегоне...

— Студент, будешь прыгать? — обернувшись вбок, обратился к помощнику машинист. — Попробуй, прыгни! Рискни!

— Ты что, Андрей? Сто двадцать... — удивился помощник, а впереди уже был виден светофор. — Красный!

— Вижу, красный... Прибыли... Конец...

Они успели буквально в последний момент... Маневровый утащил вагоны с главного пути, пассажирский ушел на боковой путь, а оторвавшейся секции включили зеленый. Влетев на скорости 120 км/ч на станцию, раскачиваясь и чуть ли не подпрыгивая на стрелках, секция тепловоза пролетела через станцию и покатила дальше — и катилась еще несколько километров, пока не кончился спуск и не закончилась инерция локомотива. Выскочив из остановившегося тепловоза, помощник машиниста подсунул под колеса

тормозные башмаки и без сил плюхнулся на снег, а вскоре к нему присоединился и машинист. А вскоре к ним приехал и маневровый паровоз, которым отбуксировали тепловоз до станции. осталось лишь решить вопрос с так и оставшимся на перегоне составом... С самого начала туда по другому пути отправили тепловоз с вагонниками — затянуть ручные тормоза и подложить башмаки, закрепив состав на склоне. После чего, прислав вспомогательный локомотив, состав доставили на ту же станцию. Несколько поездов в итоге было выбито из графика, что лишь усугубило сложившуюся на железной дороге ситуацию. А на следующий день разбираться с причинами произошедшего приехала комиссия из Москвы...

Снег начал таять в середине мая, когда наконец-то температура воздуха стала регулярно подниматься выше нуля, хотя по ночам по-прежнему стояли морозы. Но четыре метра снега — это много... Слишком много. Так что даже с учетом того, что по ночам подмораживало, дороги постоянно превращались в практически непроходимую кашу, которая ночью смерзалась в лед. А на следующий день все повторялось...

Во многих местах вода начала затекать в подвалы домов. А кое-где уже начали всю копать новые траншеи для отведения воды... И усилились работы по уборке и вывозу снега из города. Так что порой на дорогах можно было увидеть целые колонны везущих снег грузовиков. Работали буквально все, кто мог! Одновременно резко прибавилось работы и железнодорожникам... Просадки, подмывы, тепловые выбросы путей... Особенно плохо обстояли дела на временно уложенных по осени участках пути. Впрочем, там и зимой проблем хватало — так что к этому были уже готовы. Однако вместе с потеплением активизировались и подготовительные работы к восстановлению того, что не успели привести в порядок осенью. Тем более, что на юге к началу мая снег таки сошел — и теперь в Средней Азии и на Кавказе шла сплошная стройка... Восстанавливали разрушенное при землетрясениях, строили новые объекты, готовились к проведению эвакуации.

Но самый большой размах приняли работы как раз в Средней Азии. Там сейчас военные строители и железнодорожники всю прокладывали дороги по бывшим полупустыням и строили «финские домики» в будущих поселках для эвакуированных. Возводили и здания для МТС, зерно- и овощехранилищ... План по освоению Средней Азии Михаила откровенно впечатлил... Не так давно его как раз в газетах отпечатали — и масштаб работ был грандиозным, хотя его и разделили на несколько этапов. По сути, планировалось создать целый новый сельскохозяйственный район...

Планом на 1966 год предполагалось построить целую сеть деревень и поселков, где будут созданы колхозы и все необходимое для обеспечения их деятельности. Ведь хоть зерновые в этом году сеять и не будут, но картошку и некоторые овощи посадят. То, что успеет вырасти за короткое лето... А для этого нужно жилье для будущих колхозников, нужны МТС и овощехранилища, дороги для вывоза урожая. А построить на голом месте «железку» куда быстрее и проще, чем нормальное автомобильное шоссе. Оно, конечно, временка будет, но сейчас главное — сроки, а не скорость движения. Да, депо-то тоже потребуется создавать! Но это все первый этап.

Дальнейшие планы были ничуть не меньше... Постройка сети оросительных каналов, высадка лесополос, создание нескольких городов и перерабатывающей промышленности, модернизация тех же железных и автомобильных дорог, которые превратятся из «временок»

в нормальные магистрали. Туда же, на юг, предполагалась и эвакуация часть сибирской промышленности — вместе с населением. Ну и да, в 1968 году была запланирована посевная зерновых... И, само собой, строительство сети элеваторов и зернохранилищ. А вот от посева многих технических культур было решено на ближайшие годы практически отказаться. Даже посевы подсолнечника почти полностью «порежут» в угоду зерновым и овощам. Хотя вместо подсолнечного обещали наладить производство льняного и конопляного масла — благо, эти растения растут и куда дальше на севере. Вся эта программа получила общее название плана «IX Чрезвычайной пятилетки», который был утвержден в марте 1967 года и сразу же начал исполняться...

А еще по весне стали показывать очень много новостей из новоиспеченной Иранской ССР... Показывали идущую посевную, говорили о строительстве железных дорог и открытии сквозного движения с территории СССР, без необходимости перегружать грузы на автомобили. Говорили о планах по перешивке местных линий на колею 1520 миллиметров и модернизации путевого хозяйства, что позволит увеличить пропускную способность дорог и отказаться от перестановки тележек. Говорили про рост добычи и переработки нефти... Впрочем, последнее скоро и Михаил заметил — им вновь начали выдавать качественный бензин, не «разбодяженный» полученной на наскоро сооруженных перегонных установках дрянью.

Но больше всего всех шокировала пришедшая в середине мая новость. Ядерный удар по Австралии! Причем, нанесенный собственной метрополией — в ответ на нежелание австралийцев делиться продовольствием. Поскольку значительная часть флота Англии была уничтожена или серьезно повреждена еще при землетрясениях и цунами, то отправить полноценную экспедицию для «экспроприации» возможности у них не было. Вместо этого решили нанести удар устрашения, чтобы другим неповадно было «хозяев» кидать!

— Да как так можно-то?! — буквально в шоке от услышанного произнесла тогда Вика. — Своих атомной бомбой?

— Тот самый «зверский оскал капитализма», — грустно усмехнулся в ответ Михаил. — Люди привыкли думать лишь о своей шкуре — вот оно так и получилось. «Сдохни ты сегодня, а я завтра».

— Но разве так можно? — растерянно произнесла девушка.

— Как видишь, — кивнул в ответ парень.

Откровенно говоря, такого не ожидал и Михаил... Бомбить собственное население атомной бомбой! Впрочем, там все оказались хороши. Австралийцы решили выживать сами по себе, наплевав на своих же, по сути, соотечественников в других частях света. Англичане... То же самое: их интересовало лишь собственное выживание. И плевать, что там будет в колониях — пусть даже, как когда-то в Индии бывало, разразится голод. А когда их «кинули», лорды решили демонстративно покарать непокорных...

Впрочем, мир и вовсе словно сошел с ума... Тут и там разгорался огонь малых и больших войн. Буквально только что закончилась очередная арабо-израильская, по итогам которой прекратили свое существование и Израиль, и Сирия, и вообще большая часть ближневосточных стран, а в Египте произошел переворот и началась война уже гражданская. Воевали в Азии и Африке, разгоралось сразу несколько гражданских войн в Южной Америке. И на фоне это практически незаметно произошел переворот в Боливии, пор итогу которого к власти пришел Че Гевара и его кубинские товарищи. Впрочем, Куба нынче и вовсе практически обезлюдела... Пусть там и не было таких морозов, как в СССР, но даже

там зимой в горах лег снег. Выпал он, впрочем, и на побережье, хотя там и не держался дольше пары-тройки дней, но там была другая проблема — цунами от землетрясений, ливни и разрушительные тайфуны. Жить на Острове Свободы стало практически невозможно — и кубинцы начали эвакуацию...

Что творилось в США — информация доходила лишь обрывочная. Говорилось про массовые беспорядки, голод, начинающийся развал армии, когда отдельные части, захватив запасы продовольствия, уходили в «дикие земли» — неподконтрольные правительству части страны. Подходили к концу запасы буквально всего — из-за чего останавливались последние действующие заводы и электростанции. Правда, в уцелевших южных штатах фермеры начали распашку земель, рассчитывая вырастить «хоть что-то»... Однако остро не хватало даже топлива.

Ну и показывали, конечно, новости СССР. Про готовящуюся эвакуацию из Сибири и с Севера. Говорили о новостях из Норильска и других северных городков и поселков, где всю зиму люди выживали как могли. И хоть зима и продолжалась, но экстремальные холода уже закончились, а тридцать градусов мороза для тех мест обычное явление... Это уже не семидесятиградусные морозы. Так что в большинстве своем выжили люди. И теперь лишь ждали и надеялись, что скоро их эвакуируют. Правда, в некоторые северные поселки попасть теперь можно лишь на аэросанях — их уже начали выпускать серийно на куйбышевском авиазаводе, в качестве транспорта для эвакуации или снабжения удаленных поселков.

— Как думаешь, Миш, — отвлек Михаила от просмотра новостей голос жены, — не будет войны?

— Не знаю, Вик, не хочу тебя обманывать, — тяжело вздохнув, ответил парень. — Хочется верить, что американцы не самоубийцы... Должны понимать, что ответный удар не оставит от остатков США камня на камне.

— Думаешь, не решатся?

— Почти уверен, — согласился Михаил. — Да, у них много ядерного оружия, но значительная часть арсенала уничтожена или повреждена извержением. Так что силы теперь минимум равны. Но ведь у нас теперь и целей куда меньше, а их силы ПВО сильно ослаблены. Да и нет ведь необходимости уничтожать Америку десятков раз... Хватит и одного! А они тоже ведь не дураки...

На следующий день произошедшие события стали главной темой для обсуждения. И, как и Вика, все недоумевали над тем, как такое вообще возможно. По своим атомной бомбой! У советских людей такое просто не укладывалось в голове... И оттого настроения у всех были откровенно мрачными. Пусть даже все это и случилось где-то там, практически на другом краю земли...

В тот день они снова работали на стройке теплиц — теперь уже за городом. Поскольку в городе и так уж застроили буквально все, что только можно. И теперь строили около железной дороге к северу от города. Так что до места добирались все в автобусе. А еще, проезжая мимо с грузом, Михаил увидел, как начинается строительство целого нового района города, где будут массово селить эвакуированных. В газете, где писали про эти планы, его прозвали просто и незатейливо — Северным. В его мире самый юг этого района входил в состав входившего в Ленинский район поселка Солнечного, а север — там были какие-то дачные массивы. Но тут теперь будет все иначе. И сейчас посреди заснеженных полей всю кипела работа. Забивали сваи, свозили на место строительства железобетонные панели, кирпичи и какие-то еще стройматериалы, вдоль расчищенных от снега будущих улиц

лежали здоровенные трубы и столбы ЛЭП, были свалены кучи песка и щебенки. Как уже знал Михаил из газеты, новый район будет застроен типовыми пятиэтажными панельными домами, состоящими из однокомнатных квартир площадью в пятнадцать и двухкомнатных площадью в двадцать пять квадратных метров. «Дома эвакуационного типа», так их называли... Кроме них построят несколько котельных, детских садов и школ, поликлинику, железнодорожную станцию и еще целую кучу вспомогательных объектов...

Все это, естественно, будет сделано «в стиле минимализма», без всяких украшений и декоративных элементов, из-за чего новый район обещал стать образцом «серости», но в сложившихся условиях это уже никого не волновало. Впрочем, этим строительством сейчас занимались военные и гражданские строительные организации. Студенты же продолжали все то же, что и раньше. Монтировать быстросборные тепличные модули... Благо, работа была уже хорошо знакомой. Поднять краном балку или эрзац-стеклопакет, поставить болт с гайкой и гравером и затянуть пневмогайковертом. И так повторить хренову кучу раз! Разве что грелись, пили чай и обедали теперь не в магазинах, а в специально поставленных вагончиках. А потом все также на учебу... Однако в этот день привычный порядок вдруг сломался.

— Решением облисполкома и ректората принято решение об отправке студентов нашего университета на стройки Средней Азии в составе студенческих стройотрядов, — на общем собрании перед занятиями, практически без всякого вступления, объявил им ректор. — Поэтому сейчас вы доучиваетесь до конца мая и отправляетесь в командировку. Сейчас для всех нас, всей советской страны, самое важное — в кратчайшие сроки подготовить все необходимое для создания нового сельскохозяйственного района, где мы сможем выращивать овощи, а в перспективе и зерновые, для обеспечения снабжения населения продовольствием. Поэтому те, кто откажется ехать, будут отчислены. Все зачеты и экзамены будут перенесены на осень, когда вы вернетесь по домам и продолжите учебу.

Собственно говоря, на том учеба фактически и закончилась. Держать тех, кто и так вынужденно стал «вечерниками», руководство университета не стало. Буквально через пятнадцать минут все потопали дальше на занятия... Попутно обсуждая услышанную новость.

— Туда сейчас половину армии согнали! — говорил Сашка Федотов. — Братан мой месяц назад писал еще, что их куда-то в Каракумы отправили на стройку...

— Он же танкист у тебя? — удивился Васька Никифоров.

— Ага, — подтвердил Сашка. — Ну так танкист — он и на тракторе ж может... А уж на танкторе и подавно!

— Эвакуация скоро начнется, — заметила Светка Антоненко. — В Среднюю Азию писали, несколько миллионов отправят!

«Ну да, — вспомнит Михаил. — Скоро начнется». С мая они уже жили вместе с его дедом с бабкой и семьей старшей сестры... Дом ее мужа-то, как более старый, отдали под заселение эвакуированных. И сарай, бывший дом, уже освободили — там уж трудармейцы заканчивали ремонт, готовя его под заселение. А еще у нескольких соседей забрали наиболее крепкие и основательные сараи и теперь всю утеплили их, делали пригодными для жилья. Ремонт проводился, конечно, по минимуму, но все же... Дальше, если кто захочет, сам доделает. Причем, тот же старый дом у них выделили под заселение сразу двух семей или шести бессемейных, а сарай-мастерскую у дяди Коли, соседа через три дома, под одну семью или троих бессемейных.

Вечером, когда Михаил с Викой собирались домой, опять подморозило — и, уже привычно, улицы превратились в каток, несмотря на то, что кругом активно разбрасывали песок — но то, по большому счету, было на проезжей части. До тротуаров дело зачастую попросту не доходило. И без того работы полно! На месте бывшей аллеи и детского парка ярко горели огни теплиц — хоть лампы в них и имели зеркальные отражатели, но наружу все равно немало света попадало. И над тротуаром — здоровенное информационное табло: «Проход запрещен! Уборка снега». Сейчас оно, правда, не светило, что означало, что ходить можно. Да, для уборки снега с крыши теплиц была смонтирована целая система! Легкий и рыхлый снег сдували вентиляторами через специальные воздухопроводы — и именно об этом и информировали табло... Зимой такая уборка порой производилась по несколько раз в день! Если же снег будет мокрым и липким — тут на уборку отправится бригада чистильщиков со специальным инструментом — для них на крышах были смонтированы специальные лестницы и проушины для крепления страховочного троса.

И вот уж вновь остановка — и вновь ночной трамвай везет их домой по улицам резко преобразившегося за зиму города. Вон там был парк при театре имени Карла Маркса, но теперь его нет! На его месте — еще одна теплица. Правда, эту строили трудармейцы. А вон за теми снежными кучами практически не видно стоящие вдоль дороги частные дома — лишь крыши их все еще возвышаются над сугробами. И вьется сизоватый дым... А вон — Третья Советская больница, между зданиями которой притаился громадный ангар отапливаемой стоянки. Здесь стоят машины как медиков, так и коммунальных служб Октябрьского района. А вон еще чуть дальше коммунальщики, разрыв дорогу, меняют кусок трубы, стараясь работать как можно быстрее. Хоть коммуникации в городе в целом и в неплохом состоянии, но без аварий в эту зиму все же не обошлось. К счастью, ни одна из них не достигла масштабов «ульяновской катастрофы», как уже все вокруг прозвали произошедшие накануне Нового Года события в соседней области. Потом Политехническая, Огородная — и вот и родная Пролетарка...

Когда Михаил с Викторией вышли из трамвая, мимо проехал военный патруль на ГАЗ-69, но к их виду все уже давно привыкли и перестали обращать внимание. Как и военные привыкли к новым обязанностям и перестали устраивать постоянные проверки всех встречных по вечерам и ночам. Внезапно «газик» резко тормознул и, лихо развернувшись, помчался в обратную сторону, а спустя еще несколько минут где-то вдали протрещала пара автоматных очередей, а затем вновь все умолкло. Тоже, мать его, уже не впервой! Поначалу люди в такой ситуации пугались и поскорее разбежались по домам, но сейчас уж и перестали обращать внимание. Ну да, завтра в местных новостях скажут об уничтожении еще каких-нибудь бандитов — и на том все и закончится.

В доме было непривычно, несмотря на то, что прошло уже больше недели такой жизни, многолюдно и шумно. Даже за одним столом всем усесться стало проблемой... Потому кто-то ел на кухне, а кто-то в то же время в комнате. Делились, разумеется по семьям. Дед с бабушкой и сестра с мужем в одном месте, Михаил с Викторией, его родители и сестра — в другом. А после еды разбредались по разгороженным занавесками, непривычно плотно заставленным мебелью и заваленным вещами четырех семей, комнатам. Часок можно посвятить учебе, объясняя Вике материал — девчонка-то она достаточно умная, но от усталости мозги уже не работают толком. Но он-то знает, как все это объяснить попроще... А потом спать!

— Как я хочу, чтобы все это кончилось, — когда Михаил с Викторией уже в обнимку лежат

в постели, тихо говорит девчонка. — Пожили бы хоть как люди. Выучились бы, детей родили, работать пошли...

— Я тоже хочу этого, — так же шепотом отвечает парень. — А еще хочу видеть тебя счастливой...

— Я и так счастлива, — устало улыбается девушка.

— Разве ж это счастье... Вся жизнь — сплошная работа!

— Знаешь, — задумчиво произносит Вика, — я много думала о том, что нужно для счастья... А ведь не так уж и многое! Быть бы рядом с тем, кто мил и дорог, знать, что тебя любят, уважают, понимают, что не бросят в беде... и верить в то, что мы победим! Несмотря ни на что... А вещи... Это всего лишь вещи!

Однако усталость берет свое, и они оба и не замечают, как засыпают. «Как же меня задолбала такая жизнь!» — только и успевают подумать перед тем, как совсем отключиться, Михаил. Вот, казалось бы, лежишь рядом с любимой девушкой — милой, нежной, очень даже симпатичной... И, вроде, и хотелось бы, обоим хотелось бы... Но уже не до чего! Тут за день настолько натрахался, что и до чего больше! В прошлой жизни такое порой бывало у него когда в выходной к нему в деревню жена с детьми приедет, а у него срочная работа — какой-нибудь трактор или комбайн надо отремонтировать! И он с механиками до поздней ночи копошится с ним. Но даже тогда такое было скорее исключением! А сейчас он еще куда моложе, здоровее... И все равно! Впрочем, у них есть еще утро — когда они будут отдохнувшими, со свежими силами. И уж его-то у них никакая работа не отнимет! Во всяком случае, хочется на это надеяться.

А потом снова день — и снова работа, снова учеба. И так изо дня в день! И постепенный сходящий снег, и заливающая улицы вода, копающие траншеи для отвода воды трудармейцы. И каждый день новости о происходящем в стране — половодья тут и там, успешное окончание посевной в Иране, стройки поселков и деревень в Средней Азии, возобновление восстановительных работ по всей стране... И постепенно начинающаяся эвакуация. Именно в середине мая по стране поехали первые «эвакуационные эшелоны» — грузопассажирские поезда, вывозившие людей и их имущество из удаленных населенных пунктов и многих районов Сибири и Севера. «Обязательная безусловная эвакуация», так про нее говорили в новостях и писали в газетах. В подлежащих отселению населенных пунктах не оставалось ни одного жителя. «Отказников» выселяли принудительно, а уже в тот же день опустевшие населенные пункты отрезали от электроснабжения. К проведению эвакуации были привлечены значительные армейские силы с тяжелой техникой, задействовано огромное количество автобусов, грузовых автомобилей и, в некоторых местах, даже аэросаней. Для формирования эвакуационных эшелонов использовались как стандартные пассажирские вагоны, так и вагоны от ставших бесполезными электричек и даже переоборудованные «теплушки».

Немало говорили и об усилении борьбы с бандитизмом, охране социалистической собственности, добровольной помощи милиции и военным. Рассказывали о ходе восстановления различных объектов на территории страны — особенно на Кавказе. Говорили цифры о числе запущенных и находящихся в стадии строительства теплиц и комплексов гидропоники и аэропоники, которые должны дать очень хорошие урожаи, производстве БВК-кормов и открытии соответствующих производств, производстве на корм скотине ряски. Называли количество построенных укрытий для техники. Говорили о росте производства двигателей внутреннего сгорания, электромоторов и генераторов, агрегатов

для автомобильной и железнодорожной техники. Само собой, упоминалась и спецтехника — снегоочистители и снегопогрузчики, автомобили повышенной проходимости и вездеходы. Например, на базе новых «Москвича-412» и «Волги» ГАЗ-24 начали выпуск полноприводных версий с повышенной проходимостью. В общем, цифры и факты могли выглядеть и впрямь достаточно впечатляюще... Еще бы все это пошло на благо народу, а не на преодоление последствий катаклизма!

А еще шли новости из остального мира, где с наступлением весны тоже началась «движуха». Французы принялись за эвакуацию части своего населения и промышленности в Алжир, и на недовольство «аборигенов» ответили в традиционном для европейских «цивилизаторов» стиле. Химическим оружием! Испанцы собрались в Марокко, итальянцы — в Ливию. Турки начали вторжение в Ирак и на Ближний Восток, буквально походя смяв остатки местных армий. Англичане собрались в ЮАР, где, откровенно говоря, были не больно-то рады возвращению тех, от кого только недавно стали независимыми. Крах американского правительства — президент США и часть администрации убита, начался процесс активного дележа власти и влияния в то время, как на осколках страны все больше воцарялся хаос. В какой-то момент СССР и вовсе объявил о закрытии и эвакуации своего посольства из страны. Что происходило же в остальном мире — информации с каждым днем становилось все меньше и меньше.

И все же тот день настал... Вот уж и конец мая — когда Михаил с Викторией получили «автоматы» почти по всем предметам, что нынче было большой редкостью. Но даже девушка на фоне других студентов выглядела очень хорошо и успела стать почти круглой отличницей, а уж Михаила и вовсе можно было бы считать за гения! И именно так и решили наблюдатели от госбезопасности. А вот большинству остальных студентов еще предстоит сдача зачетов и экзаменов... Но вот, наконец, и настал тот день и час! Последний учебный день семестра — и уже завтра их студенческий стройотряд отправится в Среднюю Азию...

«Ну что, товарищи, мы в жопе!» — именно так хотелось сказать товарищу Пономаренко при прочтении новостных сводок о происходящем в стране. Но нет, на официальном совещании он скажет иначе...

— Особо следует обратить внимание на рост националистических настроений в отдельных областях страны, — произнес ПредСовМина и генсек в одном лице. — Мне вот уже докладывают об активизации бандеровщины на западе Украины, про появление нового басмачества, столкновениях на Кавказе... Если мы хотим сохранить целостность страны и пережить Долгую зиму, то должны максимально жестко задавить эту гниду!

Кто впервые сказал выражение «Долгая зима» — сейчас вспомнить не мог уже никто, но после этого оно начало стремительно распространяться среди советского руководства, успев уже стать практически официальным названием наступившей эпохи. Вот и товарищ Пономаренко уже привычно употребил его...

— Если эти уроды считают, что Советская власть скоро кончится, то они сильно ошибаются! — продолжил генсек.

«И как хорошо, что основная масса фашистских прихвостней до сих пор сидит в лагерях!» — подумал присутствовавший на совещании товарищ министр Василевский. Впрочем, про борьбу с бандеровщиной и «лесными братьями» помнили все присутствующие на совещании... последних тварей чуть ли не до конца 50-х вылавливали и в лагеря отправляли! Так что много их там сейчас сидит... Бандеровцев, власовцев и прочей сволочи.

— На мой взгляд, самая худшая ситуация сейчас складывается в Средней Азии, — вступил в разговор глава МГБ товарищ Шелепин. — Мы собираемся эвакуировать в те места не меньше пяти миллионов человек, что составит примерно половину от имеющегося в среднеазиатских республиках населения. И это уже вызывает недовольство как у весьма заметной части местного населения, так и среди немалого количества партийных и советских работников. Кто-то боится, что пришлые «подвнут» их, лишат должностей и влияния. Уже есть подозрения, что некоторые поручения из центра саботируются под благовидными предлогами... Кто-то боится «русификации» республики. А некоторые и вовсе успели почувствовать себя «новыми баями», создав мафиозно-клановую структуру, которую мы до сих пор не можем до конца искоренить из-за того, что на местах буквально все повязаны между собой. Нам сюда шлют отчеты о том, что у них все прекрасно, планы выполняются, идет борьба с недобитками и все в таком стиле... А в каждый аул комиссию из Москвы не отправишь и всех подряд не допросишь. Так что рост численности «пришлого» населения создает для них серьезную угрозу...

— Знаю, — поморщился, словно сожрав лимон, министр внутренних дел. — Сколько уж боремся с пережитками феодального строя в Средней Азии, а конца и края этому не видно... Значительная часть населения поддерживает их и скорее препятствует, чем помогает нам, в этой борьбе. Но теперь-то уж мы, если понадобится, безжалостно уничтожим всю эту сволочь!

— Уничтожите, — ехидно усмехнулся товарищ Василевский. — Что-то у нас даже в РСФСР не больно-то спокойно зимой было... Даже с учетом того, что армия вам помогает. То бандитов уничтожают, то какой-нибудь налет на склад или еще что...

— И что вы предлагаете? — буквально огрызнулся министр внутренних дел, которому

откровенно не понравился такой намек относительно работы его ведомства.

— Вооружить населения, — произнес министр обороны. — У нас на складах огромное количество короткоствольного оружия, как нашего производства, так и трофейного. Выдать его населению — для начала хотя бы наиболее сознательной части, коммунистам и комсомольцам. И разрешить свободно применять его для самозащиты, защиты других людей от бандитов или предотвращения совершения преступлений...

Предложение товарища Василевского прозвучало столь неожиданно, что на некоторое время в помещении воцарилась тишина, которую лишь спустя минуту нарушил министр внутренних дел.

— Но ведь это же может привести к росту бандитизма! Кроме того, оружие может попасть в руки контрреволюционным элементам...

— А разве у нас мало оружия по тайникам еще с Гражданской попрято? Уж для преступника достать пистолет или даже что помощнее — не велика проблема! И законность владения им бандитов или контрреволюционеров заботит в последнюю очередь, — усмехнулся министр обороны. — Так что ограничения эти — они, прежде всего, против честных людей. Или вы так не доверяете нашим товарищам по партии?

— Нет, но...

— Так в чем тогда речь? — пожал плечами товарищ Василевский. — Более того — вменить это в обязанность! Что, видя совершающееся преступление, коммунист или комсомолец должен при наличии возможности предотвратить его... И без всякого снисхождения выгонять из партии и комсомола тех, кто мог помочь, но предпочел пройти мимо и сделать вид, что ничего не видел и ничего не знает.

— Это очень серьезный вопрос, который следует рассмотреть со всех сторон, — заметил товарищ Шелепин. — Последствия могут оказаться непредсказуемыми...

— Ну так рассматривайте, — пожал плечами министр обороны.

Обсуждение нового предложения и впрямь затянулось надолго... А ведь это был отнюдь не единственный вопрос на повестки дня! Планировалось еще обсудить ситуацию, складывающуюся в странах социалистического лагеря, международную обстановку в свете недавних событий. И это еще без учета вопросов народного хозяйства, эвакуации населения и подготовки всего необходимого к этому и много чего еще. Так что заседание Совета Министров продлилось до поздней ночи... И все же было принято решение — выдать оружие коммунистам и комсомольцам. Для начала хотя бы на время действия Особого положения, а там уж видно будет! Хотя и с ограничением — разрешение на получение оружия будет выдавать госбезопасность после проверки. Чтобы оно случайно не досталось «примазавшимся», коммунистам на словах и контре по духу. Заодно, глядишь, и уменьшится количество имеющихся на руках нелегальных «стволов», путем их легализации... Несогласных с таким решением хватало, но с минимальным перевесом предложение прошло. Впрочем, это вовсе не отрицало необходимости усилить борьбу с бандитизмом! Впрочем, даже не это было самым главным вопросом сегодняшнего совещания...

— Что известно на счет американского ядерного оружия? — задал мучавший всех вопрос товарищ Пономаренко.

— Можно сказать, нам повезло, что у них сейчас не Лемей командует, — поморщился товарищ Василевский. — Этот фанатичный придурок уже устроил бы ядерную войну. К счастью, сейчас там командование поблагоразумнее... Руководство Стратегического авиационного командования ВВС США уверяет нас, что контролирует арсеналь

стратегического ядерного оружия и воевать не собирается. Я взял на себя ответственность дать им обещание того, что в случае чего Советский Союз готов оказать помощь, в том числе приняв беженцев на своей территории.

— Это правильно, — согласился генсек. — Конечно, ситуация у нас хреновая, но лучше пустить некоторое количество американских военных и их семей к нам, чем получить вдобавок ко всему еще и ядерную войну. Только каковы гарантии того, что нам говорят всю правду, и американские военные действительно контролируют свои арсеналы?

— Увы, никакой, — согласился министр обороны. — Единственное, что нам известно точно — что их подводные лодки в настоящий момент находятся в портах. Кроме того, известно, что значительная часть ядерных хранилищ, авиабаз и пусковых установок межконтинентальных ракет уничтожена или серьезно повреждена в результате извержения и его последствий.

— Что известно по ядерным центрам США?

— Основные ядерные объекты США уничтожены, — ответил на вопрос глава ГРУ товарищ Ивашутин. — Ливерморская национальная лаборатория уничтожена до основания извержением. Лос-Аламосская получила значительные разрушения в результате землетрясений. В атмосферу попали десятки тонн радиоактивных материалов, которые разнесло по Среднему Западу и югу бывших США. Кроме того, в зону разрушения попал и еще целый ряд американских ядерных объектов, точное количество выброшенных радиоактивных материалов учету не поддается. Не уверен, что даже сами американцы имеют точные цифры. Однако известно, что во многих городах бывшего юга США радиационный фон в десятки раз превышает норму.

— То есть запада США не осталось, центр и юг разорены и местами заражены радиацией. Осталось лишь восточное побережье и юго-восток, — подвел итог ПредСовМина. — Что можете сказать на счет людских потерь США?

— Извержение и зиму не пережило примерно две третьих населения, — ответил все тот же Ивашутин. — А сколько погибнет в ближайшее время — наши специалисты называют разные цифры в зависимости от того, пойдут ли события по оптимистическому или пессимистическому сценарию. Но по самому оптимистическому прогнозу выживет не больше четверти американцев...

Их посадили в сецпоезд и отправили в Среднюю Азию буквально в первый же день июня. Вот вчера они еще учились, а сегодня в составе стройотряда едут в командировку. Сначала маршрут пролегал по давно построенным железным дорогам — и тут двигались с достаточно большой скоростью, а все студенты во все глаза глядели на происходящее. Вдоль железной дороги почти на всем ее протяжении, кроме мест на высоких насыпях и станций, высился настоящий снежный вал, начинавшийся метрах в пяти от путей, из-за чего казалось, что сама дорога проходит в каком-то снежном тоннеле. Правда, чем дальше на юг — тем меньше и меньше оставалось снега. Нередко из окна вагона открывался вид на широко разлившиеся, затапливая деревни и даже города, от обилья талой воды реки. А в какой-то момент снега и вовсе почти исчезли — где-то южнее Сталинграда... Хотя нет, не совсем. Вон там в оврагах да на северных склонах холмов он оставался до сих пор. Как не растаял и снежный вал вдоль железной дороги. И везде словно какое-то запустенье... Ни вспаханных, поскольку трактора пока просто не могли залезть в грязь, полей. Ни всходов озимых,

которые осенью не засеяли из-за дождей. Ничего! Даже автомобилем по дороге почти не встречалось — многие деревни оказались практически отрезаны от цивилизации непроходимой грязью. А где-то и вовсе всех эвакуировали перед половодьем... Лишь постоянное движение по железной дороге говорило о том, что жизнь не ушла из этих краев.

А потом они вдруг съехали на какое-то новое ответвление — и вот теперь поезд медленно, со скоростью километров двадцать в час, тащился по уложенной прямо посреди бескрайних степей дороге-временке. То тут, то там попадались небольшие спешно построенные полустанки со станционными домиками-вагончиками и небольшие разъезды, где их поджидали встречные поезда. То тут, то там виднелись небольшие поселки из сборно-щитовых «финских домиков» и даже каких-то контейнеров, снятых с платформ вагончиков. И, к какому-то удивлению всех присутствующих, во всех этих местах никакого намека на электричество! Ни столбов ЛЭП, ни изоляторов на домах. Только печные трубы повсюду... Кое-где, впрочем, попадались и более крупные строения — то ли ангары, то ли зернохранилища или какие еще постройки сельскохозяйственного назначения. И, в отличие от более северных мест, тут всю работала в полях трактора... Хотя и оставалось лишь догадываться, что там сеют. Картошку? Но даже с ней Михаил сомневался, что из посадок конца мая-июня многое вырастет... Наверняка какие-нибудь скороспелые сорта, которые и особой урожайностью не отличаются, и хранятся плохо.

Они выгружались на очередной станции... Пять путей, на одном из которых стоял состав-рельсоукладчик со звеньями рельсошпальной решетки, маневровый тепловоз, вагоны-дозаторы. И все те же «финские домики». Единственным отличием было то, что прямо за станционным вагончиком строилось депо — капитальные, из железобетонных плит, строения, веер, несколько путей...

— Приехали! — скомандовал им сопровождающий. — Дальше поезд не пойдет. Хотя туда пока лишь рабочие поезда ходят.

— А почему? — не понял кто-то из студентов.

— Потому, что дальше пока еще ни одной станции нет, — пояснил мужик.

Выбравшись из вагонов, они рассаживались по грузовикам и ехали куда-то дальше вдоль путей, пока не оказались посреди стройплощадки. Здесь строилась очередная деревенька, а уже неподалеку впереди было видно и конец железной дороги, где сейчас всю копошились трактора и автокран. А вот поля кругом и тут активно засевали. Их разместили в обычных армейских палатках. Едва они покидали вещи, как сразу же отправили на инструктаж.

— Ну что хочу сказать, товарищи, — обратился к собравшимся майор железнодорожных войск. — Вас прислали сюда на помощь строителям. Ваша первоочередная задача — строительство МТС, овощехранилищ и жилья для эвакуированных. А то колхозники сейчас в палатках живут, а самим строительством им заниматься некогда. И у нас тоже рабочих рук не хватает. Впрочем, задачи вам распределит бригадир. А моя задача другая. Новый закон про оружие все читали?

— Какой закон? — в воцарившейся тишине спросила одна из студенток, Света Синицына.

— А ну да, — согласился военный. — Вряд ли вы имели возможность его прочитать, вы же раньше выехали. Так вот — в связи с ростом в стране бандитизма и поднявшими голову в ряде мест фашистскими недобитками отныне партией и советским правительством принято решение вооружить комсомольцев и коммунистов, как наиболее сознательных советских граждан. Места у нас тут, прямо скажем, беспокойные... Очень многие местные жители нас

откровенно недолюбливают. Поэтому всем сегодня же получить оружие! Как с ним обращаться — вам завтра все объяснят. Только помните — ношение оружие не только право, но и обязанность...

Разговор затянулся еще на несколько минут, а следом студенты принялись задавать уточняющие вопросы. Поскольку для многих ситуация выглядела откровенно странной...

— Но ведь тут же советская республика! Ладно бы еще в Иране где было дело, — удивлялся очкарик Костян Рыжиков.

— Скажу прямо — нас тут многие не любят, — грустно усмехнулся военный. — Особенно сейчас, когда и самим-то многого не хватает, а тут еще и «понаехавшие» появились... Во многом это следствие того, что в этих республиках до сих пор сохраняется ряд пережитков феодального строя, который фактически существовал здесь при царях.

— А почему по одному из расположения не выходить? — интересовалась все та же Светка Синицына, что уже спрашивала про закон.

— Для безопасности, — ответил майор. — Вряд ли тебе хочется быть изнасилованной и, вполне возможно, убитой местными бандитами.

Все девчонки мгновенно побледнели от услышанного и поплотнее сбились в кучку, а у пацанов на лицах появилось выражение какой-то брезгливости вкупе с презрением.

— Вот твари! — прижавшись поплотнее к Михаилу, прошептала Вика.

— Раньше, конечно, на такое не решились бы, во всяком случае так внезапно, — пояснил тем временем военный. — Но сейчас сами видите, какие времена кругом... Недобитки из баев и их холуев мутят воду, подговаривают народ против Советской власти и русских в частности.

Потом они пошли к оружейке, где им выдавали по трофейному «вальтеру» с кобурой и небольшим запасом патронов. Попутно разъясняя про правила безопасности при обращении с оружием и сообщив, что завтра после работы ждут всех на импровизированном стрельбище — планировалось провести несколько учебных занятий для «новичков», кто не служил в армии. После чего их отправили к бригадиру, где распределяли обязанности — и Михаила, уже привычно, записали в водители. Тем более, что у него теперь даже права были! А вот Вику ему удалось пропихнуть на кухню поварихой — для чего он, впрочем, постарался еще заранее, всячески расхваливая ее кулинарные таланты. Впрочем, готовить девчонка и впрямь умела и любила... Жаль лишь, что как-то не до «разносолов» было последнее время. Уж когда людям, в числе прочего, стали даже кормовую свеклу выдавать... Разве что мяса пока что было в достатке.

Ужинали прямо на улице, под небольшим навесом, из полевой кухни. И, как оказалось, значительную часть рациона тут составляла баранина — как пояснил бригадир, в этих сейчас всюю идет забой скотины. Режут и овец, и коз, и даже лошадей... И все это идет на корм в том числе и стройотрядовцам. На ночь размещались в армейских палатках, по десять человек в каждой. Из «удобств» — только яма с перекладной на краю лагеря. Вода — в бочке.

А уже на следующий день началась работа. Уже привычно Михаил крутил баранку, перевозя с места на место тот груз, что велено было везти. А их стройотряд принялся за возведение зданий овощехранилища и МТС... Все из железобетонных плит, чтобы можно было как можно быстрее собрать и идти дальше. И каркас и впрямь собирался за несколько дней! Оставалось лишь залить бетоном стыки плит, поставить ворота, двери, окна, установить часть оборудования — после чего передать стройку военным, которые и

займутся монтажом всего необходимого. И тут-то Михаила ожидало еще одно удивление... Хотя нет, сразу два.

Сначала — когда оказалось, что поблизости работает бригада от... «мотоклуба имени Дара и Ельянова», с представителями которой ему несколько раз довелось столкнуться по вечерам. Как оказалось, в этом мире, как и в знакомом ему, Давид Дар и Алексей Ельянов совершили два мотопутешествия — сначала на мотовелосипедах с «дэшкой», а потом — на мотоциклах. Только если в прошлой истории все это прошло как-то незаметно, то в этом уже во вторую поездку на них обратили внимание власти. Несколько раз их попросили выступить в домах культуры разных городов, а затем и вовсе решили создать целый клуб мотопутешественников, названный в честь тех, кого теперь считали основателями советского мототуризма. Так и появились в этом мире «советские байкеры», только без тех перегибов в сторону излишней агрессивности и «неформальности», что были свойственны байкерам многих стран. Они не пытались бросить вызов сложившимся в обществе порядкам, хотя определенная «символика» вроде кожаных курток со штанами и ветрозащитных очков присутствовали. Были и эмблемы, означающие принадлежность к различным республикам или городам... Например, эти вот оказались выходцами из Куйбышева. А еще если многие байкеры из прошлого мира Михаила были по своим взглядам «праваками», то эти скорее наоборот были «радикально левыми», убежденными в том, что будущее за коммунизмом.

Кстати, интересный факт, но... При общении с «советскими байкерами» у Михаила сложилось весьма любопытное впечатление того, что их движение получило активную поддержку советского правительства дабы создать свою собственную субкультуру в противовес западной вроде всевозможных стилист или появившихся в его варианте истории чуть позже хиппи. И, кажется, эта попытка оказалась весьма успешной... «Даровцам» удалось создать свою собственную атмосферу со своей модой, своими песнями, своим слэнгом и, конечно же, особенно привлекавшим советских людей чувством товарищества, тягой к общему делу и куда более свободным, чем в целом в обществе, стилем общения. И в немалой мере этому поспособствовало и наличие артелей, которые даже начали производство специальной «мотоциклетной» одежды и экипировки, которые и стали частью стиля одежды «даровцев». На симпатичных молодых девушек в черных кожаных куртках так и вовсе заглядеться можно... Даже вдруг подумалось о том, как бы в такой одежде Вика выглядела.

Но еще больше удивил Михаила второй факт... Когда вдруг оказалось, что соседняя рота стройотряда почти целиком состоит из негров! По работе ему довелось не раз пересечься с ними и даже перекинуться несколькими словами пока загружали машину.

— Как я тут оказался? — усмехнулся говоривший почти на идеально чистом русском здоровенный негр. — А все просто! Советский Союз помогает нашей стране, а заплатить нам нечем! Нету ни промышленности, продукция которой заинтересовала бы вашу страну, ни добычи полезных ископаемых. Поэтому наш вождь послал в СССР пятьдесят тысяч работников, на стройки народного хозяйства.

Негр не называл страны своего происхождения, ну да Михаил и спрашивать не стал. Скорее всего, говорить об этом не велено было. Лишь поинтересовался, как тот оказался в армии.

— А все просто! — усмехнулся негр. — Как прибыли в СССР, так нас и отправили в стройбат. Там и русскому языку научили, и грамоте, и специальность дали. Так что через десять лет я домой уважаемым человеком вернусь, строителем!

— И много вас таких?

— А кто знает? Многие страны платят за помощь полезными ископаемыми всякими или деньгами... Но кто-то и, как у нас, людей посылают. Есть еще краснодарский, московский и ленинградский техникумы дружбы народов, туда наших пролетарием на учебу посылают. Из нашей страны тоже немало людей туда поехало. Как домой они вернутся — будут заводы строить... К немцам еще многие учиться едут, но там на инженеров, в основном.

Командиры у негров были, правда, сплошь советскими, но это было для Михаила и понятно. А вот рядовые — сплошь негры. Что ж... Если страны не имеют возможности заплатить за помощь иначе, то такой вариант вполне логичен. Не можешь дать товара — плати услугами. Это куда правильнее, чем выдавать кучу кредитов, а потом списывать их. Учить детишек всяких вождей-людоедов и арабских шейхов.

— И что для вас социализм? — поинтересовался Михаил.

— Социализм? — задумчиво произнес негр. — Ну вот смотри, у нас в племени есть вождь. Раньше он был из богатых и знатных и заботился тоже о богатых и знатных. Забирал то, что сделали мы, и отдавал им. А при социализме мы сами собираемся и выбираем вождем того из нас, кого считаем наиболее достойным. И он заботится обо всех нас. Раньше у нас были плантаторы и фабриканты из богатых и знатных — мы работали, а они забирали все себе. А теперь все принадлежит артелям трудящихся, и мы сами решаем, что делать с тем, что вырастили или сделали...

Подобное упрощенное понимание сути социализма Михаила, конечно, несколько позабавило, но спорить или что-то разъяснять он не стал. В конце концов, это не его дело. Да и, пожалуй, многие крестьяне или даже рабочие во времена революции имели примерно такие же представления. Да и сейчас у всех ли политическая грамотность на высоте?

Поговорив еще немного, они разошлись по своим делам. К некоторому удивлению парня, оставшаяся часть разговора съехала к теме «о бабах». «Девушек красивых у вас мало!» — говорил негр. Этой вот весной он, правда, познакомился с одной студенткой из краснодарского техникума Дружбы Народов, она там учится на технолога пищевой промышленности. «Ух, вот это девушка!» Совершенно ничего не стесняясь, негр говорил о том, какие у нее грудь и задница, какая она страстная в сексе и как хорошо умеет готовить — аж пальцы съешь! Вот только она, дескать, из враждебного им племени. Так что если кто из родственников узнает про их отношения, то ему отрежут «мужское достоинство» и заставят сожрать на глазах всего племени. А потому без вариантов! Была ли озвученная угроза метафорой или реальным обычаем — тут уж Михаил уточнять не стал. А то с этих негров всякое может стать...

Так день за днем в работе и летело лето. Погода стояла разной... То сухой и относительно, как где-нибудь под Москвой в обычное время, теплой. А то вдруг по несколько дней к ряду шли дожди... К счастью, за зиму неплохо развернули производство водонепроницаемых плащей, так что работать было куда легче. Эх, как же их не хватало прошлой осенью! Даже с учетом того, что тогда выгребли буквально все военные склады... И сколько народу могло бы не заболеть и даже не умереть от воспаления легких тогда! Увы, никто заранее не мог такого ждать.

Закончив с МТС и овощехранилищем, они принялись за строительство домиков для колхозников... Их собирали буквально за день — был бы фундамент, но его-то заливали те самые добровольцы-«даровцы». После чего сам сборно-щитовой домик строился легко и

быстро. Без всякой отделки, разумеется. Ей потом будут заниматься сами жители. И да, тут и впрямь не было никакого электричества... В зернохранилище и МТС его подавали от армейской дизельной электростанции, но для жителей этого было мало, а ЛЭП от крупных ГЭС или ТЭЦ будут еще не скоро. И параллельно все это время шло строительство железной дороги — так что в какой-то момент стали и до них ходить поезда, часть из которых привозила грузы, а часть — эвакуированных с севера людей, которые и заселялись в построенные ими дома. В первую очередь, правда, семьи с детьми. Те, у кого детей не было, первое время вынуждены были обходиться все теми же армейскими палатками.

Но больше всего Михаила и многих его товарищей мучало практическое отсутствие информации... все новости приходили лишь с привозимыми с «большой земли» газетами, в которых писалось лишь то небольшое, что считали самым главным. По радио и телевизору можно было узнать гораздо большее, но их тут не было. А еще от людей пошли слухи о вооруженных столкновениях с образовавшимися бандами «новых басмачей» в Средней Азии и бандеровцев на Украине... А в середине июля их вдруг собрали на экстренное собрание.

— В республике мятеж, — объявил им незнакомый полковник. — К местным баям прибилась часть дезертиров из армии, их же поддержала часть милиции. Призывают резать русских и вообще всех не местных. Бои идут буквально в сотне километров от нас — так что всем усилить бдительность.

— Мятеж? — удивленно спросил Колька Безбородов. — Но как такое может быть?

— А вот так! — огрызнулся полковник. — В трудные времена все дерьмо наружу всплывает! Вот и эти тоже...

А еще через день отражали набег на соседнее село. К счастью, у военных тут были и техника, и оружие... Так что банду конных басмачей, понадеявшуюся «на авось», покروшили из пулеметов без особых проблем. После чего несколько дней подряд ели конину — не пропадать же добру? Попавших в плен бандитов не стали даже судить — расстреляли прямо на месте.

— Но разве можно так, без суда и следствия? — ошарашенно спросила тогда Ленка Кузьменко.

— С такой сволочью только так и нужно, — отмахнулся от нее тогда вынесший решение капитан-танкист.

А потом пошли и новости об арестах партийных и советских деятелей в республике — и очень скоро они дошли аж до республиканского уровня, а затем охватили и соседние республики. Расстрелы следовали один за другим, тысячи чиновников и членов их семей отправились в лагеря, а дети — в детдома. Было изъято огромное количество припрятанных материальных ценностей, включая запасы продовольствия, пресечена деятельность целой сети контрабанды, разгромлены целые мафиозные кланы. Военная прокуратура церемониться ни с кем не собиралась...

А в начале августа вдруг грянуло постановление Совета Министров об изменении административно-территориального деления СССР. Северный Казахстан, так называемая «Целина», вошел в состав РСФСР, юг республики и все остальные среднеазиатские республики стали единой республикой с общими хозяйством и экономикой. Республиканские органы власти были полностью расформированы — в Политбюро приняли решение о необходимости ликвидировать «землячества», где нередко одни прикрывали других, пользуясь родственными или «клановыми» связями... То же самое, кстати, было сделано и в Прибалтике, которую решили объединить в единую республику, разгромив

местные «своинства» и фактически назначив «наместников» из центра.

А потом как-то подошло и время возвращения... И вот уже, собрав свои немногочисленные пожитки, они грузились в поезд и ехали в обратный путь. Позади оставалось несколько построенных посреди бывших пустынь поселков, жизнь в палатках при свете керосиновых ламп, тренировки по обращению с оружием, которое так и осталось при них, помощь колхозникам. И постоянное чувство усталости! Каждый день по двенадцать часов работы, единственный выходной в неделю, когда все отсыпались без сил, не желая уже совершенно ничего... Даже с девчонкой погулять уже не хотелось! Максимум — посидеть и немного поговорить о жизни. И, особенно последний месяц, страх перед мятежниками. К счастью, не случилось хоть самого худшего — не началось Третьей Мировой войны... Хотя как сказать? Глобальной войны и впрямь не было — а вот на местах друг с другом резались только так!

В июне все же началось китайское вторжение в Корею, Индокитай и северную Индию — и хоть информации о происходившем там было немного, но бойня явно шла очень активная! Советские войска, в ответ на набеги, нанесли удары по Афганистану — применив, в том числе, химическое оружие. Неожиданно сцепились друг с другом страны бывшей Югославии — хотя там у них счетов друг к другу еще со времен Второй Мировой хватало, а потом к ним добавилась Гражданская война и развал Югославии. На фоне этого Энвер Ходжа выдвинул лозунг «жить и бороться как в окружении». В стране активно начали строить укрепления на границе, а, ввиду неурожая и мизерных запасов продовольствия, практически единственной едой албанцев стали массово вылавливаемая рыба и морепродукты. Впрочем, имея небольшое население и достаточно большой рыболовецкий флот, Албания имела все шансы пережить зиму на этом. Какое-то брожение наблюдалось и в Польше... Правительство ПНР требовало, чтобы СССР больше помогал, в ответ на что советское правительство огрызалось в стиле «и самим не хватает!»

Сообщалось и о проводящейся в эвакуации в стране... Еще в начале лета, расчистив дорогу и кое-как подлатав пути, эвакуировали по Трансполярной магистрали жителей Норильска и часть промышленного оборудования оттуда, включая котлы и турбоагрегаты ТЭЦ — электричества в стране надо было много. С помощью аэросаней и вездеходов эвакуировали людей из удаленных северных городков и поселков. К концу лета большая часть Сибири и Севера обезлюдели... Кроме того, писали в газетах и новости экономики... Переделывали в шахты многие карьеры по добыче угля и руд, наращивали объемы добычи и переработки нефти, массово строили теплицы. После зимней приостановки, когда делали лишь запчасти, было возобновлено производство грузовых автомобилей и тракторов, понемногу начали делать полноприводные легковушки. Все шинные заводы страны окончательно перешли на выпуск исключительно зимней резины, постепенно дорабатывая технологию их производства по итогам прошедших «массовых испытаний». В общем, в газетах писалось много про что... Но все оно воспринималось как нечто далекое-далекое.

Но вот они снова в родном городе, где еще на подъезде видно целые поля тепличных комплексов. Стекланные крыши, стены из шифера с утеплением стекловатой, всюду линии электропередач, трубы котельных... Все построены по типовому проекту — как его называли, «стандартная модульная теплица образца 1966 года». Внутри — многоуровневые «стеллажи» с искусственным освещением и капельным поливом, где выращивали наиболее урожайные тепличные растения. А за пределами теплиц — засеянные поля... Только это не рожь и не пшеница, а какой-то «пшенично-пырейный гибрид» — растение, которое

создавали для обеспечения населения хлебом на случай ядерной войны. Будучи очень неприхотливым и урожайным, он мог расти почти в любых условиях, причем был многолетником. Единственная беда — колос растения был настолько низким, что его не возьмет ни один комбайн! Но в сложившихся условиях и такой-то хлеб за счастье будет...

А вот уже и сам город... Где даже в конце августа в тени домов продолжает лежать снег! Но это кажется такой мелочью... Ведь главное — они дома! Хотя на юге можно было бы и еще минимум месяц отработать, но военные посчитали, что хватит с них, студентов. И так, дескать, немалую работу проделали! А тут впереди еще уборка урожая — помогать местным колхозниками с теми самыми пшенично-пырейными гибридами...

Выйдя из вагона, Михаил с Викторией решили немного пройтись по центру — и с трудом узнавали родной город... Почти не осталось деревьев, которые спилили для удобства уборки снега. Грядки с овощами на месте газонов — репа, редиска, морковь, зеленый лук... Остатки сугробов в тени домов — уже не такие уж большие, не сравнить с тем, что навалили зимой но все же. И то и дело попадающиеся на глаза военные — то БТР напротив продовольственного склада, то патруль на Газ-69...

— Как же все переменялось, — глядя на город, тихо произнесла Виктория.

— Переменялось, — согласился Михаил.

И странное впечатление вызывали все эти перемены... С одной стороны, все это словно лишний раз напоминало о случившейся уже чуть больше года назад катастрофе. С другой же... Судя по всему, власть поддерживает порядок, предпринимает меры для выживания. И это сейчас было самым главным!

Дорога домой — все на том же девятом трамвае... И удивление тем, что за лето, гораздо раньше, чем в его мире, успели отстроить второе трамвайное депо, получившее в этом мире название Сталинского. Зачем? А потому, что уже прошлой осенью, да и этой весной, не хватало ремонтных мощностей! Вот и подсустились... Стройка, растянувшаяся тогда на несколько лет, была осуществлена за одно лето! Впрочем, сейчас в городе много что строилось — и все так же срочно, аварийно! Где планировался восьмой корпус университета — там сейчас стоял панельный дом-«эвакуационка». Такие же то и дело попадались и по дороге — где-то их построили на пустырях или во дворах, где-то на расчищенном под строительство еще до начала всех событий месте... А еще такими застраивали целый район к северу от города — хотя там Михаил еще не бывал и потому не мог сказать, насколько много всего там построено было.

Но вот и дом, где они живут... Вот и родители — у них как раз сегодня выпал выходной. Обе сестры уже тоже успели прийти с работы... Бабушка тут же — а вот дед хоть и пенсионер, но снова пошел работать — на стройку. А вот муж старшей сестры на смене на станкостроительном.

— Наконец-то, вернулся! — повисла у парня на шее младшая сестренка, Машка.

Все остальные свои чувства проявляли куда более сдержанно, но тоже были рады их возвращению. Сразу же прошли за стол, поесть с дороги и поделиться новостями.

— А ты кто? — когда они уже оказались на кухне, вдруг спросил Михаил — ведь вместе с ними была и еще какая-то незнакомая девушка.

— Я — Квета, — улыбнувшись, со странным акцентом произнесла незнакомка.

— Эвакуированная, — пояснил батя. — Ее к нам в старый дом заселили...

Да, новостей и впрямь хватало — Михаил даже есть забыл пока слушал! В стране происходили большие перемены... Миллионы людей отправляли в эвакуацию, заселяя

буквально всюду, куда только можно было. Вовсю строили теплицы, грибные фермы, заводы БВК. В морях и реках массово вылавливали рыбу, в лесах отстреливали буквально любую попавшуюся живность, заготавливая еду на вторую зиму. Расширялись необходимые для обеспечения выживания производства — и консервировались те, которые вот прямо сейчас были не нужны. Кое-где даже, стащив все оборудование на какие-нибудь склады, устраивали прямо в цехах многоуровневые теплицы или гидропонику. Строили котельные и электростанции... Страна вовсю готовилась к новой зиме! Но не менее интересной оказалась информация, которую рассказала та самая Квета.

— Я ж в Америке жила, — говорила девушка. — Мои родители туда перед войной уехали...

Если до этого о происходящем в США Михаил мог знать лишь из скурых новостных сводок, то теперь перед ним была информация от человека, кто своими глазами все это видел. И это было откровенно жутко! Когда тряхнуло и началось извержение — поначалу воцарилась паника. Миллионы людей, в том числе тех, кто уже до того был в лагерях для беженцев, рванули на восток, буквально сметая все на своем пути. Обезумев от ужаса, нередко лишившись родственников, оставшись без всего, включая запасы еды и крышу над головой, те творили такое, что вставали дыбом волосы. Многие тогда решили, что и вовсе настал конец света и впали в безумие... Озверевшая толпа рванула на восток, подальше от извержения — игоре тому, кто попадался на ее пути. Так и началась короткая, но крайне ожесточенная гражданская война прошлого года.

Да, стихла она быстро... Но времени потеряли немало! А к этому добавить еще и мощные сернокислотные ливни! У самой Кветы так и остался на левой руке шрам от ожога — не очень заметный, но все же... И это девушке еще повезло! Как повезло и потом не попасть в руки оборзевших насильников-негров. Как повезло встретиться с каким-то парнем, кто помог ей пережить зиму. И кто потом и чуть ли не силой отправил ее в эвакуацию в СССР... Ну а тут уж определили, куда ее поселить.

В старый дом, как оказалось, заселили эвакуированную откуда-то из Сибири семью с четырьмя детьми. Ну а Квету, как одиночку, но беременную, отправили туда же «за компанию». Вроде как дом на две семьи же? Ну вот и будут две семьи... Вот только по факту девушка как-то очень быстро сошлась с сестрами Михаила, став их лучшими подругами — из-за чего в старом доме фактически только ночевала, проводя все остальное время здесь. Даже ела вместе, и готовила по очереди с остальными, что немало удивило Михаила. Впрочем... Как не странно, но «американская словачка» и впрямь оказалась очень милой и симпатичной девушкой. Так что почему бы и нет? Пусть общаются, раз уж им так нравится...

Интерлюдия

С наступлением весны, когда в конце апреля все же сошел снег, американцы начали эвакуацию на юг — впрочем, единых США уже к тому времени не существовало. Как, впрочем, и единой армии. Где-то, как знал Василий, сидели на своих базах флотские и «ракетчики», кто держал под контролем стратегические ядерные силы осколка сверхдержавы, не давая устроить мировой атомной бойни. Хотя многие придурки уже в открытую орали о том, что надо «ударить по Советам». Зачем? А чисто по принципу «тонешь сам — топи другого!» Впрочем, разум все же еще не покинул до конца военных — тем более, что у них и их семей были неплохие запасы продовольствия и топлива, что давало неплохую возможность пережить катаклизм.

А вот другая часть военных предпочла уйти на юг, вместе с частью населения. И тут брали с собой лишь истинных «васпов», бросая на произвол судьбы практически всех остальных — особенно негров и эмигрантов последних десятилетий. И Василий с Кветой были как раз среди своих... Нет, формально-то никто их не бросал, даже раздавали какие-то приказы и указания, что делать! Но и с собой не брали... И вот последнее время Василий и другие участники «коммунально-хозяйственных работ» занимались тем, что грузили на тягачи и отправляли на юг наиболее ценное промышленное оборудование с заводов города... А еще говорили, что из города вывезли почти все запасы продовольствия — и скоро всех ждет голод. Хотя многие по привычке еще продолжали на что-то надеяться. Порядок же поддерживают!

— Собирайся, — усевшись за стол, произнес Василий. — Отправишься в Советский Союз...

— Но как же ты? — удивленно произнесла Квета. — Тебе же отказали во въезде...

— Неважно, — махнул рукой парень. — Самое главное — ты выживешь... А я уж и тут как-нибудь не пропаду...

Девушке хотелось поспорить, сказать, что она не бросит любимого посреди всего происходящего кругом, но... Но и впрямь — что она может? Лишь будет обузой у него на шее, будет проедать его еду, будет отвлекать его на защиту себя от опасностей. Ведь она — всего лишь девушка! Не боец, не солдат... Значит, надо делать так, как он говорит. Василий мужчина — он знает, как правильно! Оставаясь здесь, она лишь уменьшит его шансы на выживание. И погубит обоих... А то и троих. Хоть она еще ничего и не говорила Василию, да и сама еще не была до конца уверена, но, скорее всего, у них будет ребенок. Пусть они этого и не хотели, но так уж получилось... А, значит, она должна будет позаботиться и о нем. И какова вероятность того, что он выживет в этих передрягах?

Ответ из советского посольства они получили на прошлой неделе... Василию, разумеется, отказали. Не для того выслали чтобы потом пускать назад! А вот Квете, как ни странно, дали разрешение на въезд — сообщив, что эвакуация посольства и немногих еще находящихся в США советских граждан состоится через три недели. С ними может уплыть и она...

Откровенно говоря, Квете тут просто повезло... Советскому посольству в США недавно был передан список лиц, в основном состоящий из ученых и военных, кому в случае обращения следует дать разрешение на въезд в СССР без всяких условий. А также разрешили набрать некоторое количество «прочих лиц», по усмотрению самого посольства. Так и

получилось, что просматривавший анкеты секретарь, прочитав, что родители Кветы эмигрировали в США перед войной, спасаясь от фашизма, поставил под ее обращением резолюцию «Разрешить». Молодая девушка из семьи антифашистов, происхождением из рабочих, сама студентка медучилища... Почему бы и нет? Раз лимит есть... В отличие от Кветы, анкету Василия никто и читать толком не стал. Хватило строчки «Выслан из СССР в...» Дальше никто и читать не собирался. Отказать!

— Хорошо, — кивнула Квета.

Так не хотелось уплывать одной куда-то в неизвестность! Но она взяла себя в руки и приказала делать так, как ей сказал любимый. Так надо! Но было так обидно...

— Вот и молодец, — улыбнулся Василий. — И не расстраивайся... Я помирать не собираюсь! Все хорошо будет.

— Легко тебе говорить, — грустно усмехнулась девушка. — А я чувствую словно предаю тебя...

— Я тоже, — ответил парень. — Но так надо...

— Так надо, — тихо повторила Квета.

Что ж... Осталось дать согласие и отправиться в, по сути, неведомый ей Советский Союз. Пусть девушке и нравились идеи социализма и, как следствие, СССР, но то было одно дело. А другое — оказаться одной в той стране, про которую американское правительство давно распространяло различные страшилки. Пусть даже в большую часть их она и не верила. И хоть разумом Квета и понимала, что Василий прав, что от нее тут будет больше вреда чем пользы, но... Сердцу ведь не прикажешь.

Впрочем, события последующих недель еще больше показали обоим на счет правильности принятых решений. Да, немалая часть юга бывших США была заражена радиацией, но большая часть территории все же оставалась пригодной для жизни. И сейчас там разгоралась ожесточенная война «васпов» против «всех прочих». И, в первую очередь, резали негров и мексиканцев — хотя под горячую руку попадали и многие другие эмигранты — в том числе, прожившие в США уже не одно десятилетие. Вот только покорно идти на убой или бежать из страны в чем есть, без всяких припасов, никто не желал. Так «черные пантеры» и всевозможные наспех организовавшиеся эмигрантские «отряды самообороны» ответили тем же. И теперь на юге шла беспощадная война всех против всех... Хотя Василий и был абсолютно уверен в том, что победит в ней армия. Победит, но какой ценой? В плане даже не людских потерь, а разрушений и так немало пострадавшей экономики, инфраструктуры, уничтожения ставших практически невозполнимыми запасов топлива и продовольствия? Ведь загнанная в угол крыса становится чрезвычайно опасной... И те же негры могут начать уничтожать те же продовольственные склады даже просто ради того, чтобы они не достались врагу. «Раз мы сдохнем — сдохните и вы!»

Но вот настал и день эвакуации... Порт так толком и не восстановили, но сейчас это никого особо и не интересовало. И так погрузятся! Василий провожал Квету до самого корабля, чувствуя, что больше никогда ее не увидит. Совсем скоро их разделит океан... И что будет дальше? Но он все же надеялся на лучшее.

Порт, куда они прибыли, в этот майский день был полон кораблей и судов под советским военно-морским флагом... Ракетный крейсер и пара транспортников, на которые садились подлежащие эвакуации люди и грузили какие-то документы и оборудование из посольства.

— Прощай, Квет, — глядя на девушку, произнес Василий. — Прощай навсегда...

— Так не хочется тебе этого говорить, но прощай! — едва сдерживая слезы, произнесла девушка.

Они еще несколько минут смотрели на порт, на умирающий город, на советские корабли. И так не хотелось расставаться! Ведь оба понимали, что, скорее всего, это навсегда.

— Я назову нашего ребенка в честь тебя, — тихо произнесла Квета.

— Так ты... — растерялся Василий.

— Да, — кивнула девушка.

— Но почему не говорила?

— Я не была уверена, — ответила Квета. — Да и сейчас не знаю точно. Но скорее всего...

— Будь проклят этот вулкан! — выругался Василий. — Будь проклята эта зима!

— Может быть, мы еще встретимся? — тихо произнесла девушка. — Когда сойдет снег...

— Вряд ли... Где мы найдем друг друга на руинах сверхдержавы? — тихо произнес Василий. — Ладно... Беги, Квет, тебе пора. И будь счастлива! Замуж там, может, выйдешь выучишься, детей родишь и забудешь одного балбеса... — усмехнулся при последних словах парень.

— Не забуду, — упрямо мотнула головой девушка. — Ты мне не только честь, но, скорее всего, и жизнь спас... А такого не забывают!

Так они и расстались... Квета вошла на советский корабль, отправившись в неведомую даль. Всего через какие-то полчаса корабль отчалил, а Василий еще долго глядел ему вслед... Что ж — пришло время перейти к его плану. Были у него тут кое-какие знакомства среди русской мафии... Пусть пока она еще только зарождалась, не успев достичь тех масштабов, что в параллельном мире получились полутора десятилетиями позже, но уже была. И им же пригодится знающий, с какой стороны держаться за автомат, мужик? Времена-то вон какие смутные начинаются...

А вот Квета так и не знала, насколько правильно она поступила... И почти всю дорогу мучилась в раздумьях. Тем более, что плаванье она переносила откровенно паршиво. Мало того, что несколько раз они попадали в шторм, так к этому еще и добавился пусть и почти незаметный до того токсикоз, так что чувствовала себя девушка отвратительно.

— Ты чего-то не говорила? — когда Квета пришла к судовой врачихе, удивленно спросила ты. — Кто отец-то хоть?

— Из ваших... Его правительство выслало, — тихо произнесла девушка.

— И потому ты молчала? Дура! — выругалась врачиха. — Какая же ты дура... Надо было сразу в анкете все указать!

— Ему отказали во въезде...

— Конечно, откажут! Но тебе-то не отказали, а мы не такие твари, чтобы семьи разлучать! А раз его не отправили в лагерь и не поставили к стенке — значит, из болтунов, а не активной контры...

— Но я же не знала! Мы боялись, что и мне откажут! Да и не замужем мы официально...

— А не надо было бояться, — ответила врачиха. — А уж штамп в паспорте... в нынешних условиях его бы от тебя не потребовали. Но с мужем теперь я тебе уж ничем не помогу! Эвакуация из США закончена!

Почти весь остаток пути Квета не вылезала из каюты, ее периодически рвало, особенно

когда усиливалась качка, но в какой-то момент все эти мучения закончились... Их судно вошло в порт Ленинграда. Таможенный контроль, где всем сразу же выдавали временные паспорта, потом медосмотр для всех прибывших — и распределение. Здесь никто не оставался, всех отправляли куда-то на юг.

— Город Саратов, значит, — прочитав надпись на билете на поезд, произнесла Квета.

Полыхнуло когда он был уже достаточно далеко... Поезд остановился буквально сразу, и вскоре вывалившиеся из вагонов пассажиры ошарашенно глазели на поднимающийся где-то на краю горизонта ядерный гриб. Но прошло всего несколько минут — и вдруг полыхнуло еще в одном месте!

— Комми, суки, бомбят! — выкрикнул кто-то из пассажиров, и воцарившаяся было тишина мигом разрушилась.

Кругом мигом начался галдеж и возмущенные вопли, а Сергей срочно вспомнил, чему их учили на НВП. Так, взрыв далеко... Значит, прежде всего бояться надо ударной волны и радиоактивной пыли. Быстро смастерив повязку из платка, мужчина, коротко крикнув людям «за мной, если жить хотите!» рванул за небольшой холмик неподалеку, укрыться от ударной волны. И едва успел спрятаться, как она налетела! Пусть изрядно ослабшая с расстоянием, но и этого хватило. Тем, кто не успел быстро сориентироваться, не повезло сразу... Шансы выжить на открытом пространстве были никакими. Остальные же, находясь в укрытии, спешно делали повязки по примеру Сергея. Но не успели они перевести дух, как накатилась вторая ударная волна. Но, вроде, больше взрывов не было? И вскоре, высунувшись из укрытия, Сергей глядел на заваленную какими-то обломками и хламом мертвую степь, на несколько уменьшившийся в размерах холм.

— Суки! — неожиданно выругался по-русски кто-то рядом, а затем добавил к этому еще целую многоэтажную конструкцию.

— Это что, война? — а это уже на английском спрашивал какой-то незнакомый парень лет двадцати с небольшим.

— Похоже, да, — согласился Сергей.

— За что русские бомбят нас? — обиженным голосом спрашивала молодая девушка.

— За то, что мы их не успели! — огрызнулся кто-то еще из выживших.

Пассажирские вагоны их поезда завалило на землю, хотя массивный тепловоз все же остался на рельсах. Тут и там лежали трупы погибших и какой-то хлам... Искать здесь было больше нечего, и выжившие пешком двинулись вдоль путей, всячески ругая Советы и еще не догадываясь о том, что они тут совершенно не при чем.

К вечеру они наконец-то добрались до достаточно уцелевшего города, но там в этот час царил атмосфера растерянности и непонимания. Электричества здесь не было, не работали никакие коммунальные и экстренные службы, предприятия и даже магазины, а власти откровенно не знали, что предпринять. За то люди передавали друг другу шокирующую всех новость: их бомбила Англия! До того, как произошли взрывы, успели получить информацию о вошедших в воздушное пространство английских самолетов... И хоть нынче даже в более чистом от пыли южном полушарии полеты авиацией были нечастыми, но не были они и чем-то совсем уж неординарным. Так что их пролету не придали особого значения — пока с неба не посыпались атомные бомбы...

— Уничтожены крупнейшие города материка, — говорил кто-то, кого Сергей встретил

на вокзале.

Но самый большой шок новость вызвала у тех, кто пришел вместе с ним с поезда... К удивлению Сергея, их даже не проверили на предмет того, какую дозу они радиации получили! Осталось лишь скинуть и выбросить верхнюю одежду, надеясь на то, что вся радиоактивная пыль останется на ней да хорошенько умыться, хотя последнее тоже оказалось проблемой в виду неработающего водоснабжения.

Плюнув на все, Сергей на следующее же утро ушел из города дальше... Куда двигаться он не знал, лишь хотел убраться как можно дальше от тех мест, которые бомбили. Тем более, что и этот городок выглядел каким-то городом обреченных, где не чувствовалось признаков никакого порядка или организации. Пройдет немного времени — и люди начнут самоорганизовываться как смогут. И неважно, будут ли это откровенно криминальные банды или какие-нибудь отряды самообороны — это уже не важно. Важно лишь то, что чужакам нигде не будут рады. Оставалось лишь попытаться добраться туда, где есть хоть какие-никакие знакомые.

События последующих месяцев лишь подтвердили правоту мужчины. После атомного удара страна начала стремительно распадаться на «удельные княжества», единство рухнуло в считанные дни. Самым главным ресурсом в новом мире стали запасы топлива и продовольствия, все остальное больше не имело никакого значения. Но и это имело смысл лишь если была сила чтобы защитить свои запасы. Если же нет... Участь таких общин была печальной. Все воевали со всеми, стремительно забывая про то, что еще недавно жили в одной стране, улыбались друг другу при встрече, а то и вместе работали. К счастью, Сергею все же удалось добраться до знакомых... Западная часть Австралии практически не пострадала, сюда практически не дошла волна беженцев из разрушенных городов — так что жизнь шла более-менее спокойной. Кое-где даже сохранились электричество и некоторые другие блага цивилизации. Хотя дефицит продовольствия грозил в скором времени поставить крест и на здешнем порядке...

Войдя домой, Катя разделась и устало плюхнулась на кресло в комнате... Как же она устала! Но все же свершилось! Сегодня она наконец-то защитила дипломную — и теперь скоро получит уже настоящий диплом... День выдался просто сумасшедшим! Сначала отработать ночную смену на ЗиСе, куда ее отправили цеховым технологом... Ну как отправили? Она сама выбрала — хотя выбор был не так уж и велик. А потом, даже не выспавшись, топать на защиту! Впрочем, кому нынче легко?

Откровенно говоря, даже у них на курсе она была такой далеко не одна... Многие кто в ночную работал, кто еще не отоспался после вчерашнего. А еще еда! Пусть им по рабочим карточкам давали весьма неплохо, но полноценным питанием считать это было нельзя... А нехватка витаминов сказывается и на утомляемости. И все же она смогла! А это самое главное...

Да, еще недавно не ждала она такого будущего... Да и никто не ждал! Поскольку ждать такое было просто невозможно. Даже когда случилось гигантское извержение — девушка не могла и подумать о том, что настанет совсем скоро. И как же переменялась за прошедший год жизнь всего советского народа!

Еще недавно Катя любила красиво одеться — благо, зарплаты родителей-инженеров хватало и на покупки у артельщиков. Любила вкусно поесть, сходить куда-нибудь в кино, театр или на какую-нибудь выставку, съездить отдохнуть на Черное море, желала иметь собственную машину — даже права получила... Не то, чтобы она была ленивой и разбалованной маменькиной дочкой — Катя искренне была убеждена, что всего надо добиваться собственным трудом и считала унижительным сидеть у кого-то на шее. Но... Она привыкла к достаточно высокому уровню жизни и стремилась иметь в будущем не худший. Ведь разве не в том смысл социализма, чтобы обеспечить всем гражданам хорошую жизнь? Чтобы на шее трудящихся не сидели буржуи-паразиты?

Но вот вдруг все поменялось — и то, о чем мечталось раньше, вдруг стало чем-то неважным... Ведь настал час испытаний — и тут уж не до кино с одеждой. Еда? Не голодаешь — и то за счастье! Одежда? Не замерзнешь в зимнюю стужу — и то хорошо! Ведь самое главное сейчас — чтобы жива была страна. Ведь без нее ты — никто и ничто! Что будет, если завтра не станет Советской власти, не станет Советского Союза? Только разруха, голод, холод и смерть! А потому иди и работай! И сделай все для того, чтобы этот самый худший вариант никогда не случился... И Катя работала как могла. Пусть ты устала и хочешь лишь отдохнуть и отоспаться. Пусть уже надоел этот дурацкий суп с грибной мукой и кормовой свеклой. Пусть зимой приходится ходить в ватных штанах и шубе, замотавшись до самых глаз шарфом и надвинув на самый лоб ушанку и ни о какой эстетике уже не идет и речи. Пусть давно нет ни кино, ни театров, а из развлечений в целом осталось лишь чтение книг, когда на это хватает сил. Но девушка не унывала. Самое главное — они все еще живы, они не сдаются... А, значит, они победят! Где-то в параллельном мире, в будущем, многие писатели-фантасты считали, что в такой ситуации все очень быстро рухнет и люди начнут выживать кто как сможет — чаще всего за счет других. Увы, советские люди как-то не догадывались о столь удобном и простом выходе из ситуации. И почему-то очень не любили тех, кто и без советов «альтернативщиков» будущего дошел до такой мысли, считая их бандитами...

Наконец-то встав с кресла, Катя зашла на кухню и зажгла огонь под стоявшим на огне чайником, а затем подошла и пощупала батарею. Теплая! Начало сентября, а уже начался отопительный сезон... Да, в прошлую зиму в самые зимние морозы даже при работающем на полную мощность отоплении температура в комнате порой падала до двенадцати градусов... Мощности котельной с трудом хватало на то, чтобы люди не замерзли в домах. И приходилось в дополнение к отоплению включать духовку, согреться горячим чаем и спать на кухне... В этом году летом к котельной пристроили новую секцию с дополнительными котлами — так что ожидалось, что будет все же теплее.

Пока грелся чай Катя включила телевизор где как раз в это время показывали новости про уборку урожая картошки в Средней Азии... На экране показывали какой-то построенный из типовых щитовых домиков поселок. На заднем плане виднелось какое-то более крупное здание из железобетонных блоков хотя его назначение стало понятно очень быстро. Овощехранилище!

Вспомнился принятый не так давно закон об оружии... Говорят, причина его была именно в том, что сейчас творится в Средней Азии, на Кавказе, Западной Украине и в Прибалтике. Где вылезла на волю чуть ли не вся затаившаяся контра. Да, не хотелось бы девушке оказаться в тех местах. Хотя, будь на то необходимость, труса бы она не праздновала, но жить практически в отрыве от всех благ цивилизации, зачастую даже без обычного электричества, в местах, где можно запросто столкнуться с бандой мятежников или бандитами из фашистских прихвостней — это было жутко! Но надо — значит, надо!

Внезапно вспомнился тот парень, с кем судьба случайно свела ее прошлым летом у Дворца Советов... С кем она даже изредка переписывалась. Откровенно говоря, Катя сейчас удивлялась самой себе... Вроде, случайная встреча — они и общались-то совсем немного! Но чем-то запал в душу ей этот парень, пусть даже он и всего лишь вчерашний школьник. Только чем? Каким-то слишком взрослым и рассудительным для его возраста взглядом на происходящее вокруг? И впрямь ведь словно со старшим братом общалась! Эх, написать ему что ли? Благо, повод есть — защита диплома!

Сняв с плиты чайник, Катя налила в кружку чая и выпила его... Хотя какой это чай? Нет его больше! И вряд ли скоро будет. Вместо него теперь какой-то травяной набор, хоть и достаточно вкусный. Отставив в сторону кружку, Катя прошла в комнату и, достав из ящика стола тетрадный лист и авторучку, начала писать письмо... Пусть и хочется спать, но к этому она уже успела привыкнуть!

Первые заморозки начались еще в августе, в начале сентября выпал и первый снег, хотя он и сошел через пару дней. И в это же время началась уборочная в полях... Ни пшеница, ни рожь в такое «лето» просто не вызрели бы, а их посев стал бы пустой тратой зерна. Но пшенично-пырейные гибриды могли и в таких условиях дать пусть и не очень-то большой, но урожай... Культура-то была крайне неприхотливой, недаром советское правительство рассматривало ее как источник хлеба на случай ядерной войны. Беда была в одной — в невозможности уборки комбайном. Подходящий для этого сорт будет создан лишь через полвека... Потому сейчас в поля отправили буквально всех, кого можно!

В прошлой жизни Михаилу довелось побывать «на моркошке», под Пугачевом... Там он впервые и на грузовике проехался — местные пацаны научили, с которыми он на удивление легко сошелся. Хотя, по рассказам людей, в разных местах оно сильно по-разному бывало,

но им повезло. Даже, было дело, в футбол с ними гоняли... Позднее, в 90-е, он уже работал инженером-механиком у фермера — и там же научился управлять трактором. Даже порой сам на МТЗ с междурядным культиватором в поле выезжал, когда кто-то из трактористов вдруг «заболевал синей болезнью». На грузовике тоже порой доводилось поехать, возя зерно от комбайна до зернохранилища или загружая сеялки. Так что стабильно несколько раз в год да выпадало поработать в поле. Теперь довелось поучаствовать и в уборочной... Причем, без всякой техники!

Выдав серпы и объяснив как работать с ними тем, кто этого не знал, их отправили в поле на жатву. Прямо как в, мать их, былые времена! Вот уж и впрямь не думал никогда, что придется за жнеца поработать... Работать с серпом Михаил умел. Но с рассвета до заката, под холодным ветром, а то и порой начинающемся дождем... Но надо — значит, надо! И он, и его товарищи это прекрасно понимали. От того, насколько удастся собрать и сохранить этот урожай, зависит то, как они переживут следующую зиму, которая грозила оказаться еще труднее предыдущей. И они день за день выходили в поле на уборку урожая, жали, вязали снопы, вывозили в зернохранилище... В меру своих сил помогали колхозникам. А под вечер шли ночевать в сельскую школу...

Деревня, где им довелось оказаться, поражала какой-то своей противоестественностью. Слишком все отличалось от того, какой привыкли видеть сельскую жизнь! Здесь больше не было никакой скотины — последнюю порезали еще по весне. Не мычали коровы, не орали петухи, не гоготали гуси и не хрюкали свиньи. Их попросту больше не было! Ни частных, ни колхозных. Впрочем, практически не было даже собак, которые большинством воспринимались как неперемный атрибут сельской жизни. Только вот чем ты эту собаку кормить будешь? На псов продовольствия не выделают, если это не немногочисленные служебные собаки. Тут было бы людей чем прокормить — чтобы они хоть с голоду не померли! Конечно, кто-то может отдать свою порцию собаке... Но сам-то ноги не протянешь? Из домашних животных остались практически одни только кошки, как охотники на мышей и крыс, но и те практически перешли на «самообеспечение». Что поймала — то ее!

Впрочем, и в целом в деревне царило какое-то мрачно-унылое настроение... Во многом как раз потому, что хозяйство было фактически разрушено — и, глядя на это, люди прекрасно понимали, каких трудов будет стоить его восстановление и сколько оно займет по времени. Люди работали словно по инерции — просто потому, что надо. Надо — и точка! Пусть даже будущее видится в мрачных тонах, пусть прекрасно понимаешь, что нынешний урожай чуть ли не насмешка, но если хочешь жить — иди и работай! И люди шли...

Возвращались в школу они уставшими и буквально сразу, лишь поужинав тушеной картошкой с капустой, к которой иногда давали рыбные консервы или немного тушенки, заваливались спать.

— Если по всей стране такой урожай, то зимой сдохнем с голоду! — как-то напрямую заявил вечером Серега Антонов за ужином.

— В Иране получше будет, — заметил на это Михаил. — Как и в Туркмении... Да и картошка, опять же.

Картошка, как все уже знали, была практически единственным, что в этом году более-менее уродилось в этом году. И то не здесь, а на юге... А тут — или теплица, или этот вот неприхотливый «полупырей». Который, откровенно говоря, засеяли во многом просто на пробу, не будучи уверены, что из него что-то путное выйдет... Хуже не будет — и на том

хорошо! Впрочем, сейчас их город фактически был северной границей земледельца. Где-нибудь под Пензой или Куйбышевым поля в этом году и вовсе не пахали.

После ужина — немного времени на то, чтобы послушать радио. Где говорилось про то, что англичане эвакуировали пять миллионов человек в ЮАР, французы примерно вдвое больше — в Алжир. Идут бои с местными арабами, активно применяется химическое оружие и тяжелая техника. Часть американцев эвакуируется в Австралию — пусть ее и бомбили, но лишь крупнейшие города. Турки захватили Египет и эвакуируются туда, практически бросив родные места. Китайцы, захватив Индокитай, вторглись в Индию, активно применяется тяжелая техника. Похоже, сказывается то, что в этой реальности СССР неплохо вооружил Китай для борьбы с американцами в Корее — и теперь они буквально сметали все на своем пути, не считаясь с потерями.

Но куда больше Михаила заинтересовала другая новость... Про свирепствующие буквально по всему миру эпидемии. На фоне огромного количества погибших зимой, недостаточного питания, а то и голода, и краха экономики и здравоохранения во многих странах, начался взрывной рост заболеваемости. Чума, холера, оспа, корь, какие-то лихорадки... Особенно тяжелая ситуация складывалась в Южной Америке, бывших США Азии и Африке... И если сначала власти, где они еще были, пытались бороться, то сейчас они практически капитулировали. Банально не хватало лекарств! Оставалось лишь вводить карантин, но в условиях полыхнувших во многих местах войн, включая и гражданские, это становилось малоэффективно. Число погибших уже насчитывало миллионы!

— П*ц, — выслушав новость, выругался кто-то из студентов.

«Он самый», — подумал Михаил. Весь мир словно катился под откос... Увы, но ничего от них сейчас не зависело. И что будет дальше — оставалось лишь догадываться. Да уж... Не думал Михаил, что попадет из ужаса 90-х в другой, еще худший! Дослушать новости — и сразу спать! А утром снова на работу... Их «уборочная» продлилась десять дней — после чего их отпустили по домам. Уже по морозам!

В город они вернулись на местном поезде — и прямо на соседнем пути Михаил увидел и «эвакуационный эшелон» — в город прибыла очередная партия эвакуированных. Длинный грузопассажирский состав с табличками «Эвакуационный эшелон № 779» по бокам. Впереди — тепловоз со снеговым отвалом, затем грузовые вагоны, а под конец — пассажирские. Уже, впрочем, пустые — сейчас шла разгрузка грузовых... Выгружали вещи приехавших в эвакуацию — мешки, рюкзаки, чемоданы, на каждом из которых неизменно висели печать и бирка с фамилиями хозяев.

— Откуда приехали? — поинтересовался у стоявшего на платформе железнодорожника Михаил.

— Из-под Красноярска, — ответил тот. — Сейчас к нам почти все оттуда идет. Людей везут, технику, оборудование...

Больше ничего Михаил спрашивать не стал, отправившись домой... А уже пока они ехали в трамвае начался пока еще мелкий, но быстро перешедший в метель, снежок. Зима начиналась в этом году рано...

И снова учеба, совмещенная с работой. Только теперь это уже были не ремонт, не строительство и даже не коммунальные работы. — для этого хватало уже военных, гражданских строительных организаций и трудармейцев. Теперь Михаилу пришлось, уже привычно, работать водителем, а остальных распределили кого куда, но в основном на заводы города. Вику отправили собирать топливную аппаратуру для дизелей, Машка

оказалась на сборочном конвейере авиазавода, где сейчас делали те же дизеля. Однокурсников Михаила разбросали кого куда по заводам города. Кого-то в ученики токарей или фрезеровщиков, кого-то в слесари-сборщики, кого-то в маляры... А еще у всех, прямо в паспорте, появилась строчка «резервная гражданская специальность», куда у Михаила вписали «водитель грузового автомобиля».

И, тем не менее, в какой-то мере стало легче. Аврал первой зимы сменился планомерной работой, жизнь входила в какое-то размеренное русло. Стало малость побольше и свободного времени... Вот только с едой стало хуже. Выдачу по карточкам, даже рабочим, урезали еще в конце лета, а сама еда стала куда более однообразной. Картошка и еще раз картошка, к которой давалось немного тепличных овощей, хлеба и рыбы. И совсем уж маленькие порции мяса — в основном, в виде тушенки. Примерно как в прошлом году выдавали крупы — их запас изначально рассчитали растянуть на два с половиной года. Правда, выдавали сахар, которого почти не было в прошлую зиму — как теперь понял Михаил, берегли на следующий год продукт длительного хранения. Так что утром теперь чаще всего ели кашу с сахаром, днем на работе — картофельный суп с грибной мукой, а вечером — тоже что-нибудь картофельное с рыбой или тушенкой.

А вот чего в эту зиму стало явно куда больше — так это спецтехники... Вручную как в прошлый год снег теперь почти не убирали. Теперь все делали машины! И с первым же снегопадом они вышли на городские улицы. ЗИСы с навешенными на них отвалами, трактора с шнекороторными снегоочистителями, ленточные погрузчики, нечто подобное зернометам, с помощью которых грузили снег в машины и вывозили его за город, ребристые катки для дробления льда. Появились и «минитрактора» производства запорожского автозавода, их там стали выпускать вместо легковушек «Москвич-444». К некоторому удивлению Михаила, марки автомобилей в этом мире были «унифицированы». Грузовики — значит, ГАЗ или ЗИС. УльЗИС, УралЗИС и так далее... Если легковушки — тот же ГАЗ или «Москвич». Впрочем, «три четверки» таки немного отличался от 965 «Запорожца» — как минимум, внешне. Вот только их уже почти год как не выпускают. Как и вообще почти все легковушки — лишь в конце лета сообщили о том, что МЗМА и ГАЗ начнут выпуск полноприводных модификаций автомобилей «Москвич-412» и «Волга» ГАЗ-24.

Кроме того, в этом году начала появляться и новая женская одежда... Если в прошлом году зимой, как стало холодно, стали ходить преимущественно в рабочих ватных штанах или в мужской одежде, то в этом появилась и «женская». Впрочем, мало отличавшаяся по внешнему виду от той рабочей. В условиях того, что уже официально стали называть «Долгой зимой», на счет моды и стиля никто уже не думал. Было бы что одеть и не замерзнуть нафиг! Как раньше было принято большинством ходить в юбках и платьях стало попросту невозможно. «Если когда-нибудь в этом мире заведутся либерасты, то они будут радостно тыкать пальцем в фотографии этого времени, крича о том, какой безвкусной и некрасивой была женская одежда в СССР», — глядя на то, в чем стали ходить их однокурсницы, подумал вдруг Михаил. Впрочем, он надеялся на то, что этих глубоконеуважаемых господ здесь уже не заведется...

Учеба, кстати, шла как прежде. И хоть уже и не было того аврала, что в прошлом году, но уставали люди не меньше. Теперь — из-за неполноценного питания и нехватки витаминов. Эх, даже вспомнилось, как недавно все буквально набросились на выданные им в столовой автобазы лимоны! Которые раньше большинство и есть не захотело бы, наверное. Кислятина же! Пусть их и с сахаром ели. Вдруг вспомнилось про то, что недавно сообщалось

о планах организовать выращивание цитрусовых в теплицах... Только когда это будет? Сообщалось еще, правда, о росте производства синтетических витаминов, которые уже начали понемногу выдавать людям. По карточкам, разумеется, и лишь то, что оставалось. Все же большую их часть выдавали по предписанию врачей больным.

Впрочем, ряды студентов в этом году несколько поредели. И даже не потому, что не сдали экзаменов — в этом плане отношение было на удивление лояльным. Хоть до декабря можно пересдавать! Но многие, в том числе те, кто в прошлом мире Михаила успешно закончили, попросту бросили учебу, уйдя работать на производство или в армию. Устали люди от такого ритма жизни! И если до того еще оставалась смутная надежда на то, что скоро все кончится, то теперь было понятно, что оно и впрямь всерьез и надолго. Впрочем, Михаил сдал все экзамены без труда, оказавшись единственным «круглым» отличником на курсе. Чуть похуже сдала Вика — четверка по матанализу... Но девушка и этому была довольна!

— Я так счастлива, Миш! — прижавшись к нему, говорила девчонка. — Спасибо тебе! Без тебя я даже не знаю, как сдала бы!

— Сдала бы, Вик, — уверенно ответил Михаил. — Я же тебя знаю... Ты упертая девчонка, если себе поставишь цель, то обязательно ее добьешься!

— Ну может быть, — смутилась девушка.

— И не сомневайся, — улыбнулся парень, — будь уверенней в себе — и все получится...

В прошлой жизни они, студенты, после сдачи экзаменов обычно шли «стукнуть по конусам». В этих «конусах» тогда продавали достаточно неплохое вино, которым можно было отметить успешную сдачу. Но какая тут нынче выпивка? Так что даже будь он не женат — ничего бы из этого не вышло. И опять ночной трамвай везет их на родную Пролетарку... Только в этот раз добраться до места было не суждено. Такое уже бывало и в прошлую зиму, но не особо часто.

— Впереди сход с рельс, — сообщил им водитель, и пассажиры, ругая трамвайщиков, двинулись на выход.

Идти было недалеко... Но когда оставался всего квартал до дома, откуда-то из-за угла вдруг появились несколько неизвестных личностей. Трое... Судя по движениям, в изрядном «подпитии», что было откровенно странно для этих времен, но это делало их лишь еще наглее.

— Пацан, закурить есть? — ухмыльнулся один из них.

— Не курю, — ответил Михаил, уже понимая, что миром разойтись не получится, — и вам не советую.

— Ай, нехорошо так со старшими-то, — ухмыльнулся урод. — Слышь, мужики? Что-то шкет тут больно борзый нашелся... Может, поучим старших уважать?

— Гы-гы-гы, — заржал «остроумной шутке» дружка второй. — А у шкета, гляньте, цыпочка-то какая... Слышь, н*я тебе этот неудачник? Может, нам тут одиночество скрасишь?

«Ахренеть!» — только и смог подумать Михаил. На родной Пролетарке, где его каждая собака знает, какие-то залетные уроды хотят избить, а то и убить, его и изнасиловать его жену! Это выглядело настолько дико... Уж свои-то, местные, тут всегда могли гулять без опаски хоть посреди ночи! Вдруг Михаилу вспомнилось, что творилось в стране в 90-е, когда такие вот уроды получают волю-долю, и его охватила ярость. Нет уж! Не бывать по-вашему!

Несколько выстрелов прозвучали почти одновременно — и, прежде, чем в затуманенный алкоголем мозг урок дошла мысль о том, что назначенные «терпилами» не захотели оказаться таковыми, они начали сползать на землю...

— Я их убила? — испуганно глядя на лежащие тела, а затем переводя взгляд на еще дымящийся «наган», произнесла Вика.

— А, может быть, я?

Второй такой же «наган» был в руке у Михаила... И, глядя на него, он мысленно удивился тому, как легко пустил пулю в людей. И, самое странное, совершенно не испытывал никаких угрызений совести! Было ли то связано с тем, что довелось повидать в 90-е? Или с тем, чему их учили там, в Средней Азии? Да, он помнил новый закон об оружии. о том, что имеющим его коммунистам и комсомольцам не просто разрешается, а предписывается применять оружие для самообороны и защиты социалистической законности — будь то защита других людей от бандитов или социалистической собственности от грабителей. Но чтобы вот так вот... Как же быстро меняет людей обстановка!

Вой сирены они услышали уже скоро — и вот уж в проулок влетела сразу два автомобиля — военный ГАЗ-69 и милицейская «Волга»... После чего половину ночи пришлось провести в отделении милиции, писать объяснительные о произошедшем. Несмотря на то, что Михаил с Викторией выпустили по уродам по целому барабану, меткость их в стрессовых условиях оказалась не такой уж и хорошей... Да, одно дело — что им объясняли в теории и стрельба в тире. Другое — вот так вот, в реальности. Так что уроды были лишь ранены, двое — тяжело. А вот третий годился для допроса, что позволило милиции выяснить их происхождение.

— Ну что, молодцы, — прочитав их объяснительные, произнес милиционер.

— Молодцы? — удивленно глядя на следователя, произнесла Вика.

— Конечно, — пожал плечами тот. — Не растерялись, помогли обезвредить банду...

— Но ведь это ж... люди... — растерянно произнесла девушка.

— Это — люди? — жестко произнес милиционер. — Выбрось, девочка, из головы эту чушь! Выродки это, а не люди! А что вы их не дострелили — так мы это скоро исправим!

— Откуда они взялись-то хоть? — спросил Михаил. — Напасть на «пролетарских» на Пролетарке...

— Эвакуированные, — поморщился милиционер. — Впрочем, не думай, что у нас такой сволочи нет. Просто наши не гадят там, где живут. А эти новые тут, им на все похер...

До дома их довезли военные — и всю дорогу Вика провела в молчанье, задумчиво глядя куда-то на улицу... Впрочем, особо говорить не хотелось и Михаилу. И даже было странно — почему-то лишь сейчас ему вдруг подумалось о том, как необратимо поменялся мир. Что как прежде уже не будет никогда!

Дома их уже заждались — и сразу кинулись с расспросами. Даже Квета их ждала, не ушла домой спать! Странно как все же... Вот, вроде, недавно еще и не знали про существование друг друга, но как-то быстро эта девушка-иностранка стала практически частью их семьи, и уже кажется, что они были знакомы всю жизнь. Вот бывают же такие люди, кто легко входят в кампанию... Родители Михаила к ней так и вовсе стали относиться чуть ли не как к еще одной дочке. Однако отвечать ни на чьи вопросы сейчас не было желания. Вика так и вовсе промолчала весь поздний ужин, а Михаил отделался несколькими словами. И, поняв это, к ним не стали особо приставать. Лишь Квета как-то странно глядела

на них обоих... Впрочем, она тоже не очень-то любила вспоминать про события последнего года. С удовольствием вспоминала, как жила до Катастрофы, как стали в США называть случившееся извержение, но относительно того, что было позже, отделялась несколькими фразами.

— Я саму себя бояться стала, — когда они уже собирались лечь спать, тихо произнесла Вика.

— Почему? — не понял Михаил.

— Понимаешь, — все также шепотом произнесла девушка, — нам столько говорили про то, что людей надо перевоспитывать... Что даже многие преступники могут исправиться. А сейчас... Я вдруг понимаю, что нисколько не жалею о сделанном! И если б даже убила их...

— И не надо, — вновь вспомнив девятностые, произнес Михаил. — Мы поступили правильно.

— Но ведь они...

— Считай, что ты пристрелила бешеного пса, готового броситься на людей, — ответил Михаил. — Сделала страну чище...

Ответом ему был лишь удивленный взгляд зеленых глаз... Словно вместо него Вика вдруг увидела рядом какого-нибудь инопланетянина и теперь не знала, как же ей к этому относиться.

— Понимаешь, — продолжил Михаил. — Есть наш мир — и есть их. И если мы не сможем защитить наш, то они построят свой. И нам места в нем не будет, разве что в качестве бесправного быдла. Они уничтожат нашу страну ради того, чтобы жить по своим понятиям... Пусть в результате этого погибнут миллионы, пусть рухнет экономика, придут в упадок наука и образование, пусть от всей нашей цивилизации останутся одни руины, но они предпочтут быть королями свалки, хозяевами жизни, перед которыми будут пресмыкаться окружающие...

— Можно к вам? — от разговора их отвлек негромкий стук.

— Заходи, Квет, — ответила Вика.

— Об этих все думаешь? — усевшись рядом и поглядев на девушку, произнесла словачка.

— Да, — согласилась Вика.

— А хочешь, я тебе сказку расскажу? — усмехнулась Квета.

— Какую? — не поняла Вика.

— Страшную, — ответила словачка. — Называется «Смерть сверхдержавы»...

Озвученная Кветой «сказка» оказалась всего-навсего историей ее жизни после катастрофы... И оказалась она и впрямь достаточно страшной. Сначала, когда вдруг случилось землетрясение, никто ничего не понял. Началась паника, люди не знали, что им делать и куда бежать. Немало народу оказалось и под завалами, которые, ввиду нехватки сил экстренных служб, начали разбирать национальная гвардия и военные. Пока полиция пыталась прекратить панику и навести порядок — впрочем, первая вспышка грабежей и насилия случилась именно тогда, в суматохе. Но даже это было лишь «присказкой»...

«Сказка» началась уже позже... И Квета без всяких прикрас рассказала про то, что ей запомнилось из тех времен. Про то, как она не находила себе места, не имея возможности разузнать, что с ее родителями и родными. Живы ли они или уже нет... Как изо всех щелей полезла мафия, пытаясь установить свои порядки. Про введение военного положения и карточек, про то, как в ноябре случился наплыв орды беженцев. Вели которых зачастую как

раз «вот такие вот уроды».

— Пока одни думали, как им выжить, другие решили выживать за счет других, — горько усмехнулась девушка.

Рассказала про те несколько дней, когда в городе царила анархия и повальные грабежи и насилие, про то, как она сама скрывалась посреди руин, в которые попросту никто не сунулся. И, возможно, лишь потому и выжила. Про то, как потом боялась высунуться на улицу, опасаясь наткнуться на каких-нибудь уродов — поскольку дальше центра городов власти фактически не стало, и все решало лишь право силы. У кого есть оружие — тот и прав! Если только у другого нет более мощного оружия или стоящей за ним банды. И все же однажды и она наткнулась на уродов-негров... К счастью, повезло — нашелся тот, кто не побоялся защитить ее от них.

А потом последовал рассказ и про то, как все начало окончательно рушиться... Как военные, собрав запасы продовольствия, оружие, некоторое промышленное оборудование и ценных специалистов, начали эвакуацию. Куда? Этого никто не знал толком. То ли на юг, где всюду шла резня негров, «латиносов» и всяких эмигрантов из тех, кто не пожелал бросить все и бежать куда глаза глядят. То ли в Австралию или куда-нибудь еще... Но после их ухода в городе воцарился окончательный хаос. Всем стала заправлять та самая мафия, которая теперь контролировала целые районы и боролась с конкурентами... К счастью, она знала про это уже понаслышке — поскольку к тому времени была в другом месте, готовилась эвакуироваться в СССР.

— Вот это, Вик — то, что будет в случае победы таких тварей, — грустно улыбнулась под конец Квета. — И если вы все не остановите их, то эти твари победят. Просто потому, что они плевать хотели на все принципы и будут выживать любой ценой... А остановить их можно только пулей в лоб. Так что...

А Михаил слушал рассказ Кветы — и становилось как-то жутко... Да, он слышал новости, где говорилось о крахе США, о гражданской войне, миллионах погибших, резне негров в не зараженных радиацией южных штатах. Но все это воспринималось как-то отстраненно, как что-то далекое. И совсем иное дело — слышать пусть и о всего лишь части тех событий от их очевидца. Даже вдруг стало так жалко эту вот девушку, что в свои двадцать один навиделась такого, что многим и за всю жизнь не снилось. И оттого лишь еще больше крепла решимость сделать так, чтобы его Вике, да и всем советским людям, никогда не пришлось бы повидать ничего такого!

Глава 8

Министр внутренних дел СССР товарищ Круглов просматривал отчеты о борьбе с преступностью в стране — и ситуация как-то не очень-то его радовала. Несмотря на то, что милиция и военные практически постоянно устраивают облавы, проблемы по-прежнему остаются существенные. А с началом новой зимы число преступлений вновь начало расти. Особенно «отличились» тут Западная Украина и Средняя Азия, а еще одной головной болью стал недавно присоединенный Иран. И хоть причины такого решения и были понятны, но... Уж слишком много там было антисоветски настроенных элементов! Подогревали эти настроения и агенты влияния Англии, Франции и других стран Запада, призывавшие бороться с «советской оккупацией». Сволочи! Сами в жопе сидят — и Советский Союз пытаются туда же запихнуть!

Но самое главное — сейчас товарищ Круглов прекрасно понимал, что если не получится задавить преступность без крупных военных операций, то крайним в этом деле однозначно назначат ему! Сразу вспомнят и про то, что когда-то он работал с товарищем Берией, которому вроде как и памятники по стране ставят, и называют «верным продолжателем дела Ленина-Сталина», но... Сергей Никифорович-то знал, как на самом деле кончил Берия! Нет ему официально этого никто не припомнит. Просто поставят к стенке примерно с той же формулировкой, как в свое время Павлова — ну с корректировкой на обстановку. Что-нибудь вроде «за трусость, преступную халатность при выполнении служебных обязанностей и развал работы органов внутренних дел в условиях Особого положения».

Именно это опасение и стало главной причиной того, что он поддержал предложение товарища Василевского на счет вооружения населения. Комсомольцам и коммунистам выдавали пистолеты и револьверы — от «наганов» и ТТ до древних Смит-Вессонов браунингов и даже немецких трофеев. В поселках эвакуированных Средней Азии и некоторых беспокойных мест создавались вооруженные снятыми с хранения «мосинками» и СВТ отряды самообороны, официально приписанные к местным отделениям милиции. И определенный эффект оно уже показало! Хоть и не вполне однозначный.

С одной стороны, было обезврежено или уничтожено множество бандитов, которые в иных условиях могли бы еще долго не попасться милиции. Было легализовано огромное количество до того припрятанного людьми оружия — револьверы с пистолетами попросту записывались на принесшего их, винтовки с обрезами меняли на ставший легальным короткоствол, что привело к значительному уменьшению количества имеющегося на руках неучтенного оружия. С другой же... Были и свои издержки в виде получивших на руки оружие придурков. Вот недавно как раз скандал был... Два идиота, оба дети высокопоставленных родителей, комсомольцы, устроили дуэль из-за девки-однокурсницы — кому она должна достаться! Один из них получил ранение в плечо. Когда же придурков забрала милиция — туда прибежали их родители с требованием немедленно отпустить их любимых деточек! Грозили аж «до самого Пономаренко» дойти! И, не решившись с ними связываться, милиция отпустила обоих и дело замяли. Правда, не учли того, что кто-то донес в госбезопасность о случившемся. Как итог, обоих придурков отправили в лагеря, родителей «сам Пономаренко» уволил с должности, ну а занимавшихся этим делом милиционеров отправили бороться с бандеровщиной на Западной Украине. И подобные случаи не впервые! Были, например, и стычки «местных» с эвакуированными... Комсомольцы, мать их! Каких

только дебилов порой не принимают в ВЛКСМ! А ведь должны принимать только лучших, кто будет образцом для подражания другим... Увы, часто реальность сильно различается с тем, что как бы должно быть. К счастью, это все же не такое уж частое явление. Так что пока от вооружения населения пользы больше, чем вреда. Что там еще?

Перелистнув лист, товарищ Круглов продолжил изучать отчеты. Вот, например, из центральной части РСФСР... Выявлено, произведено облав, найдено, конфисковано... И так далее. И какие же порой запасливые бандиты бывают! Тут людям жрать нечего, полуголодными ходят, а у них там целые ящики продуктов! Пьянки регулярно — а тут в стране производство спирта почти до нуля упало! Думали, сволочи, что кончится сейчас Советская власть и их время настанет?

— Не дождетесь! — откладывая в сторону очередной лист, вслух произнес министр.

Правильно они делают, что такую сволочь сразу к стенке ставят! Убил кого-то, изнасиловал, ограбил, спекулировал, пособничал преступникам? К стенке, мразь! У Особого трибунала разговор короткий! Вон тоже отчет... Целый бордель устроили подпольный. В том числе, с малолетками! Ну и что, церемониться с такими? Там от увиденного у какого-то солдата аж крышу сорвало — завалил уродов прямо на месте, чуть своих при этом не зацепив. Пришлось в психушку парня отправить на лечение... Кстати, проституток тоже теперь всюю привлекают. Даже если не было судимости, активно не пособничала бандитам — отправка в Трудовую армию. Если же перед этим еще и отсидеть успела — в лагеря, если помогала бандитам — стенка. Но это, конечно, относится к тем, кто по доброй воле этим занимался, без принуждения...

И все же преступность надо задавить как можно быстрее! Если не хочется оказаться крайним в том, что в стране воцарилась анархия и бандитский беспредел. А, значит, усилить борьбу с бандитизмом, давить самыми жесткими мерами. Попросить что ли у товарища Василевского выделить милиции тяжелые технику и вооружение? На базах хранения, в кадрированных частях этого добра предостаточно! И вовсе не требуется все самое современное. Ну а если и откажут — хоть будет на что сослаться. Дескать, сделал все, что мог!

В остальном... Ну с бандитизмом борьба идет достаточно успешно — правда, как всегда в тяжелые времена, сволочи вылезло немеряно! Тут пока экстренных мер не требуется. А вот с новыми басмачами, с националистическими бандами надо покончить в кратчайшие сроки. За это с него, если что, в первую очередь спросят! Какие-то бандиты в Средней Азии угрожают продовольственной безопасности страны! И это в условиях, когда на счету каждые тонна зерна или картошки.

Как ни странно, но подобные мысли в это время царили в голове у многих чиновников центрального аппарата Совета Министров СССР. Пусть нынче и не сталинское время и не справившиеся с порученными им задания чиновники куда чаще отправлялись не в лагеря, а вылетали с должности с «волчьим билетом» и в дальнейшем были вынуждены идти куда-нибудь на завод простыми рабочими или, в лучшем случае, инженерами, но... То в обычное время, а сейчас Особое положение! И никто не мог гарантировать того, что в случае чего эти ограничатся.

Впрочем, сейчас товарищ Пономаренко никого показательно увольнять или отправлять в лагеря или к стенке не собирался. Все же в целом, учитывая неординарность ситуации, сработали неплохо. Не идеально, но достаточно эффективно. Так что пусть работают и дальше — коней на переправе не меняют! Во всяком случае, без особой нужды. Впрочем...

Имея информацию о происходящем в стране сразу от нескольких источников, ПредСовМина СССР и генеральный секретарь ЦК КПСС прекрасно знал про ошибки своих подчиненных. Кто где недоработал, недоделал, недосмотрел... так что на планирующемся вскоре заседании Совета Министров он непременно укажет им на эти ошибки. Все же в его работе всегда надо иметь компромат на подчиненных... Так и меньше вероятность того, что в один прекрасный день они решат избавиться от тебя, чего товарищу Пономаренко ну совершенно не хотелось! И чтобы те же министры не думали, что получится скрыть или свалить на других свои промахи, а работали лучше, старались не допускать их в дальнейшем... Так что сейчас министрам ничего особо не грозило. Но ведь они этого не знали?

Товарищ Бещев, например, подводил итоги железнодорожного строительства и подготовки железных дорог к эксплуатации в условиях новой зимы. И тут ему было чем похвалиться! Уж в эту зиму вряд ли будут такие перебои в движении, какие порой случались в прошлую! Проведен ремонт ряда объектов железнодорожного хозяйства. Восстановлены капитальные мосты, вместо которых в прошлую зиму использовали деревянные временки или понтоны. Укреплены насыпи. Уложены водопропускные трубы. В Сибири и на Урале начали менять рельсы на специальные, более морозостойкие. Проведен капитальный ремонт путевого хозяйства в ряде мест. Уложено несколько сотен километров железных дорог в Средней Азии — пусть это пока и временки четвертой категории, но позднее их переложат как магистрали. Уложены соединительные ветки с иранской железной дорогой. Построено два десятка новых депо, крытые стоянки для локомотивов, создан запас материалов для аварийного ремонта, сформированы восстановительные бригады... с заводов вовсю идет новенькая снегоочистительная техника — как «традиционная», так и специальная для «Долгой зимы».

Но... Есть и у него свои неприятности! По-прежнему не хватает тягового подвижного состава... Есть, правда, паровозы, но они плохо годятся для эксплуатации в таких условиях. Как в сорока, а то и пятидесятиградусный, мороз работать в открытой кабине? А сделаешь закрытым — люди задохнутся угарным газом. Значит, нужны тепловозы! Много тепловозов! И эту проблему решали сразу несколькими способами — но до конца решить пока не получалось. Да, летом применение паровозов позволило провести в условиях депо и заводов, включая непрофильные, текущий и капитальный ремонт локомотивов, подготовить их к новой зиме. Ставили специальные предпусковые подогреватели двигателей, узлов трансмиссии и даже топливных баков. Улучшали теплоизоляцию. Переделывали локомотивы в капотной компоновке в вагонную. Подготовили резерв запчастей, которых так не хватало год назад. Да, Новочеркасский завод вовсю ведет переоборудование электровозов в тепловозы путем постройки дополнительных дизельгенераторных секций — и такие локомотивы уже прошли испытания и вышли на линии. Да, научились соединять по системе многих единиц маневровые тепловозы и сейчас вовсю устанавливают на них нужное для этого оборудование. Больше того! В связи с временным (а то и не временным) закрытием многих узкоколейных дорог начали менять оси их тепловозам и отправлять на малодеятельные участки железных дорог. Но локомотивов все равно не хватало! Уж слишком много электровозов было отстранено от эксплуатации — и переоборудовать их все до начала зимы было невозможно. А если зима будет не легче предыдущей, то опять будет стремительно растрачиваться ресурс техники! Особенно той, что не успела пройти модернизацию.

Не меньше проблем было и у многих других министров... Вот взять хоть черную

металлургию. Выплавка чугуна и стали за год упала вдвое! Прошлой зимой, несмотря на нежелательность таких мер, даже пришлось останавливать несколько металлургических комбинатов, для которых попросту не хватало сырья! В мартены, конвертеры и электропечи тогда пошло то, что до того считалось ценным имуществом! Бронеплиты и башни с переоборудованных танков, порезанные на металлолом устаревшая техника и вооружение, которые до того порой не по одному десятилетию пылилась на базах хранения, различные заборы с школ, детских садов, больниц и парков, постаменты с памятников и многое другое...

Летом их запустили вновь, занялись переоборудованием карьеров в шахты, но добыча все равно упала. Как и выплавка металла... Даже на следующий год рассчитывают вытянуть лишь на две третьих от того, что было до Долгой зимы. Как ни странно, но это кем-то однажды произнесенное название уже успело стать практически официальным, проникнув не только в речи товарища Пономаренко, но и в документы. Но сейчас вопрос-то не в этом, а в том, что металла-то стране надо много! Очень много! И то, что нынче фактически остановлено производство военной техники и вооружения, мало что меняет. Вместо этого появились другие потребности!

И так было во всем... Проблемы были почти всюду — хотя их и старались в меру сил и возможностей решать. И в целом решали многие из них достаточно эффективно. Хотя, глядя на показатели прошлых лет, радости как-то не прибавлялось. СССР и раньше-то не был богатой страной, сейчас же он стремительно становился страной нищей... И оставалось лишь жить одной надеждой на то, что им все же удастся пережить катаклизм и в дальнейшем восстановить народное хозяйство. Пережили же войну?

Несмотря на то, что снега в этот раз было гораздо меньше, новая зима оказалась еще труднее предыдущей. И, прежде всего, в плане еды. Постоянное чувство голода, желание есть — вот то, чем запомнилась большинству советских людей вторая зима. И хоть нормативы выдачи остались теми же самыми, что и осенью, но зимой и энергии больше требуется! Да, от голода не пухли, даже дистрофиков в массовых количествах не появилось. Но и наесться досыта нынче было практически невозможно. Впрочем, когда стукнули морозы за тридцать — нормы выдачи все же несколько увеличили. Но ведь и тратится энергии в такое время куда больше!

Приходя домой, люди хотели лишь одного — поесть и завалиться спать! И больше ничего. И Михаил был тут отнюдь не исключением... Подобный ритм жизни вкупе с неправильным питанием не мог не отразиться и на здоровье людей. В первую очередь, у многих начали обостряться хронические заболевания — которых, к счастью, парень нажить пока не успел. А еще несколько позже начался и резкий рост заболеваемости болезнями желудочно-кишечного тракта. Так и Михаилу в конце декабря поставили гастрит... В прошлой жизни он заполучил его в девяностые, а теперь вот в конце шестидесятых! Что же будет тогда через два с половиной десятилетия? Начали болеть и многие его знакомые. Вика пока, к счастью, держалась. Оставалось надеяться, что ей повезет больше чем ему...

И все же, несмотря ни на что, надо было идти и работать! А потом еще и учиться... Хотя тут Михаил все же договорился, что типа как будет учиться дома, по лекциям Вики. Хотя по факту они ему и не нужны были особо... И по вечерам, несмотря ни на что, он ездил за женой в университет. На всякий случай, в целях безопасности. Поначалу Вику это

несколько раздражало, но тогда Михаил напомнил ей про случай со шпаной — дескать, вдвоем шансов отбиться куда больше чем одному. Ведь и у бандитов тоже могут быть пистолеты! Тем более, что даже в городе их случай был уже далеко не единственным. И даже не первым, откровенно говоря. Недавно вон даже сообщили, что начнут раздавать беспартийным ракетницы, чтобы те могли при нападении бандитов подать сигнал милицейским или военным патрулям. Ну или любому, кто имеет оружие... Не раз случались и перестрелки военных с бандитами, проводились облавы... И к декабрю как-то постепенно все утихло. Хотя во многих частях страны, как сообщали по новостям, все еще было неспокойно. На западе Украины выжигали напалмом целые леса, где могли прятаться бандеровцы, на юге громили артиллерией и танками базы басмачей. Но самая жуть творилась в остальном мире...

В октябре в результате мятежа в Ираке, оставшемся до того фактически последним еще существующим арабским государством, было убито в полном составе все еще действовавшее советское посольство. Центральное правительство оказалось неспособно контролировать ситуацию в стране и было буквально сметено бунтовщиками. Ответом на это стал рейд советской стратегической авиации и удар химическими бомбами по занятому мятежниками району Багдада и несколькими их базам в районе столицы.

Примерно в это же время американцы с уплывшей в Австралию атомной подводной лодки ударили по ЮАР, куда эвакуировались англичане, а также разнесли все в хлам в Сингапуре. Как сами они заявили, превентивно, в виду планировавшегося нового атомного удара по Австралии. «Атомная дубинка» в виде тактических зарядов была применена и в ходе гражданской войны в США. Как сообщалось, о том, что когда-то в южных штатах жили негры с «латиносами», теперь не осталось и воспоминаний.

Китайско-индийская война как-то сама собой затихла, хотя при этом не было заключено никаких мирных договоров. Просто центральные правительства обеих стран прекратили свое существование в результате одновременно идущих гражданских войн. Из Кореи часть населения эвакуировалась на советский Дальний Восток, где их не затронуло китайское нашествие. Можно сказать, корейцам не повезло втройне... Сначала страна еще толком не поднялась из руин после закончившейся лишь в конце пятидесятых войны. Потом по ней в полной мере ударили землетрясения, извержения вулканов и цунами. И, наконец, на эти руины пришли китайцы... Которые в этом мире были куда сильнее и организованнее, чем в знакомом Михаилу.

Французы с итальянцами и испанцами, фактически истребив местное население, захватили большую часть северной Африки — в то время, как в их европейские владения пришли голод, холод и разруха. Но на них уже, по большому счету, всем наплевать! Тех, кого посчитали ценными специалистами, уже эвакуировали. Ну а остальные — выживайте как хотите! Вы ж свободны делать что угодно... И там уже идет война всех против всех за ящик картошки или мешок зерна. Разве что на юге Италии более-менее порядок сохраняется. Ну да там и климат, даже в сложившихся условиях, оставался вполне ничего. Не то, что на севере, в горах. Где, к тому же, еще с 1966 года были большие разрушения от землетрясений и активизировавшихся вулканов. Именно это, кстати, похоронило и Швейцарию — от маленькой горной страны буквально камня на камне не осталось. И никакие бункеры и укрепрайоны не спасли людей, поскольку и сами были разрушены.

В Африке на фоне гибели урожая от ливней, похолодания, гражданских и межгосударственных войн воцарилась практически полная анархия. Имевшиеся до того

государственные границы фактически прекратили свое существование, прекратили действие государственные законы. И различные племена возвращались к дикому образу жизни. Во многих местах уже процветало людоедство — и самым деликатесом становилась «белая» человечинка.

Проблемы были и в социалистических странах... Голодали поляки, которые явно пронадеялись на «старшего брата» и протянули с приготовлениями к новой зиме. Болгария с Румынией фактически объединились в одну страну, эвакуировав на юг практически все свое население. Эти тоже оказались не шибко-то готовы... На Балканах с виду было все тихо, хотя вряд ли надолго — явно потихоньку начиналась какая-то заваруха. Из каких-то нор вылезли бандиты всех мастей — от хорватских националистов и фашистов разной масти до «недобитых титовцев», как называли их в новостях.

На фоне всего этого события в СССР шли как-то тихо и неприметно... Ну снегопады, ну морозы, ну нехватка того и сего. Ну порой различные происшествия вроде вооруженных столкновений где-то на окраинах, коммунальных аварий, перебоев в движении по железным дорогам и подобные события. Ну порой показывали кадры с облав на различных бандитов и давали список найденного у них имущества. И последнее, надо сказать, вызвало среди народа настоящее озверение по отношению к уголовникам. Они, дескать, жрут там в три горла, а мы голодаем! Так что теперь трудно им стало... Тут и доносить стали массово, и при встрече с бандитами зачастую стреляли без малейшего сомнения. Под раздачу, правда, порой попадали и те, кто уже отсидел, но в настоящее время был на свободе и больше преступлений совершал... Озверел, конечно, и криминал — но против него была вся мощь государства, а уж пристрелить бандита теперь мог любой, у кого есть оружие.

— Здоров, Михан! — выйдя из трамвая, вдруг наткнулся на бывшего одноклассника Михаил. — Как жизнь-то?

Петька, как и все нынче люди, был укутан до самых глаз. Ватные штаны, ватная куртка, шапка-ушанка, закрытый шарфом низ лица. Ну да что поделаешь... Такова уж «мода» Долгой зимы! Точнее, ее нынче не стало вовсе. Даже женщины ходят так, что зачастую и от мужиков отличить сложно. Ушли в прошлое платья и юбки, ушло само понятие о моде. Было бы тепло — и на том хорошо!

— Здорова! — поприветствовал товарища Михаил. — Да ничего так... Ты-то как?

— Да... — махнул рукой Петька. — Сойдет, можно сказать. Недавно приболел малость, но сейчас ничего вот...

— А что не в политехе тогда? — удивился Михаил.

— Бросил я ее, — как-то на удивление безразлично произнес парень. — Устал я, Михан... потом лучше доучусь. А ты-то что тут?

— Договорился в деканате пару недель дома посидеть, — ответил Михаил. — По лекциям Вики пока учусь...

— Где работаете-то хоть? — Поинтересовался Петька.

— Я на автобазе водителем. А Вика на авиационном, сборщиком топливной аппаратуры. А вы?

— Я на шарике токарем. А Катя маляром в депо...

Ну да, подшипниковый завод сейчас работает в три смены... Более того, туда привезли и смонтировали часть оборудования с практически разрушенного землетрясением ГПЗ-25, который был в Грузии. Частично для этого «потеснили» имевшееся оборудование, что-то установили в цехах других заводов и даже в ангарах аэродрома, откуда «выкинули» на улицу

самолеты. Другие части ГПЗ-25 распределили между другими подшипниковыми заводами страны. Аналогично поступили и с ГПЗ-7, восстанавливать который попросту было некогда. В Закавказье основные силы были брошены на то, чтобы восстановить нефтедобычу и нефтепереработку, а остальные заводы без малейших сомнений отправляли в эвакуацию в более спокойные в сейсмическом плане районы. Пусть даже таких сильных землетрясений как первое и не было, но баллов на пять на том же Кавказе порой потряхивало, что мешало вести восстановительные работы.

— Когда же все это кончится... — Когда-нибудь, — усмехнулся Михаил. — Товарищ Пономаренко говорил, что следующий год уже легче будет...

— Надеюсь, — буркнул Петька. — А помнишь, как все начиналось? Говорили тогда, что Америке кранты теперь — ущерб-то такой, что мало не покажется! А оно вона как вышло... Всему миру аукнулось!

— Ага, — согласился Михаил. — Помню, как мы еще говорили о том, что товарищ Пономаренко с американцев за помощь стрясет...

— Было такое, — усмехнулся Петька. — Тут теперь нам бы кто помог...

— Ага, дождешься... Держи карман шире! Вот ограбить нас — это многие не прочь были бы. Только уж больно зубасты!

Внезапно вспомнились очередные новости из США — пусть там уже и не было ни посольства, ни советских журналистов с корреспондентами, но какие-никакие связи остались. И там говорилось про американских ракетчиков с флотскими, кто сейчас установил контроль над частью страны и отсиживался там. Питались частично запасами, частично выловленной в море рыбой, но вот с дальнейшими их планами было непонятно. Себя они называли законным правительством США, объявляя мятежниками всех остальных — кто ушел на юг и устроил там большую бойню. И самое главное было в том, что именно они контролировали почти все запасы ядерного оружия. В Австралию ушла единственная подводная лодка-ракетоносенц — и та, предположительно, с их разрешения. Кроме того, у «дезертиров» были и кое-какие запасы тактического вооружения — но для СССР оно не представляло такой опасности как межконтинентальные ракеты. А ведь, угрожая им, «ракетчики» из бывшего стратегического авиационного командования ВВС США уже заставили очередную аргентинскую и бразильскую хунты «делиться» продовольственными запасами. Конечно, после этого те хунты продержались недолго, в странах начался голод, но и спорить они не посмели. Никому не хочется получить на голову атомную бомбу! И неизвестно еще, до чего дойдет этот атомный шантаж.

Поговорив еще немного, они разошлись по домам. Сегодня выпал снег, а потому опять за работу — чистить крышу. Достав алюминиевые снеговые лопаты, Михаил с матерью полезли на крышу дома, скидывать снег. А то случись какая оттепель — может и крышу проломить! В конце зимы прошлого года таких случаев было немало в городе... Особенно на частных домах, их-то централизованно коммунальные службы не чистили, а люди нередко могли махнуть рукой, отложить «на потом». Впрочем, в первую зиму и в целом раздолбайства хватало... И последствия его нередко бывали печальными. На улице уже стемнело, но ярко светила Луна — так что настоящей тьмы уже не было. Чай не прошлый год! Концентрация пепла в атмосфере нынче заметно снизилась. Да и во двор лампы вытащили — так что работать было вполне можно... Закончив с крышей, Михаил еще малость прибрался во дворе, хотя тут уж особо не старался. Да и ехать скоро...

Так что, закинув в дом лопату, он вскоре вновь топал на трамвай. Проезд нынче был

бесплатным, да и в целом деньги практически исчезли из обращения — разве что друг у друга чего купить. Зарплаты хоть и начисляли, но уже с вычетом того, что выдадут по карточкам, коммунальных услуг проезда и много чего еще. Остались лишь талоны, которые «обналичивали» по месту работы или учебы. Чтобы люди не мерзли в очередях в магазины... «Твою ж дивизию! Прямо вечер встреч какой-то!» — через пару остановок подумал Михаил, увидев, кто садится в трамвай недалеко от их школы.

— Здравствуйте, Наталья Николаевна! — поздоровался с их «физичкой» парень.

— Солнцев? — обернулась к нему училка. — Здравствуй... Как живешь-то?

«Как же она изменилась!» — подумал вдруг Михаил. Побледнела, осунулась, какое-то уставшее и безразличное ко всему выражение лица... А ведь ей двадцать восемь лет всего, вроде! Ну чуть больше. Он еще помнил ее такой молодой и красивой девушкой... Как же их всех изменила Долгая зима!

— Сойдет, — как и сегодня Петька, ответил Михаил. — На автобазе вон работаю водителем, учусь на физфаке.

— Молодец, — улыбнулась физичка. — А Вика твоя как?

— Тоже учится и работает на авиазаводе...

— Молодцы, что не бросили, — явно улучшилось настроение у Натальи Николаевны. — Понимаю, что трудно сейчас... Но физики стране всегда нужны будут! Закончится Долгая зима — столько всего надо будет делать... А у нас по стране больше половины студентов учебу бросили. Хотя я их понимаю.

— У вас-то в школе как? — поинтересовался Михаил.

— Ну как у нас? — тяжело вздохнула физичка. — Как и по всей стране... Днем теперь только до седьмого класса учатся. Кто старше — днем в теплицах работают, а вечером в школу. Сидят полусонные за партами... И что тут сделаешь? Я уж стараюсь буквально на пальцах все объяснить... Но все равно успеваемость... не радует.

— А Василий Афанасич как? — поинтересовался на счет директора Михаил.

— Неважно... Более много последний год, — ответила Наталья Николаевна. — Недавно вот у него прямо на уроке с сердцем плохо стало, скорую вызывали... Врачи ему говорили чтобы больничный взял полечиться, а он через день уж на работу вышел.

— Зря он так, — задумчиво произнес Михаил. — Здоровье-то беречь надо... Особенно в такое время.

— А то попробуй ему объяснить это, — пожала плечами физичка. — Он же никого и слушать не будет...

«Вот так и в прошлом мире было!» — вдруг подумал Михаил. Директора-то их он знал достаточно неплохо — пусть и только по школе. Упрямый мужик! Такого на больничный фиг загонишь — хотя в его поколении, среди фронтовиков, таких полно было. В прошлом мире Василий Афанасич помер через меньше чем полгода. Что будет в этом? Оставалось надеяться, что он все же тут поздоровее и проживет подольше...

Перекинувшись еще несколькими словами, Михаил с удивлением узнал, что недавно отправили в лагерь Ваську Петренко. Видать, не суждено уж ему в этом мире «акулой капитала» заделаться, активно разворачивая народное добро в начале девяностых! За что тут его посадили? А за то, что вместе с несколькими дружками занимался хищением и спекуляцией товарами народного потребления. И это ему еще повезло, что не связался с продовольствием — иначе бы уже к стенке поставили! Хотя кое-кто из его дружков и в этом участвовал, хотя это они скрывали даже от остальных членов их банды.

— Ну до свидания! И если вам с Викой что-нибудь по учебе надо будет — можете ко мне обратиться, — когда они в центре города вышли из трамвая, улыбнулась на прощание Наталья Николаевна. — Я же тоже физик...

— Спасибо! — поблагодарил физичку Михаил. — Если надо будет — обратимся. И до свидания!

После этого физичка пошла куда-то по своим делам, а Михаил отправился к университету... Да уж... Откровенно говоря, не ожидал он тут «Наташу», как за глаза звали ее в их классе, встретить. Хотя и был скорее рад этой встрече — хоть узнал, что у нее самой все более-менее ничего, и про дела в их школе. Хотя при этом было ее как-то жалко... Человеком-то она была неплохим — добрая, честная, ни разу не стерва какая. Вот только какая-то уж больно невезучая по жизни, во всяком случае в прошлой реальности. Тут и то, что родители погибли в войну и она жила с дедом и бабкой которые умерли когда она еще студенткой была. Тут и с работой проблема, что в прошлой школе из-за конфликта с новой директоршей она практически вылетела из школы и вынуждена была в деревню перебраться, поскольку в городе больше никуда не хотели брать. Тут и в личной жизни... Первый муж, с которым она развелась через год после окончания института, ушел к «более перспективной», доченьке кого-то райкомовского. Второй, уже в деревне, будет алкоголиком — и она бросит его сама, после чего больше никогда не будет завязывать никаких отношений с мужчинами... При этом стервы вроде Ленки вон зачастую умудряются очень неплохо устроиться в жизни и на мужиках чуть ли не верхом ездят! Одного знакомого Михаила, помнится, «любимая женушка» аж до инфаркта довела — и только после этого он с ней все же развелся. Хотя до того больше десяти лет ведь из него кровь пила!

Ну да ладно... В конце концов, какими бы хорошими или плохими не были окружающие люди, только как Михаил сможет на их судьбы повлиять? Хотя на плохих, пожалуй, все же можно. А вот как-то помочь хорошим — оно куда труднее... Ведь они-то зачастую никакой такой помощи от тебя не просят да и не хотят!

Вика ждала Михаила около построенной на месте планировавшегося восьмого корпуса университета пятиэтажки-«эвакуационки». Воспользовавшись сделанным в 1966 году фундаментом, тут быстро смонтировали типовую «панельку», куда и заселили людей. А вот на месте, где в другой реальности был построен девятый корпус, и в середине университетского городка сейчас возвышались серые стены теплиц и их стеклянные крыши.

— Ну как учеба? — пока они шли до трамвая, спросил Михаил.

— Сегодня еще двое заявления на отчисление подали, — ответила Вика. — Все меньше нас становится...

— Ну ты-то бросить не собираешься?

— Нет! — упрямо мотнула головой девушка. — Ты же знаешь — я упрямая...

— Знаю, — улыбнулся Михаил.

Дальше говорить на морозе они не стали... Декабрь и в этом году был холодным месяцем! Хотя в этот раз температура и ни разу не опускалась ниже сорока градусов мороза, но и тридцать — тоже заметно! Сегодня, правда, было всего двадцать два. Со знаком минуса, конечно. Уже привычно, можно сказать. За то с самого утра и почти до обеда валил снег, который до сих пор продолжали убирать коммунальные службы.

— Новый год скоро, — уже в трамвае вдруг вспомнила Вика.

— Ты отмечать что ли собралась? — удивился Михаил.

— Нет, конечно, — улыбнулась девушка. — Нам и выходного-то все равно не даст

никто. Просто вспомнила вдруг...

Ну да... Это раньше были какие-то праздники — теперь все они уже не имели никакого значения. Все стало иначе. Прошлая жизнь разлетелась на кусочки вместе со взрывом проклятого Лонг-Вэлли. И кто знает, какое их ждет будущее? Впрочем... В отличие от прошлого года, когда его мучали постоянные сомнения, теперь Михаил уже был твердо уверен — Советский Союз выстоит, победит в этой схватке с силами природы!

Интерлюдия

Стратегическое командование ВВС США на данный момент оставалось как бы не последней действующей частью государственной машины ушедшей в прошлое государственной машины былой сверхдержавы. Пусть от межконтинентальных ракет США осталась всего треть, пусть уничтожены почти все авиабазы, а силы стратегической авиации значительно поредели, но все они еще оставались боеспособных. Особенно с учетом того, что почти все подводные лодки остались целы и могут в любой момент отстреляться по врагу. Ну как в любой момент? На всякий случай, для недопущения несанкционированного пуска, командование сняло с них большую часть экипажа. Так что какой-нибудь сошедший с ума командир подводной лодки ядерную войну нынче не развяжет... Не хватало еще, чтобы понесший минимальные потери в стратегических носителях СССР разрядил свои арсеналы по их базам и тем местам, куда они потенциально могут эвакуироваться!

Но вот ядерный шантаж... Почему бы и нет? Конечно, поступать так в отношении СССР генералы остерегались, но в целом... Из-за чего англичане нанесли ядерный удар по Австралии? Вопреки общему мнению, не из-за категорического отказа поставлять продовольствие. На это австралийцы были согласны! Пусть и не в тех количествах, что запрашивали лорды. Вот только они потребовали оплатить эти поставки передачей австралийским бизнесменам принадлежащих англичанам земель, промышленных предприятий, технологиями и промышленным оборудованием... По сути, Австралия решила кинуть метрополию и стать не просто самостоятельной, но и фактически сравняться по мощи с Англией. И именно этого лорды им и не простили...

Но генералам из Стратегического командования ВВС США было плевать на то, что такие взгляды возникли во многом под влиянием эвакуировавшейся до того из США финансово-промышленной элиты. Их взбесило то, что англичане посмели нанести удар по американцам, по тем, кто еще недавно правил миром! Так что «ответка» стала неизбежной. Только сначала надо было все просчитать и ударить в такой момент, когда это нанесет максимальный ущерб. Как раз сразу после окончания эвакуации в ЮАР! С этой целью вместе с эвакуирующимися в Австралию отправили и одну атомную подводную лодку с ядерными ракетами...

А вот разборки с применением тактических бомб на территории самих США в планы генералов ну никак не входили. Но и предотвратить их они не могли! Слишком мало осталось сил и ресурсов в их распоряжении... Именно по этой причине они и предпочли отсидеться в стороне. Но сейчас, на совещании накануне Рождества, пришла пора определиться с дальнейшими шагами. Вообще то, что они все еще живы, во многом можно было считать счастливым везением. Уж слишком много «если бы» сошлось в этом деле... Им повезло в том, что Лонг-Вэлли не рванул еще сильнее.

Им повезло, что в первые же сутки после начала извержения СССР не нанес массивный ядерный удар. А ведь мог бы! Тогда, посреди разрухи и паники, США смогли бы ответить хорошо если десятой частью своих ядерных сил наземного базирования! Самолеты и взлетные полосы были повреждены почти по всей стране, большая часть пусковых установок межконтинентальных ракет выведена из строя, разрушены ядерные хранилища... Да случись такое в СССР — многие генералы бы единогласно высказались за немедленный ядерный удар! Более-менее нормально тогда смогли бы отстреляться разве что

моряки и базы в Европе... Но этого уже не хватит для нанесения врагу неприемлемого ущерба. Особенно с учетом преимущества первого удара и временной растерянности и дезорганизации управления войсками. Однако советские ракеты и стратегические бомбардировщики остались на земле. То ли Советы не знали истинного положения дел в стратегических ядерных силах своего главного противника, то ли опасались и уцелевшей части, то ли посчитали вероятный ущерб неприемлемым для себя, но ядерной войны не случилось. И потому они были живы.

Наконец, им повезло в том, что стратегическое авиационное командование смогло сохранить контроль над арсеналом стратегического ядерного оружия и даже привести в рабочее состояние часть поврежденных пусковых установок, аэродромов и самолетов. Теперь и оставшегося арсенала им хватит для того, чтобы нанести врагам неприемлемый ущерб в условиях вулканической зимы. Что они и показали на примере эвакуированных англичан, остатки которых теперь резались с африканскими дикарями за то, чтобы попросту не сдохнуть.

И, наконец, у них были очень приличные запасы всего необходимого... Конечно, стратегические резервы готовили не против извержений вулканов, а на случай вероятной ядерной войны с СССР, но сейчас это не имело никакого значения. Самое главное — даже с учетом уничтоженной части они позволяли пережить зиму. Но... А что дальше? Вот именно этот вопрос и больше всего волновал сейчас американских генералов...

— Можно считать, что хозяин мира уже определился, — произнес один из собравшихся. — И это, к сожалению, не мы.

— Советы? — спросил его другой.

— Конечно, — усмехнулся первый. — Им удалось сохранить большую часть населения и промышленного потенциала. А это сейчас — самое главное!

— Наши люди говорят, что по ряду отраслей промышленности спад производства достиг восьмидесяти процентов, — заметил Директор Центральной разведки США Ричард Хелмс.

— А у нас всех ста процентов? — усмехнулся генерал.

С этими словами он достал из папки еще несколько отчетов, принявшись зачитывать некоторые из них. На счет положения дел в стране... Несмотря ни на что, у них осталось некоторое количество ученых и экономистов, кто смог просчитать предполагаемые последствия катаклизма. И они не радовали совершенно! Крах промышленности уже был виден воочию... Причем, разрушены многие стратегически важные отрасли — и восстановить их в ближайшие даже не годы, десятилетия, было попросту невозможно! На просторах бывшей сверхдержавы царила такая разруха, какой не было и в СССР после Второй Мировой войны. Не работали заводы и шахты, карьеры и нефтяные скважины, электростанции и железные дороги... Да, на юг вывезли какое-то количество специалистов и промышленного оборудования — но частично они уже уничтожены, а оставшуюся часть еще надо смонтировать и наладить хоть какую-то работу. В условиях тотального дефицита ресурсов!

Так что прогнозы не радовали... Уже на сегодняшний день по имеющимся оценкам погибли две трети американцев, несколько миллионов эмигрировало в ту же Австралию, а к окончанию вулканической зимы прогнозировали что останется миллионов пятнадцать-двадцать населения. А ведь развитие промышленности во многом завязано и на количество доступных рабочих рук! И что останется от США тогда? Австралия? Ее население

одиннадцать с половиной миллионов, из которых миллиона два-три погибло при атомных бомбардировках. Вместо них приплыло пять миллионов американцев, привезли некоторое промышленное оборудование, технику и сырье. Пусть даже туда эвакуируются еще пять миллионов американцев и получится общая численность населения в двадцать миллионов. И что? А ничего! Дальше получится одно из двух. Либо бросить все силы и средства на оборонку, создавать ту же атомную и ракетную промышленность, самолеты и танки. И получить нищую страну с ракетами, которая неизбежно проиграет холодную войну с СССР. Хоть американские генералы и не знали про КНДР XXI века из параллельного мира, но подобный сценарий они и сами просчитали. И тут СССР будет действовать против них ровно теми же методами, какими они сами планировали бороться с ним. Либо бросить все силы на развитие гражданских отраслей промышленности — и через десяток-другой лет получить вторжение красных, которому нечего будет противопоставить...

Какие еще варианты? Аргентина? Ничуть не лучше Австралии! Как бы даже не хуже. Хотя ядерный шантаж против них и оказался очень полезным. Так что при необходимости можно будет и повторить. А коль откажутся — продемонстрировать. Даже сейчас ракет у США еще было достаточно много... Так что вариантов оставалось немного.

— Предлагаете присоединиться к победителю пока тот еще не успел осознать факта своей победы? — поинтересовался Директор Центральной разведки.

— Да, — усмехнулся генерал. — Как вы верно заметили, Советы уже победили, но еще не успели сами осознать этот факт. Потому конец зимы-весна следующего года будут для нас идеальным вариантом.

— Ну хорошо, — задумчиво произнес еще один из генералов. — И что вы предлагаете? Попросить у советского премьера принять нас к себе в страну? «Пустите, дяденьки, мы с вами воевать хотели, а теперь сидим по уши в дерьме?»

— Ну зачем же просить? — усмехнулся первый. — Всего лишь дать выбор... Или они принимают к себе несколько миллионов наших беженцев и обеспечивают им нормальную жизнь, без всяких притеснений. Или... У нас ведь еще достаточно ядерного оружия?

— Ядерный шантаж ядерной державы? — задумчиво произнес глава разведки. — Рискованная затея...

— А почему нет? — усмехнулся в ответ командующий американскими ядерными силами. — Пономаренко не похож на идиота — а, значит, прекрасно понимает, к каким последствиям приведет ядерная война с нами.

— Ну допустим, — произнес второй. — Но как мы обеспечим выполнение достигнутых договоренностей после того, как окажемся в СССР? Ведь первым однозначным требованием Советов станет передача им всех наших ядерных арсеналов.

— А мы и передадим, — усмехнулся генерал. — После того, как закончится вулканическая зима. А пока ограничимся Западной Германией и базами в Европе... Да и сам факт того, что к ним попадет большая часть флота США тоже ведь весьма значим! Ну а наши подводные лодки могут пока и подождать. Так что нарушать договор для Пономаренко будет себе же дороже...

«Как же мне надоели эти сволочи!» — глядя на сидящего у печки паренька, мысленно выругался Василий. А еще вновь вспоминались их вечера с Кветой... Эх, Кветка-Кветка.. Где ты сейчас? Как устроилась в Союзе? Хотелось, конечно, верить в лучшее, но... Кто она

для людей из СССР? Какая-то эмигрантка, которую Непонятно зачем взяли в СССР? У нее там никого нет! Ни близких, ни друзей, ни знакомых... И все же Василий надеялся на лучшее.

Откровенно говоря, они подавали заявления в советское посольство на удачу. Василий так и вовсе не думал, что СССР примет их... И даже было странно, что Квете все же дали разрешение на въезд. Однако в Союзе желали скрыть свой интерес к целому ряду лиц, которых в случае обращения должны были принять без всяких разговоров. Потому и разрешили набрать некоторое количество «всяких прочих», и именно в эту «квоту» и попала девушка. Хотя, конечно, Василий и не мог знать этих соображений советского правительства — просто радовался, что его подруге повезло. «А ведь скоро уж у нее наш ребенок родится! Которого я никогда и не увижу», — с грустью подумал парень и вновь перевел взгляд на соседей.

Тогда, вернувшись в город, он сразу обратился к знакомым из русской мафии — и те его приняли к себе. Да, сама по себе «русская мафия» в США еще только зарождалась и до вершины ее могущества пока было далеко, но по факту она уже была. Пусть и пока еще «маленькая и слабенькая». И основу ее составляли как раз эмигранты и их потомки. Кто-то эмигрировал еще до революции, кто-то во время и после Гражданской, кто-то был из фашистских пособников (хотя этих презирали даже многие «беляки»), а кто-то был выслан при «режиме Пономаренко»... Так что отношение к СССР у большинства из них было откровенно паршивым. Точнее, от нейтрально-безразличного до злобно-остервенело. Вот и сейчас один такой, Сергей Каширин, сын какого-то беняка-эмигранта, злобно ругался в адрес Советского Союза.

— По-любому тут не обошлось без ублюдочных коммунистов! — чуть ли не брызгал слюной от злобы тот. — Это они спровоцировали извержение!

— Ну да, ну да, — хмыкнул сидевший напротив Колян Носов, — Это они взорвали атомную бомбу в зоне тектонического разлома...

Конечно, он вряд ли знал про то, что такое «тектонический разлом» — лишь повторял то, что говорили по радио зимой, за то это позволяло выглядеть в глазах окружающих умнее, чем он был на самом деле. В целом же Колян был из «нейтралов». Ему на СССР было, как он сам говорил, «насрать». Ну есть где-то там, на другом конце Земли, всякие коммунисты с большевиками — и хрен бы с ними! Он и там, а он тут. И прошлая жизнь Коляна вполне устраивала.

— По-любому без коммунистов тут не обошлось! — упрямо заявил Каширин. — Может, они предложили эту бомбу взорвать? Или их шпионы в правительстве?

Откровенно говоря, Сергей со своей зоологической ненавистью к СССР всем уже успел проесть плешь и изрядно надоест. Впрочем, на его фокусы уже привыкли не обращать внимания. Знали ж, с чего он бесится — у его папаши большевики отобрали парочку достаточно крупных заводов... Вот он и не может им этого простить. Из страны-то пришлось буквально с голой жопой бежать, что и в США не дало нормально устроиться! Большинство тут все же хоть и не любили СССР, но и так вот слюной от ненависти не брызгали. Однако Каширин считался полезным — потому его и терпели. И, махнув рукой на идиота, Василий вернулся к воспоминаниям...

Хоть русская мафия и была, но когда в городе начался большой передел сфер влияния — шансы у нее были примерно никакие. Слишком слабы... Этим Василий и воспользовавшись, предложив по-быстрому хапнуть побольше припасов, набрать побольше

людей и вырваться из города. Куда? Ну на юг идти однозначно нет смысла! Там и своих желающих хватает. На север — так там уж больно холодно. Значит, на запад — пусть там и разоренные прошлогодней гражданской войной места, но за то и затеряться проще, и не так уж им и много ведь надо?

Как ни странно, но его предложение было принято — и, благодаря этому и прежней службы в армии, его даже назначили своего рода «бригадиром». В чем же смысл? Василий, конечно, мог лишь догадываться, но на деле было все проще. Что им не удержаться тут — это босс прекрасно понимал. Слишком силы не равны! Задавят их те же итальянцы или даже негры... Значит, уходить. Но не одному же? Никто из мафиози не работал и работать особо не желал — значит, нужны обычные люди. И набрать их из числа тех же эмигрантов из русских, белорусов, украинцев и даже некоторых других «условно родственных» народов вроде чехов со словаками особой проблемы не доставило. Понимая, что тут их не ждет ничего хорошего, они все же предпочли положиться на «соотечественников». По сути, босс решил сделать мини-государство во главе с собой любимым... По той же причине решил и приблизить Василия — ему нужны будут адекватные люди, кто поддержат его начинания. А вот от многих бывших подчиненных он бы теперь с радостью избавился... Хотя почему «бы»? Избавится! Только всему свое время.

Их набралось больше трех тысяч — и в таком виде они и вырвались из города с захваченными припасами. С тем, что осталось после ухода военных и удалось захватить у «конкурентов». Кстати, у тех самых негров, что были «старыми друзьями» Василия. Несколько дней они петляли по разбитым дорогам, переправлялись вброд через реки и в одном месте даже пришлось сделать переправы. И вот они добрались до какого-то почти вымершего городка на Среднем западе, где нынче от всего населения осталась буквально пара сотен человек. Многие в первый же день погибли от прилетевшего в эти места облака вулканических газов. Другие пытались искать лучшей доли на востоке страны — и дальнейшая их судьба неизвестна. Но часть людей все же вернулась в город и теперь пыталась выживать на руинах цивилизации. Но против прикатившей в эти края банды все они оказались бессильны. Впрочем, людям было уже все равно — так что они просто приняли новые порядки. После чего «мафиози» принялись рыскать по окрестностям в поисках различных ценностей, а остальные принялись копать и сажать огороды, часть продукции с которых обязались сдавать в счет «налога на защиту».

Тут же босс выполнил и свое обещание — «повесить за яйца» одного пойманного насильника. Сказано было баб только по согласию трогать? Ну вот и нефиг приказ шефа нарушать! Впрочем, переспать с кем-то за кастрюлю картошки или банку муки — это было в порядке вещей! По добровольному согласию же? Никто не принуждал? Позднее босс избавился и от еще нескольких неудобных — в основном, конечно, тех еще дегенератов, но главное было не в этом, а что те могут попытаться претендовать на его место.

А вот в своих вылазках Василий столько всякого повидал... И следы боев между местными и пришлыми, и свидетельства зверских расправ, и... Всякое, в общем! Натыкались и на всяких уродов — вроде вырожденцев из «Церкви Апокалипсиса», убивающими и жгущими на кострах всех, кто не является приверженцами их религии или уже успевших появиться банд людоедов. Когда отряд Василия впервые разгромил стойбище последних — от увиденного блевали буквально все! Но больше всего впечатлил его вид девушки лет двадцати, которую ублюдки держали в качестве «живых консервов» в каком-то сарае... Вроде как она была последней, кто еще выжил там. Запомнилось, как она смотрела на них.

Грязная, из одежды только какое-то тряпье, а в глазах так и застыл ужас от всего пережитого... Они пытались что-то спрашивать, но там лишь молчала в ответ.

— Пристрели ее чтоб не мучалась, — брезгливо сплюнув на землю, дал «добрый совет» все тот же Каширин.

— Зачем? — откровенно ошарашило Василия такое предложение.

— А хули толку с нее? Бесполезна ж! Только обуза... А шеф жратву всем подряд не раздает. Разве что из своей доли добычи что дашь...

— Не буду я никого убивать, — желая пристрелить как раз самого Каширина, отрезал тогда Василий.

Как ни странно, но против этой девчонки босс ничего против не сказал... Что одновременно обрадовало и немало удивило Василия. Впрочем, ответ на вопрос был как раз простой. Аркадий Тимофеевич Пальцев, бывший босс русской мафии одного из крупных городов восточного побережья США, всегда хотел быть чем-то большим, чем бандитом — пусть даже богатым и авторитетным. Нет, ему хотелось стать Личностью! Именно так, с большой буквы! Чтобы имя его вошло в историю — и, желательно, не только в виде записей из криминальных хроник. Мания величия — дело такое... Вот и представилась ему именно такая возможность! И во многом как раз благодаря идее Василия... Захватив город Аркадий Тимофеевич объявил здесь себя мэром, ввел новые законы и даже объявил своих подручных госслужащими — чиновниками, военными и полицейскими. И велел отныне называть себя только мэром и ни как иначе — кое-кого, за «неуважение к власти», уже даже публично выпороли — после чего все остальные, во всяком случае на людях, стали называть его не иначе как «господин мэр». Ну кроме самих «мафиози». И вот теперь ему очень хотелось понять, что же за человек такой Василий... Нужно ли его убирать или лучше, наоборот, приблизить? Ну а с девчонкой — оно ведь не шибко-то и многого стоило... Кстати, когда ее отмыли и приодели, она оказалась даже вполне себе внешностью. Симпатичная даже, потому-то ее и не съели сразу, а оставили «напоследок».

Вообще подобный случай, когда они громили стойбища людоедов или сектантов и освобождали их пленников, был первым лишь для Василия, хотя и не последним. А вот другие отряды и до того с ними уже сталкивались... Обычно освобожденных людей отпускали по домам — но не просто так, а с поручением передать главам их общин предложение о встрече. За счет этого даже смогли установить кое-какие торговые и союзнические отношения с соседями. Но куда эту девчонку отправишь в таком-то состоянии? Не дойдет же никуда! Она и ест-то вон лишь когда поставишь перед ней тарелку и дашь в руки ложку...

И все же основные мысли его были о том, что же сейчас происходит в СССР... Справляются ли они с последствиями вулканической зимы? Выживет ли страна? Увы, но имеющихся у них приемников не хватало для того, чтобы поймать передачи с другой стороны Земли, а действовавшая на Кубе советская радиостанция прекратила вещание еще в середине лета. Отныне он отрезан от новостей с той стороны Земли! Напоследок сообщив с том, что кубинцы покидают родной остров — но придет время, и они еще вернутся.

— Ну что там? — когда в их лагерь вернулись разведчики, спросил Василий, отвлекшись от воспоминаний.

— Готовят костер, ублюдки! — выругался один из разведчиков, совсем недавно ставший частью «мафии». — Опять кого-то собрались жечь! Хотя пока тихо там... Дрыхнут, уроды!

— Часовых обнаружили?

— Да, — подтвердил разведчик. — Там и искать-то нечего было... Хозяевами чувствуют себя, даже и не прячутся!

— Сможешь нарисовать, кто где там?

— Да без проблем...

Через несколько минут Василий и еще пара человек сидели и разглядывали карту, тщательно планируя предстоящий налет. Под ехидно-пренебрежительные взгляды большинства «мафиози». Планы ими какие-то, понимаешь! Да ворваться туда и покрошить всех! Делов-то! «Томсонов» у них мало что ли? И все же спорить с бригадиром никто не желал — знали, что он на хорошем счету у шефа, а с тем шутки плохи!

Так что налет начался лишь спустя пару часов, на закате... И, как вскоре понял Василий, не зря планировали! Оружия-то у сектантов хватало, ломанись они наобум — тут бы половина и легла! А то и все они. Бандитов подвело лишь то, что они-то готовились именно к отражению стихийного налета, а не против тщательно спланированной, пусть и далеко не идеально исполненной, военной операции.

Пленных было два... Молодая семья из какого-то поселка неподалеку, кто в недобрый час отправились по торговым делам куда-то в соседний городок, да так и попали в лапы сектантов. Само собой, те отобрали всю приготовленную на продажу продукцию, та их самих собирались казнить как «еретиков». Однако повезло... Именно в этот день на общину сектантов наткнулись «мафиози».

— Что с этими тварями, — подразумевая фанатиков «Церкви Апокалипсиса», спросил Колян.

— На кол их! — неожиданно для самого себя бросил Василий первое, что пришло в голову.

— Что? — чуть ли не полезли глаза на лоб у Носова.

— Повесить то есть, на ближайших фонарях! — «внес коррективу» Василий.

Поняв, чего их ждет, полтора десятков захваченных в плен сектантов задержалась и даже попыталась бежать, но кто же им это позволит? Накинув на шеи веревки, их быстро вздернули. Пусть их братья по вере увидят, что бывает с такими ублюдками!

— А с нами что будет? — поинтересовался освобожденный из плена мужик.

— Иди домой, — махнул рукой Василий. — И передай главе своей общины предложение о встрече...

Что ж... Католическое рождество уже прошло, а вот на новый год Василий таки сможет преподнести небольшой подарок своим. Пусть даже большую часть заберет себе шеф, но... В поселке сектантов они обнаружили полно самых разных ценностей! Не иначе как из награбленного у других людей. Так что тут и на долю Василия немало выпадет. А еще... Елку что ли поставить? Хоть так малость скрасить одиночество и серую повседневную жизнь?

— Так, что у нас там? — вслух произнес лейтенант МГБ Рыжов, открывая папку с отчетами по объекту «Умник».

Откровенно говоря, он не очень понимал, чем же обычный студент сумел обратить на себя внимание самого министра госбезопасности, что его записали в интересные для советского правительства кадры. Но раз уж пришел приказ «присмотреть» за ним — значит, надо выполнять! И последнее время это стало чуть ли не главной работой товарища Рыжова. Впрочем, это было не сложно — объект ни от кого не скрывался, никакой подозрительной деятельности замечено не было... Можно сказать, обычный студент.

Итак, что у него есть по «Умнику»? Родился в 1949 году, закончил городскую школу № 34. В кружках или каких-нибудь клубах, вроде мотоклуба имени Дара и Ельянова, не состоял, особой активности не проявлял. По сути, обычный пацан, каких в Союзе полно. Предположительно — занимался самообразованием, в старших классах изучая университетский курс физики и математики, на что при разговоре указала его школьная учительница по физике Симонова Наталья Николаевна. С ее слов, демонстрировал хорошее знание предмета на гораздо более высоком, чем изучается в школе, уровне.

Где брал материалы для учебы — выяснить не представляется возможным. Кое-что в десятом классе брал в областной научной библиотеке, но туда он только в десятом классе и стал ходить. Да и не так уж и много он всего брал. Остальное? Ну в крупном городе взять материалы по той же университетской физике не сложно... То есть, предположительно, имеет знакомых среди нынешних или недавних студентов или преподавателей университета — хотя последнее вряд ли, их на всякий случай опросили. Значит, с почти стопроцентной вероятностью студенты... Взял и переписал у кого-то лекции и учился по ним. Факт интересный, но не более того. Просто стоит отметить.

Косвенным подтверждением данной версии можно считать то, что в нынешних условиях он учится в университете на «отлично», хотя успеваемость по стране резко упала. Более того — может по-простому рассказать многие вещи из университетского курса, во всяком случае с первого курса, что помогло ему объяснить предметы жене и нескольким знакомым. Что ж, еще один факт в копилку за версию «гений». Не каждому преподавателю такое удается!

Кстати, с женой тоже интересный вопрос. Как удалось под видом дружеской беседы выяснить из разговоров с товарищами «Умника», длительное время чуть ли не бегал за одноклассницей, Светловой Еленой Антоновной, которая с ним, дословная цитата, «играла в кошки-мышки». Но потом вдруг порвал все отношения с ней, переключившись на Старостину Викторию Валентиновну. Несколько раз гулял с ней вместе, с ней же встречал рассвет во время выпускного, вместе с ней поступал в университет. Хотя сам в то время утверждал, что они лишь «школьные товарищи». По словам лучшего друга «Умника» Федотова Петра Степановича, «по-любому что-то узнал он про Ленку, вот и бросил нафи стерву!» Возможно такое? Если считать, что именно в то же время отмечается изменение поведения объекта, то вполне! После этого и решил покрасоваться перед всеми, козырнув университетскими знаниями по физике.

Дальше... Ну можно отметить понимание политического момента в 30-е годы. Его учительница по русскому и литературе даже показала сочинение по «Поднятой целине».

Хорошее понимание политики советского правительства и коммунистической партии отметила и историчка. В целом в разговорах с товарищами также всегда демонстрировал себя как сторонника социализма, положительно отзывался о политике товарища Сталина. В целом никогда не давал усомниться в своей политической благонадежности.

Тут, правда, интересны его оговорки, порой сказанные в разговорах с друзьями. О чем? Как ни странно — о возможности восстановления капитализма и последствиях такого! Ссылаясь на слова товарища Сталина об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма, «Умник» говорил о том, что международная буржуазия постарается уничтожить СССР. И поскольку военной силой сделать это практически невозможно, то они постараются развалить страну изнутри. Найти предателей, в том числе среди членов КПСС продвинуть их на руководящие должности и устроить переворот. При этом главный упор будет делаться на шкурнические интересы, на максимально циничных и беспринципных людей, готовых «продать родную мать ради личного обогащения». После чего, развалив страну на несколько враждебных друг другу кусков, постараются по максимуму развалить ее армию, уничтожить экономику, превратить в сырьевой придаток Запада. Это он как-то сказал тому самому товарищу Федотову, ну а сотрудники МГБ умеют вывести человека на нужную тему разговора так, что тот этого и сам не заметит...

Что дальше по нему известно? Умеет водить грузовик — предположительно, научил кто-то из знакомых. В принципе, не сказать, чтобы такой уж неординарный навык... Можно и внимания было бы не обратить, будь оно не «в совокупности». Предположительно, неплохо разбирается в автомеханике — во всяком случае, несколько раз помогал с ремонтом своей машины. Знал правила дорожного движения, за счет чего легко сдал на права — за практику зачислили работу в комсомольской бригаде. То есть явно интересовался этим и до того...

Ну и последнее... Предположительно является автором песни «Детства последний звонок», впервые исполненной на его же собственном выпускном, хотя сам и отрицает это, ссылаясь на мифического знакомого брата. Про которого, однако, не знает и сам брат — его, как бы между делом, расспросили на этот счет. Аналогично написавшая музыку к песне одноклассница «Умника» Антоненко Тамара Николаевна, считающая, что он «слишком хорошо чувствовал песню». Спорное, конечно, утверждение, основанное не столько на разуме, сколько на чувствах и эмоциях, но в совокупности если...

Песню эту товарищ Рыжов даже сам прослушал — чтобы понять, о чем идет речь. И при последних строчках чуть не выматерился вслух! «Должны мы теорему жизни верную судьбой своей самим себе доказывать». Самая, казалось бы, обычная строчка! Которую вполне можно понять как то, что все мы должны стать нормальными людьми, доказать себе, что не просто так едим и пьем, добиться своих целей и так далее, но... В свете последующих событий она выглядела как какое-то зловещее предупреждение. Словно он наперед про все знал! И эти слова — именно про то, что люди должны доказать самим себе, что никакая Долгая зима не согнет и не сломает их, что и в таких условиях они не сдадутся, не ударятся в панику и не сложат руки. Но... Нет, не мог он этого знать — это было понятно. Это войну еще в какой-то мере можно предсказать, просчитать. Но никак не гигантское извержение!

Что дальше? Ну тут уж про то, что «Умник» просчитал последствия извержения. Известно, что он провел много времени в научной библиотеке, изучал информацию об извержении, искал что-то из истории. Например, про извержение Тамборы в XIX веке. После чего и подготовил свою аналитическую записку. Гений? Учитывая то, что он все это

сделал по одним лишь открытым и неполным источникам информации, вполне возможно.

Ну дальше уже шло про работу в комсомольской бригаде, про командировку в Туркмению и последующие события... Впрочем, все это он уже зал по памяти. Тут и не надо было ничего читать. Так, максимум пробежать глазами. Но сейчас его мысли товарища Рыжова были в другом направлении.

— Ну рассказывай, — подняв глаза на сидящую напротив девушку, произнес лейтенант.

— Как вы и просили, наблюдала за Миш... Михаилом в повседневной жизни, — пожалала плечами Квета. — Только что я могу сказать? Да, в физике он разбирается хорошо... Мне даже, было дело, кое-что объяснял. Про, как он сказал, «эффект ядерной зимы» рассказывал...

— Почему ядерной? — удивился лейтенант.

— Я тоже сначала не поняла... Но он сказал, что еще в школе думал над тем, что случится в случае взрыва большого количества атомных бомб. Оттого и начал институткой физикой интересоваться...

— Так, интересно, — довольно улыбнулся товарищ Рыжов. — Что-нибудь еще по нему можешь сказать?

— Не знаю, — задумчиво произнесла девушка. — Мы с ним много общались, но он... Обычный что ли! Хотя умный очень! Словно с кем-то старше себя говорю. С женой его Вико... Викторией тоже много общаюсь, она мне уже лучшей подругой стала. А уж как они друг друга любят — даже завидно становится!

— А что на счет его политических взглядов? — слегка прищурившись, спросил товарищ Рыжов.

— Знаете... Я большего коммуниста не видала! — вдруг улыбнулась Квета. — Только он какой-то немного не такой как большинство... Он не верит в коммунизм, а... Как сказать-то? Он убежден, что без социализма и коммунизма будущее невозможно.

— В каком смысле? — не понял лейтенант.

— Понимаете... Это не вера в идею, а... логика что ли? Прагматизм? Он может четко и аргументировано рассказать и доказать, почему иной вариант развития цивилизации — это путь в тупик.

«А вот это уже интересно!» — подумал товарищ Рыжов. В отчете для Шелепина надс будет в обязательном порядке указать на этот факт! Молодец девчонка-то! Можно сказать, самую суть ухватила...

Про нее товарищ Рыжов тоже неплохо знал... Квета Ковач, родилась в 1946 году в США в семье эмигрантов-антифашистов из Словакии. Закончила школу, поступила в медколледж, где отучилась два года до того, как случилось извержение Лонг-Вэлли. Потом выживала как могла, волей случая встретилась с высланным из СССР эмигрантом, который и предложил ей подать заявление в советское посольство, которое и было удовлетворено. В СССР так уж получилось, что ее распределили в их город, ну а тут уж постарался товарищ Рыжов — вместо общаги она попала в половину дома. Хотя сама девушка о его роли в том и не подозревала. За то перед вселением он встретился с ней и попросил «приглядеть» за одним человеком. Дескать, перспективный кадр, указание свыше и все в таком духе. Ну а раз уж она будет теперь рядом жить...

— Можно вас об одном попросить? — отвлек товарища Рыжова от мыслей голос девушки.

— Ну спрашивай, — пожал плечами чекист.

— Можно я больше не буду ничего вам говорить?

— Почему? — не понял лейтенант.

— Мне стыдно, — смущенно произнесла девушка. — Они ведь хорошие люди, ко мне так хорошо относятся, как к родной... Я с ними искренне подружилась! Но ведь я их, выходит, обманываю!

— Но ведь ты ничего плохого не делаешь? — пожал плечами лейтенант. — Просто товарищ Шелепин велел понаблюдать за Михаилом Васильевичем.

— Все равно это нечестно!

— Понимаешь, Квет, — произнес лейтенант. — Мы не можем разбрасываться перспективными кадрами — и потому должны иметь возможность в случае необходимости вовремя помочь. Сама видишь, какие нынче времена! А у нас люди гордые, пока совсем не прижмет — ни о чем не попросят! А потом может уже поздно оказаться...

Работать с людьми и убеждать их товарищ Рыжов умел... Так что вскоре Квета и сама была уверена, что делает благое дело. Фактически помогает тем парню с девушкой, что оказались ей так симпатичны. Ну а что при этом приходится кое-что от них скрывать — так ведь это для их же пользы?

Новый Год в СССР, можно сказать, даже отметили... Хотя и предельно скромно. Не было ни елок, ни застолий, ничего такого... Не было в это время еще в СССР и традиции с предполуночным телеобращением на 31 декабря. Потому когда было объявлено, что ровно в 22:00 прозвучит радиообращение товарища Пономаренко, то перед радиоприемниками собралась вся страна! «А ведь, похоже, генсек вдохновлялся речью Сталина на параде 1941 года!» — слушая выступление, вдруг подумал Михаил, и на миг даже устыдился какому-то своему цинизму. Как ни крути, но вырос он уж из этих времен! И оттого уже не получалось, как всем окружающим, слушать речь Пономаренко чуть ли не с разинутым ртом, с беспрекословной верой партии и правительству...

Конечно, здесь не было ничего про партизан или войну, но во многом другом стиль выступления оказался схожим. «От имени советского правительства и коммунистической партии приветствую и поздравляю вас с наступлением Нового 1968 года! — звучали из приемника слова Председателя Совета Министров СССР и генерального секретаря ЦК КПСС. — К сожалению, товарищи, в тяжелых условиях сегодня нам приходится встречать новый год. В результате бездумных действий американской военщины и произошедшего гигантского извержения вулкана Лонг-Вэлли произошло резкое похолодание со снижением средней температуры на Земле и началом Долгой зимы, что создало угрозу для нашей страны. Мы были вынуждены усилить меры по обеспечению соблюдения социалистической законности, провести эвакуацию в южные республики населения большей части Сибири и северных областей РСФСР, принять срочные меры по обеспечению населения продовольствием...» Ну и так далее... Пройдясь по положению дел в стране, по международной обстановке и сравнив их с тем, что было в годы войны, товарищ Пономаренко закончил свое выступление вполне закономерно. «Ни у кого из нас нет сомнений в том, что Советский Союз и в этот раз сможет выстоять и победить, в очередной раз доказав всему миру преимущества социалистического строя». Добавив еще несколько слов на счет неизбежной победы дела Ленина-Сталина и пожелания на новый год, товарищ Пономаренко на том и закончил речь. После чего все слушавшиеся принялись ложиться

спать. И странное дело — казалось, что что Вика, что родители Михаила, что старшая сестра с ее мужем и дед с бабкой чуть ли не светятся от какого-то нахлынувшего чувства воодушевления... Даже на Квету отчасти подействовало, хоть и гораздо слабее. Михаил же... Слышал он когда-то речи и Брежнева, и Ельцина... Разве что от Мишки Меченого не слышал — и то лишь потому, что к тому времени, несмотря на приверженность идеям социализма, успел разочароваться в КПСС как партии и попросту и не желал его слушать. Впрочем, Ельцина он тоже слушал лишь однажды — и чисто из интереса «что этот урод нам там скажет?»

Ну а на следующий день в обед выдали фрукты... Вот и все празднование! Впрочем, при их виде люди тоже чуть ли не подпрыгивали от радости. Как мало порой нужно для счастья! И оттого Михаила охватывала еще большая ненависть к американцам... Можно сказать, его счет к ним все рос и рос. В его прошлом мире они через своих агентов влияния уничтожили, развалили СССР. В этом — уничтожили половину мира! Уже сейчас от их действий погибли миллиарды, а советским людям приходится вести непрерывную борьбу за выживание и радоваться таким вот сущим пустякам по прежним меркам...

А уже на следующий день все вернулось на круги своя. Все та же самая работа! Ну и начала сессия в университете... Так что времени опять не было ни на что. За себя-то Михаил, конечно, не беспокоился, но ведь была еще и Вика. Порой парень даже удивлялся тому, что успел так сильно привязаться к этой девушке — настолько, что прежняя жизнь стала восприниматься как что-то далекое и нереальное, словно из прошлой жизни. Когда-то он думал, что уже не сможет полюбить никого, кроме своей второй жены из той жизни. Но вот получилось... Не иначе как их связала сама Долгая зима, усилила и сплвила их чувства в что-то новое, чему не суждено было родиться в той реальности. Ведь трудные времена — они вытаскивают на поверхность все плохое и все хорошее, что есть в людях. И меняют и их самих. Вот сейчас уже казалось странным, что могло быть как-то иначе...

— А помнишь, Вик, как поступали в университет? — пока они сидели, ожидая начала экзамена, произнес Михаил, пытаясь отвлечь жену от мыслей о предстоящем экзамене.

— Помню, конечно, — улыбнулась девушка. — Как же давно это было...

— Всего полтора года назад...

— Порой кажется, что за это время прошла целая жизнь, — вздохнула девушка.

— Мне тоже, — согласился Михаил.

Блин! Отвлечься хотел, называется! Почему-то последние год с лишним чуть ли не любой разговор на отвлеченные темы, воспоминания прошлого неизбежно скатывались к Долгой зиме! И это было так не только с Михаилом — таковы были общие настроения...

— Говорят, следующий год полегче будет, — заметила Вика. — У нас в области картошка будет расти...

— Я помню, — согласился Михаил. — И не только в этом. Я вон недавно в Северном был — там всю дома для эвакуированных строят, так что через какое-то время и люди нормально жить смогут...

«А ведь картошка — это значит, что и огороды можно будет сажать», — вдруг подумал Михаил. Во всяком случае, быстро созревающие культуры. Только для этого надо будет еще оттуда снег вытащить, чтобы быстрее растаял. А то в прошлом году в тени домов он все лето пролежал! Хотя сейчас уж теплее будет. К маю хоть снег сойдет что ли? Ее-то и напало в этом году меньше... Всего лишь полтора метра. Сказывалось то, что климат начал стабилизироваться, испаряемость падать. Хотя вон за Уралом снега фактически только

прибавилось! Там летом-то максимум короткие оттепели бывали.

А еще уже начинали работать на новых местах эвакуированные заводы, возобновилась добыча многих полезных ископаемых, практически наладилось транспортное сообщение. Страна привыкала жить в новых условиях! И это не могло не радовать... Вон сколько спецтехники на дороги после снегопадов выходит! Поезда стали регулярно ходить, хотя в большинстве своем небольшие — в 3–4 вагончика. Просто так ведь нынче никто никуда не ездит, только по делам.

Но вот и начался экзамен... Опять физика — на этот раз раздел «электричество и магнетизм». Уже привычно Михаил берет билет и без подготовки выходит отвечать, а вот Вика садится готовиться. Как обычно волнуется, но Михаил-то за нее спокоен. Знает, что знает материал — лишь бы не подвела неуверенность в своих силах... Так что, закончив с ответом, Михаил садится ждать, попутно думая о том, не пора ли написать третье письмо в ЦК КПСС? Кое-какие мысли накопились, но стоят ли они внимания?

Первая из них пришла в голову совершенно внезапно — и, пожалуй, тут даже на авторское свидетельство потянуло бы. Всего лишь пневмозернотранспортер... Незадолго до попадания сюда его как инженера-механика отправляли в соседний район к какому-то знакомому их фермера — посмотреть на такую установку. Тот ее буквально только что купил из Германии и хвалился тем, как удобно с помощью нее грузить зерно. Их фермер тоже хотел купить такой же — вот и отправил его посмотреть, что же за фигня такая. И, в принципе, там было все просто... Циклон для отделения воздуха от зерна, вентилятор и дозатор — вот и вся конструкция. Во всяком случае, на взгляд извне. По факту наверняка там все было куда сложнее... Как, например, рассчитать тот же вентилятор? Хотя Михаил и сам был конструктором, но на этот счет понятия не имел. Не занимался никогда! И все же конструкция интересная и, вроде, бы удобная. Хотя самому лично поработать с такой и не довелось, но все же... Так что обойдется и без авторского свидетельства — просто подарит идею государству.

Второе... Хотя, может быть, это уже есть? Увы, но этого Михаил не знал... Зерносушилки — тоже очень ценная для сельского хозяйства вещь, позволяющая заметно уменьшить потери зерна при хранении. Особенно подсолнечника, который нередко собирается уже по дождям. Как действует такой комплекс — Михаил тоже неплохо знал, доводилось ремонтировать. Так что сделать описание, зарисовать общую схему установки — а там уж советские конструктора сами что придумать. К этому можно добавить аэратор — там вообще ничего сложного нет... Правда, с ними Михаил лично дел не имел, только слышал про такие установки.

Что дальше? Хм... А изобрели ли тут уже культиваторы КРН? Надо узнать! Если нет — тоже можно про них написать... Для подсолнечника очень ценная вещь! Сам и ремонтировал такие, и работал с ним... И матерился на придурков, кому лень было прошприцевать втулки перед началом рабочей смены.

Больше, увы, про сельское хозяйство ничего в голову не приходило, что можно было бы предложить... Вспомнилось слышанное про Хрущева, как при нем вели освоение Целины с грубыми нарушениями агротехники, которая требовалась бы для тех мест. Однако здесь это не было! Здесь освоение Целины оказалось где-то на втором месте — как важная стратегическая задача, но не так, чтобы вот прямо «давай-давай, быстрее-быстрее». Основной упор все же сделали на интенсивное развитие сельского хозяйства, как то и предлагали большинство ученых. Начали наращивать производство удобрений, уделили

большее внимание селекции новых сортов сельскохозяйственных культур, занялись теми же лесополосами. В ходе экспериментов выяснили, что на Целине целесообразнее безотвальная технология вспашки, против которой в прежней истории выступил Хрущев. В итоге «освоение Целины» затянулось буквально до самого извержения Лонг-Вэлли, а распаханная площадь была более чем вдвое меньше, чем в прошлой реальности — вместо более сорока миллионов гектар всего лишь пятнадцать, что даже так превысило предложенные министром сельского хозяйства товарищем Бенедиктовым двенадцать. И в целом оно не считалось чем-то таким уж особо значимым — никакой тебе героической эпопеи, обычная повседневная работа! За то в этом мире не было истории с «неперспективными деревнями» и активно развивали, а не разваливали, сельское хозяйство Нечерноземья, сделав основной упор на интенсивные технологии развития... В итоге к середине 60-х СССР в полной мере обеспечивал себя сельскохозяйственной продукцией — не сказать чтобы идеально, все же та же селекция — дело небыстрое, но достаточно стабильно. Не было дурацкой кукурузной кампании, не урезали приусадебные участки колхозников, не отбирали скот, куда больше использовался научный поход... Так что ничего особо посоветовать по сельскому хозяйству Михаил не мог. Тем более, что он и сам был механиком, а не агрономом.

Четвертое... Несколько подумав, Михаил решил, что следует обратить особое внимание на развитие электроники и вычислительной техники и ее применение в народном хозяйстве. Написать про те же станки с ЧПУ, автоматические производственные линии, применение ЭВМ в научных и инженерных расчетах... В общем, тут он найдет, про что написать. В конце концов, у него у самого в КБ стояла ПЭВМ ЕС 1843, на которой делали некоторые расчеты... А еще, помнится, слышал про программы, позволяющие создавать настоящие трехмерные модели деталей — хотя это уж даже в начале 90-х, когда он уволился с работы, казалось какой-то фантастикой. Про что многие слышали, но никто не видел.

Что еще? Не, пожалуй пока все-таки все. Хотя... Вспомнилось еще про технологию прямого восстановления железа с помощью природного газа. Как-то даже ради интереса несколько статей на этот счет прочитал, что, пожалуй, позволило бы советским ученым быстрее разработать технологию. Но это уж он оставит на потом... Тем более, сейчас в СССР всем явно не до того, да и сначала надо изучить, что на этот счет вообще уже известно в это время. За этими мыслями Михаил и дождался когда Вика сдаст экзамен...

— Сдала! Отлично! — радостно выбежав из аудитории, девушка буквально повисла у него на шее, а на лице ее было выражение счастья.

— А я в тебе и не сомневался, — слегка приобняв жену, улыбнулся Михаил.

Одевшись, они пошли на трамвай... Под ногами похрустывал свежий снежок, на улицы уже вышла снегоуборочная техника, а около теплиц горели красным табло о идущей уборке снега, который и впрямь всюду летел с крыш под действием мощных вентиляторов. Недалеко от остановки наткнулись и на злобно лязгающий шнекороторным механизмом трамвай-снегоочиститель, от которого в правую сторону от дороги летел настоящий снежный столб. Самое главное — по глупости не попасть под него! А то там не только спрессованные комья снега, но и самые настоящие ледяные куски и даже камни могут лететь — и все это с большой скоростью! Недаром на железнодорожной технике аналогичного назначения пишут про опасную зону в двадцать метров.

Дождавшись девятки, они добрались до дома, где последнее время стало как-то пустынно. Родители Михаила посменно работали, на работу вышли и дед с бабкой, Анька, старшая сестра, с мужем — тоже, Машка вышла замуж и теперь жила по другую сторону от

«железки», Квета в роддоме — позавчера у нее дочка родилась... Так что встречали их только батя Михаила с бабкой. Поужинав, Михаил думал было сесть за написание послания в ЦК КПСС, но сначала все же включил телевизор. «А ведь, похоже, за весь год не появилось ни одного нового фильма!» — вдруг подумал Михаил. Однако сейчас тут шли новости, которые снова не радовали...

Середина зимы этого года ознаменовалась массовой гибелью государств... Мало кто успел заготовить достаточно для выживания запасов, далеко не все смогли и наладить жизнь в условиях снегопадов и морозов. И если в СССР снега в этом году было куда меньше, то Европу заваливало ничуть не слабее прошлогоднего! Но самой главной бедой стало то, что элиты большинства государств интересовало лишь выживание их самих и небольшого количества наиболее ценных специалистов — и зачастую это готовы были делать за счет других. Ведь так оно гораздо проще! И точно так же, глядя на это, поступал и народ. Оголтелый индивидуализм зачастую оказывался сильнее любых разумных доводов! Достань побольше жратвы, топлива, самых необходимых товаров, добудь оружие — и сиди как царь Кощей на своих припасах, только бы их не отнял кто-нибудь другой! Лишь бы выжить самому — и наплевать на других...

А еще начало сказываться то, что извержение привело к сдвигу географического полюса... постепенно начал ослабевать Гольфстрим — и в эту зиму порт Мурманска впервые замерз. Началось сильное похолодание в Скандинавии — и, по прогнозам ученых, там вполне мог образоваться новый ледник. Пусть и куда меньший, чем в древний ледниковый период. Одна за другой прекращали свое существование страны Европы — где-то относительно тихо, в результате внутренних волнений. Тем более, что правительства тех же Италии, Франции или Испании уже были в Северной Африке в своих новых владениях. А где-то и жестоко и кроваво, в результате коротких, но яростных гражданских войн.

Но самая ожесточенная война, к удивлению Михаила, разгорелась вовсе не в Западной Европе, где в результате паралича экономики еще в прошлый год люди гибли сотнями тысяч, а на Балканах. Где откуда-то внезапно всплыли все те противоречия, что уже давно были между народами теперь уже бывшей Югославии. Несмотря на погоду, на плохую проходимость для техники, эта война не утихала уже второй месяц — но у СССР даже не было возможности в нее вмешаться. Мало того, что вся армия задействована внутри страны, так еще и попробуй проводи туда войска, через заснеженные-то горные перевалы и дороги! Но теперь — еще вот...

— В Польше третий день не утихают волнения на фоне разразившегося в стране голода, — продолжал тем временем диктор. — Армия заявила о своем нейтралитете в происходящих событиях. К сожалению, за лето польскому правительству не удалось создать достаточных запасов на зиму...

— Трындец полякам, — мрачно заметил Михаил.

— Думаешь? — спросил батя Михаила.

Сейчас, похоже, Василия Петровича больше интересовало его мнение как попаданца. Того, кто прожил целую жизнь в иной реальности и повидал такого, чего и ему самому-то не довелось!

— Подозреваю, поляки слишком пронадеялись на то, что если они окажутся в жопе, то Советский Союз им все подарит и сделает, — вспоминая прошлую реальность, где СССР пшекам чуть ли не дань платил, произнес Михаил. — Вот и не чесались особо. А тут вдруг выяснилось, что не может им ничем СССР помочь! У нас у самих-то все достаточно хреново.

— А на Балканах?

— Ну ты же, бать, сам знаешь, как тамошние народы «любят» друг друга, — усмехнулся Михаил. — Вот и получается, что когда хреново стало — начали искать виноватых. И нашли, конечно! В лице ближайших соседей.

При китайцев никто уже и не вспоминал... Там еще с лета идет резня всех со всеми. Кто еще? Японцы? От них тоже мало что осталось... Из-за извержений вулканов и постоянных землетрясений и цунами. В Южной Америке продолжается вакханалия военных переворотов. В Австралию приплыло несколько миллионов американцев и начали восстанавливать страну... Что тут получится в итоге — неизвестно. А вот следующая новость была странной:

— По сообщениям разведки, в Центральной Африке началась масштабная эпидемия неизвестного вида тропической лихорадки с крайне высокой летальностью. К сожалению, более подробной информации на данный момент нет.

Их поселок был расположен на самом юге бывшего Казахстана — и был построен буквально в чистом поле... Еще не так давно в этих местах были пустыни, но Долгая зима все изменила. Теперь тут были степи... А вот где Дмитрий жил раньше — там теперь снежная пустыня. Летом 1967 года снег за Уралом так и не сошел, так что ни о каком сельском хозяйстве там не шло и речи.

Налив в стакан горячего чая, мужчина сел ужинать... Хотя какой это нафиг чай? Настоящего-то уже больше полугода не выдают, вместо него теперь какой-то травяной сбор. Как говорят, полезный, содержащий нужные человеку витамины. На улице уже второй день мела метель — так что практически единственной работой было чистить дороги до сметать снег с крышу. Вот и Дмитрий на своем тракторе, на который навесили шнекороторный снегоочиститель, занимался тем же самым. И все росли и росли сугробы вдоль дорог. А когда-то в этих местах и снег-то, как говорят, редкостью был!

С наступлением зимы основной «аврал» закончился... Урожай картошки убран, большую его часть еще до самых холодов успели вывезти, оставив лишь то, что нужно будет самим колхозникам. И сейчас шла обычная размеренная зимняя жизнь сельскохозяйственных работников. Ремонтировали технику, готовились к весенней посевной, кто-то работал в овощехранилище, да вот... Снег чистили.

— Что там нового говорят? — спросила жена Дмитрия.

— Относительно чего? — не понял мужчина.

— Да про то, что вообще в стране происходит...

— Да спокойно все, вроде. Ты ж, Катюх, сама газеты читаешь?

— Все ли в тех газетах пишут? — вздохнула женщина.

— Ну мятежей, вроде, сейчас нет никаких. Задавили байскую гниду! — взглянув на висящую на стене винтовку, произнес Дмитрий. — Говорят еще, что этот год теплее будет... Рожь, наверное, сеять будем. Только зернохранилище достроить надо будет еще. А то погниет же все!

— Ну хоть так, — тихо произнесла женщина. — Про электричество-то не говорят ничего?

— Говорят, — ответил мужчина. — Дефицит энерго мощностей, нехватка оборудования... Так что пока в райцентре ТЭЦ не построят — не будет ничего.

С этими словами Дмитрий вновь поднял взгляд на винтовку, а затем перевел его на крошечное окошко кухни... Да, ему уже и повоевать тут довелось малость. Когда по осени случился набег банды откуда-то из бывшей Узбекской ССР, попытавшись разграбить их поселок. И, прежде всего, их интересовало овощехранилище — ублюдки даже напрямую предложили отдать его содержимое... А что потом самому только с голоду сдохнуть — то их не волнует. Естественно, они не согласились — и был короткий, но ожесточенный бой. И тогда организация вновь взяла верх над бандитской вольницей. А потом разбежавшихся уродов настигло вызванное подкрепление от военных — и уцелевших бандитов попросту перестреляли как бешеных псов.

А еще вспоминалась эвакуация... Когда в их уральскую деревню пришли военные с приказом об эвакуации, покидать родные места хотелось далеко не всем. Ну как это — бросить родной дом и практически все нажитое и уехать куда-то в неизвестность? Зима? Ну

и что с того, что зима? Снег они что ли с крыш почистить не смогут? Или дров в лесу мало?

Однако недовольным военные объясняли коротко. Лета у вас не будет! Сами видите — май на дворе, а на улице морозы! Жрать чего будете? И что дальше? У Советского Союза нет таких запасов чтобы прокормить всех целый год! Так что подвоза из других частей страны не будет, как не будут и дороги в вашу глушь чистить, да и ЛЭП уже сегодня обесточат. И как жить будете? И большинство прониклось и уже перестало спорить на счет эвакуации... Хотя некоторые и продолжали упрямяться.

— Я здесь родилась, здесь и помру! — кричала известная деревенская скандалистка, вечно всем недовольная Баб Тоня. — Я тут жила при царе жила, при Колчаке и при советской власти! Никуда я не поеду! И дети мои с внуками никуда не поедут!

«Ну да, сколько тебе при царе-то при том было? — мысленно усмехнулся тогда Дмитрий. — Три годика?» Однако военные церемониться и каждого по отдельности агитировать не собирались. Сказано «обязательная безусловная эвакуация» — значит, так тому и быть! Скандальную бабу просто запихнули в салон автобуса — и на том все и закончилось. Впрочем, она и там продолжала кричать, половину дороги до Челябинска. Дескать, «смотрите, люди, что делается!» Но на нее уже привычно не обращали внимания. Остальные односельчане Дмитрия, похватав чемоданы с тележками, рассаживались сами, а тем временем военные грузили в грузовики оборудование с МТС. Ело-то у них большое было... Напоследок сверившись со списком эвакуируемых, военные приказали отправляться...

Дорога до Челябинска шла словно в снежной траншее, так что даже и не видно-то ничего по сторонам было. Едут и едут куда-то! Пока, наконец, на горизонте не знакомый город... Дымили трубы металлургического комбината — хотя почему-то Дмитрию показалось, что куда слабее, чем в обычное время. Но вот и заснеженные улицы города, с громоздящимися там и тут сугробами, с едущими по своим делам грузовиками и автобусами, но их везли напрямую на станцию, где их уже ждал поезд.

— Вам в восьмой эшелон, — когда они высаживались на станции, сказал командовавший колонной капитан.

— Куда едем-то, товарищ капитан? — спросил тогда Дмитрий.

— На юг Казахской ССР, там стройбатовцы для вас поселки строят.

«Эвакуационный эшелон № 8», длинный грузопассажирский состав, уже стоял у платформы, и люди сразу начали размещаться в нем. Навешивали бирки и закидывали в грузовые вагоны свои вещи, а затем занимали места в пассажирских вагонах. И вот уже поздним вечером поезд отправился в путь... Короткий свисток тепловоза — и состав трогается в путь, унося их к новой жизни...

Сначала они ехали по обычной железной дороге, где навстречу то и дело проносились другие поезда с бочками, крытыми вагонами и даже платформами. На станциях несколько раз обгоняли идущие в попутном направлении «товарняки». Везли буквально все, что только можно! Уголь, нефть и нефтепродукты, лес, металлопрокат, различную технику вроде тракторов и автомобилей, промышленное оборудование... Шли практически без остановок — лишь замедляли ход на станциях и «обходах», вроде мест, где осенью спешно построили временный деревянный мост вместо поврежденного и требующего капитального ремонта основного. Но потом, уже в Казахской ССР, где к этому времени сошел снег, свернули на свежеложенную военными железнодорожниками линию — и тут уже ехали очень медленно, порой пропуская встречные составы. Впрочем, что еще возьмешь с «временки»?

В какой-то мере им повезло — до их поселка уже были уложены пути, так что разгружались прямо на полустанке на месте. А вот строительство домов только начиналось — все же военные стремились в первую очередь распахать поля, благо, в армии хватало и тракторов, и колхозников, кто в этом разбирался. Так что теперь эвакуированным можно было сразу начинать посевную. А вот жить по первому времени пришлось в армейских палатках, по одной на семью, и питаться приготовленной в полевой кухне едой. Лишь к середине лета Дмитрию, как семейному и имеющему ребенка, выделили для жилья свежестроенный «финский домик». А вот тех, у кого семьи не было, заселяли в последнюю очередь — и многим из них зимовать пришлось в бараке... Хотя и обещали, что в следующем году дома построят для всех. Впрочем, на следующий год много чего планировалось... Например, начать высадку лесополос, которые при грядущем потеплении защитят поля от песчаных бурь и опустынивания.

А потом была уже, в принципе, привычная работа. В их поселке тоже организовали МТС — так что Дмитрий вернулся к прежней работе трактористом, засевая и убирая поля как в их колхозе, так и в соседских. Помощь военным и колхозникам в строительстве. Расчистка снега зимой... Только к этому добавилось то, что его, как отслужившего в армии, записали в «особый коммунистический отряд охраны порядка» при поселковой милиции, фактически местное ополчение. Выдали винтовку, провели несколько учебных занятий, в которых участвовало большинство мужиков из их села — и вот осенью оно и пригодилось... Против банды басмачей. Командир военных ему потом даже благодарность за фактический разгром банды объявил! Их-то задачей было лишь продержаться до подхода подкрепления.

Впрочем, и тогда не все так гладко обошлось. Четверо из их отряда, несмотря на всю подготовку и даже наличие кое у многих боевого опыта, получили различные ранения — соседа Филипа Кузьмича так и вовсе в райцентр в военный госпиталь отправили, откуда он вернулся лишь через месяц, когда отправили домой долечиваться. Но и из бандитов семерых только наповал положили, а еще несколько смогли уйти, будучи уже ранеными. Впрочем, это во многом благодаря пулемету — военные выдали им старенький «Максим» со складов...

— Миш, тебе тут письмо, — когда Михаил с женой вернулись с учебы, произнесла его мать.

— От кого? — машинально спросил парень, однако ответ заставил его буквально застыть с разинутым ртом.

— Из секретариата ЦК КПСС.

— Чего? — только и смог произнести парень. — Мам, ты это серьезно?

— Да куда уж серьезнее, — вздохнула мать. — Ты мне только объясни... Из-за чего?

— Я писал им несколько писем со своими мыслями, — нехотя признался Михаил. — Про Долгую зиму, про сельское хозяйство, что там можно сделать.

— Откуда ты про сельское хозяйство-то знаешь?! — буквально полезли глаза на лоб у женщины.

Впрочем, теперь удивление было уже не только у него... Вика тоже смотрела на Михаила словно на какого-то инопланетянина! Хоть девушка и знала про то, что он писал какие-то письма для партии, но даже не подозревала, что на такой высокий уровень! А уж то, что на них еще и обратили внимание и прислали ответ... Это казалось и вовсе чем-то

невероятным!

— Миш, ты кто? — ошалело глядя на него, произнесла жена, но сразу смутилась таким словом. — Хотя что я глупости говорю... мы ж друг друга с детства знаем. Но... Как???

— Вот так, — улыбнулся в ответ Михаил. — Когда мы были сначала в Туркмении, а потом и тут в колхозе, я смотрел на то, как и что там люди делают. Ну и думал, что можно сделать, придумать...

— У тебя еще и на это силы оставались? — удивленно произнесла Вика.

— Ну немножко...

— Ты или гений, или сумасшедший, — полусшепотом произнесла девушка.

— И твои предложения оценили на таком высоком уровне? — все равно не переставала удивляться мать.

— Наверное, мам, — пожал плечами Михаил.

Не дожидаясь ужина, он вскрыл письмо, оказавшееся достаточно толстым, и принялся изучать его содержимое. На удивление оно оказалось достаточно объемным — причем, помимо всего прочего, было указано, что ему вышлют заказным письмом копии каких-то документов, связанных с интересовавшими Михаила темами. В основном, правда, как раз по сельскому хозяйству — причем, в тексте самого письма явно был завуалированный вопрос по этим темам. Похоже, в министерстве решили, что раз у него появились уже некоторые идеи, то вдруг и тут что придумает? Эх, знали бы они, что он всего лишь пересказал то, с чем лично сталкивался! Но ведь не скажешь этого... Значит, как придет то заказное письмо — придется и впрямь подумать. Уж раз назвался груздем...

Дальше шло упоминание того, что его предложения преданы на рассмотрение соответствующим профильным организациям и получили в целом положительную оценку. В связи с чем его желают видеть в конце февраля, как закончит с изучением переданных материалов, в Москве. В том же заказном письме придет и командирочное, по которому он сможет купить билет и доехать до столицы. «Приехали!» — мысленно произнес Михаил, откладывая в сторону письмо.

— Что там? — видя, что он закончил, с интересом спросила Вика.

— В Москву вызывают, в министерство сельского хозяйства, — ответил Михаил.

— В министерство? — полезли глаза на лоб у девушки. — Э-это п-правда?

— Угу, — согласился Михаил.

Дальнейшую реакцию жены Михаил не ожидал совершенно... Взвизгнув от восторга, она бросилась к нему на шею и буквально всего расцеловала.

— Я знала... знала... — тихо шептала девушка.

— Чего знала? — ошалев от такой ее реакции, произнес Михаил.

— Знала, что ты у меня самый лучший! Самый умный! Самый любимый! — когда она, наконец, малость поуспокоилась, попыталась пояснить Вика, хотя по факту все равно получался какой-то восторженный лепет. — Самый-самый-самый!

«Вот тебе и спокойная и рассудительная девчонка!» — только и смог подумать Михаил, хотя, глядя на нее, он и сам уж начал улыбаться этой детской непосредственности. Что на уме — то и на языке... Не то, что всякие стервы, с которыми никогда непонятно, чего они хотят. Хотя нет, как раз понятно... Те хотят поиметь с тебя побольше выгоды, манипулируя твоими же чувствами. Как та же недоброй памяти Ленка...

— А ты хочешь в Москву? — ради интереса спросил Михаил.

— В Москву? — удивленно произнесла Вика. — Я была там... Красиво, конечно.

Метро, сталинские высокие, Кремль, ВДНХ... Только сейчас же и не посмотришь там ничего особо! Все снегом почище чем у нас завалено.

— А насовсем если? — поинтересовался Михаил.

— Насовсем? — аж вздрогнула девушка. — Нет, конечно! Туда приезжаешь... Бешеный город! Все куда-то бегут, несутся... Машин уйма, шум... Я вообще не представляю, как там люди живут! Да и зачем мне Москва? Тут моя родина, мой дом, мои родные...

«Ну надеюсь, что меня по какой-нибудь причине в Москву не отправят!» — только и смог подумать Михаил. В столице-то он бывал и в прошлой жизни, и в этой... В этой, кстати, Москва казалась куда меньше — да и, похоже, так и было на самом деле. Не было в этом мире таких привилегий для столиц, что в той реальности начались в хрущевские времена, так что и желающих туда ехать было гораздо меньше. Но вот именно это ощущение «бешеного города» — оно было и там, и тут... «А ведь метко как сказано!» — подумал вдруг Михаил. Вот только он явно обратил на себя внимание властной верхушки — а потому теперь нельзя было быть ни в чем уверенным.

За ужином с ними была и Квета, все же для родителей Михаила она практически «третьей дочкой» стала, хотя теперь после рождения дочки она проводила с ними куда меньше времени. Не до того особо было! Впрочем, с ее возвращения домой и прошла-то всего неделя... Тогда по возвращению ее буквально обступила вся их семья — всем, особенно Аньке с Викой, хотелось посмотреть на дочку Кветы, старшая сестра Михаила даже чуть не расплакалась...

— Ты чего? — глядя на нее, удивился тогда Михаил.

— Тоже хочу, — смущенно улыбнулась Аня. — Только какие ж теперь дети... Долгая зима на дворе!

— Знаете, даже жутко как-то было, — заметила вдруг Квета. — Привезли меня в роддом, а там кругом пустые палаты... Словно вымерли все! Говорили еще, что четвертый роддом уже закрыли и, того и гляди, за ним и третий последует.

— «Советское правительство и коммунистическая партия рекомендуют воздержаться от рождения детей до окончания Особого периода», — процитировала слова из какой-то статьи Вика. — Хотя и без этого... Куда уж тут!

— Угу, — произнесла Анька.

Но это уж тоже в прошлом... И, как ни странно, Михаил как-то особо не морочил голову на этот счет. Все же они пока студенты еще — тут выучиться надо, работу найти, а уж потом о детях задумываться. В той реальности первый его ребенок аж в 1978 году родился, когда ему самому было двадцать девять лет. Ну а падение рождаемости в целом по стране — оно ожидаемо... Когда на улицах морозы за сорок градусов, когда нет и не предвидится нормального питания, когда кругом авитаминозы и целая куча заболеваний от все того же неправильного питания — какие тут дети? Чтобы они с самого детства росли больными? Да и вообще — как по тем же поликлиникам ходить по морозу в сорок, а то и пятьдесят во многих районах страны, градусов? Или даже в шестьдесят... А большинство людей все же привыкли заботиться о своих детях куда больше, чем о «себе любимых». Так уж оно от природы дано! Но сейчас разговор шел не о том...

— В самую Москву вызывают? — была тоже удивлена Квета.

— Ага, — подтвердил Михаил. — В министерство сельского хозяйства.

Вообще, как он понял, увидеть его желали не только там. Но он решил ограничиться на этом... А так его вон, вроде, еще и электронщики хотят видеть — он же тут выдал

практически революционную для этого времени концепцию микропроцессоров и микроконтроллеров. Насколько он знал, первый такой создадут лишь лет через пять... Хотя и тут в СССР оно вряд ли быстрее будет. Пока все продумают, разработают... А тут еще и, будь она неладна, Долгая зима!

А вот Квета теперь вдруг поняла, почему Михаила записали в «ценные кадры». Уж если простого студента вызывают аж в министерство сельского хозяйства — значит, оно явно неспроста... И, с одной стороны, это было интересно. Чем же он обратил на себя внимание правительства? А с другой — она не знала, стоит ли лезть в подобные дела. Вдруг тут какая-нибудь государственная тайна кроется? Хотя сельское хозяйство... Вряд ли! Так почему бы и не спросить тогда?

— Да предложил пару новых образцов сельхозтехники создать, — ответил на вопрос девушки Михаил. — Посмотрел я, как у нас в колхозах работают — вот и подумалось... Там же ведь просто все! Но почему-то пока не додумались до такого...

— Ну да, сельское хозяйство сейчас дело важнейшее, — задумчиво произнесла Квета.

Мысли девушки вдруг вернулись к ее родным... Отец с матерью, брат с сестрой... Как они там? Выжили ли тогда, во время гражданской войны? Пережили ли зиму? Увы, вряд ли она когда-то про это узнает... Как вряд ли узнает и про дальнейшую судьбу Василия. Единственное, что она могла сделать — так это назвать в честь него их дочку. Которую он никогда и не увидит... Помнится, они обсуждали с ним дальнейшие планы — и тогда Василий высказывался за то, чтобы с небольшой группой знакомых выбраться из города на запад страны и создать там небольшую общину... Про знакомство с представителями мафии парень ей все же ничего не говорил.

— Что-то оттуда предложил? — уже потом, когда они вдвоем вышли на улицу почистить снег, спросил у Михаила батя.

— Да, — согласился парень. — Оттуда... Хотя, честно говоря, мне сложно тут советовать. Мои основные знания — они по СВЧ-электронике, с ней я половину жизни работал. Это уж потом на... эээ... кулака работать пришлось.

— Что ж у вас за мир там такой? — вздохнул Василий Петрович. — Снова капитализм, снова кулаки с буржуями...

— За то тут — Долгая зима, — грустно усмехнулся Михаил.

И каковы еще будут ее итоги? В мире вон всюю полыхают войны, разгораются эпидемии... Впрочем, на том их разговор и закончился... В последующие несколько дней никто из них больше не возвращался к этой теме. А потом пришло и заказное письма — целая папка с документами! Причем, на самую разную тематику, хоть в первую очередь и в плане сельского хозяйства. Желто-коричневые листы светокопий различных отчетов, докладов, технических описаний... Так что вновь пришлось оторваться от учебы, посвятив практически все время выполнению «правительственного задания».

Ну и что тут Михаил придумает? Правда, вопросы в основном по технической части — все же он, по последнему письму, именно по технической части основные предложения выдвигал, вот и выводы в руководстве страны сделали аналогичны, что у него именно в таком плане «таланты». И Михаил принялся вспоминать, что же он может из будущего вспомнить... Вот, например, один из вопросов — «механизация и автоматизация тепличных комплексов». И к нему ГОСТ на те самые теплицы, что они строили прошлого года, типовая конструкция и планировка, технология выращивания различных культур в них. Или вот еще — механизация сбора пшенично-пырейного гибрида номер такой-то при выращивании в

открытом грунте... Судя по всему, ему просто прислали те вопросы, по которым решили, что «со стороны виднее». Вдруг, как с тем же пневмозернотранспортером, студенту придет в голову что-нибудь такое, на что академики не обратят внимания из-за «замылившихся глаз»? Что-то такое простое, что почему-то никому не пришло в голову?

Ну и что тут Михаил придумает? По теплицам еще что-то можно — во всяком случае, он вспомнил, что слышал про теплицы и гидропонику с компьютеризированным контролем за различными важными для растений параметрами среды вроде температуры, влажности, освещенности и всего прочего... Можно, по идее, добавить к этому различные манипуляторы, своеобразный аналог посевных или уборочных машин, системы внесения удобрений, но по силам ли будет изготовить такие устройства нынешним электронике и машиностроению?

Второй вопрос был еще «интереснее»... Про пшенично-пырейные гибриды в прошлой жизни Михаил и вовсе не слышал — и, судя по прошлогодней уборочной, понятно почему. Кому нафиг нужна культура, которую не убережешь комбайном? Вот только условия переменились! Судя по информации из отчетов, за прошлый год урожайность этого самого «пшенично-пырейного гибрида номер такой-то (их, впрочем, было несколько)» составила от восьми до пятнадцати центнеров с гектара — и это в тех областях, где пшеница и вовсе не вызрела бы. По данным же исследований прошлых лет их урожайность была в среднем вдвое выше, чем у современных сортов пшеницы. Кроме того, пшенично-пырейный гибрид можно не только засеять зерном, но и разводить делением куста, что позволило в этом году быстро нарастить посевные площади несмотря на достаточно небольшое количество имевшегося посевного материала. Так что выращивание данного гибрида стало считаться вопросом стратегической важности вот только сколько не чесали в затылках ученые, а придумать способ его механизированной уборки не получалось. Селекционеры обещали вывести сорт с высоким колосом, но это не быстрое дело. А вручную, серпами... Где столько людей взять? Ну это если говорить по-простому, без официальных формулировок вроде «недостатка рабочей силы для проведения сельскохозяйственных работ», «отсутствия технической возможности обеспечить механизированную уборку урожая» и «необходимости привлечения городского населения для проведения уборочной»... Вот только тут и Михаил спасовал... Что он тут придумает-то? Особенно с учетом того, что он и вовсе ничего не придумывал, а лишь заимствовал известные ему изобретения? А ведь упоминалось еще и про то, что этот пшенично-пырейный гибрид «является перспективной культурой для выращивания в условиях теплиц и комплексов беспочвенного сельского хозяйства».

Впрочем, помимо этого, были и вопросы относительно промышленности. Заикнулся про средства автоматизации производства? Ну, значит, валяй свои предложения! Как говорится, инициатива наказуема ее исполнением. И тут в первую очередь вспоминались системы ЧПУ и роботизированные сборочные линии, которые он видел по телевизору. Ну да с ЧПУ все ясно! Тут достаточно подать идею — а уж дальше инженеры с соответствующих заводов сами решат, как приладить к станку их. Посложнее было с роботизированными линиями (хотя их Михаил назвал просто автоматизированными). Тут уж пришлось зарисовать эскизы и примерно описать, как он представляет себе работу подобных систем... Вроде того, как манипулятор будет определять, что куда поставить или прикрутить. Как хорошо все же, что даже в 90-е он продолжал интересоваться технологиями машиностроения — пусть оно и не совсем из его области деятельности. Сам-то Михаил работал изначально в приборостроении — можно сказать, на переднем краю технического прогресса... До развала

СССР они выпускали без преувеличения лучшие в мире СВЧ-приборы — хотя с тех пор, как говорили товарищи в последние годы, и развитие остановилось, и качество резко упало. Уже в конце 90-х завод не мог повторить некоторые выпускавшиеся всего несколько лет назад образцы приборов из-за упавшего качества материалов и уволившихся специалистов, а по многим другим темам резко упал процент выхода! Впрочем, этим он потом уж, на заводе, займется... С опытом прошлой жизни он может очень прилично ускорить развитие СВЧ-электроники. Если, конечно, она еще будет кому-то нужна с учетом того, что Холодная война явно заканчивается. Космос разве что...

Кстати, осенью прошлого года после длительного перерыва СССР вновь запустил в космос ракету — с, как говорили по радио, спутником метеорологического назначения. Хотя почему-то Михаил был уверен, что назначение там двойное. Не только за погодой следить, но и посмотреть, что вообще в мире происходит. А, может быть, и нет... Кроме того, тогда сообщили и о том, что приостановлены работы над сверхтяжелой ракетой УР-700 и всеми остальными элементами советской лунной программы. Можно сказать, СССР впервые напрямую, а не в расплывчатых формулировках вроде «пилотируемый полет на Луну является делом ближайшего будущего», признал наличие в стране таковой программы. Ну да, раньше-то все было просто... Полетим первыми на Луну — честь и хвала советским космонавтам, инженерам и рабочим, всем тем, кто сделал этот полет возможным! Опередают американцы — всегда можно сказать, что не больно-то оно и надо было, «СССР не гонится за рекордами ради рекорда». Но вот сейчас разработаем проект лунной базы — и вот тогда уж как полетим! Теперь все это уже не имело значения... Так почему бы не показать фотографию прототипа ракеты, не рассказать про имевшиеся планы дабы у людей было чувство гордости за свою страну?

Впрочем, ракеты — это сейчас тоже не в тему... Пусть даже то, что в этой реальности отдали приоритет не королевской Н-1, а челомеевской УР-700, было весьма любопытным фактом, но сейчас оно не имело уж никакого значения. Да и не спрашивали у него ничего про космонавтику — и вряд ли спросят. Какой тут к чертям собачьим космос?

Так и прошло время до самого марта, когда ему велено было явиться в Москву... Почти все свободное время за письменным столом да в научной библиотеке, где он искал различные материалы! Но вот уж и пришла пора ехать... Собирали его родители с женой словно за Полярный круг... Одежка потеплее — в Москве ж морозы за сорок! И с запасом, да побольше! Запасы еды, чтобы было чем питаться в поезде. Десять раз все проверить-перепроверить — вдруг что-нибудь понадобится в дороге, а его не будет? Но вот и пришла пора прощаться — и, поцеловав его на дорогу, Вика распрощалась, она его до самого вокзала провожала.

— Возвращайся поскорее, — тихо произнесла девушка. — Береги себя! И что бы не случилось — знай, что я тебя люблю...

— Ну что со мной случится? — пожал плечами Михаил. — Ничего не бойся, Вик! И я тебя тоже люблю...

«Вот и еще одно веяние нового времени!» — глядя вслед жене, подумал парень. Что такое поездка в ту же Москву раньше? Да ничего такого! Рядовое событие... Уехал, приехал — ничего такого! Но это в обычное время, когда люди уверены, что ничего плохого случиться не может, что завтра, послезавтра или даже через неделю будет такой же день, как сегодня. И совсем другое дело — Долгая зима, когда ни у кого нет уверенности в завтрашнем дне. Когда не знаешь, будет ли оно у тебя, это «завтра»...

Поезд тоже был весьма непривычным... Ровно три плацкартных пассажирских вагона с маневровым тепловозом! Закрытые двери тамбуров, которые теперь проводники открывают лишь чтобы выпустить или впустить пассажиров. И вот уже, заняв свое место, Михаил ждет отправления — и вскоре оно и впрямь произошло. Свисток тепловоза — и вот уже поезд плавно трогается в путь...

Интерлюдия

Еще недавно тут жило больше двадцати тысяч жителей — но сейчас население не дотягивало и до пяти, и это с учетом прибывших эмигрантов из России и восточноевропейских стран. Когда-то здесь была пара заводов, но теперь они надежно стояли, глядя на улицу пустыми глазницами окон и выломанных дверей, а в цехах посреди снежных сугробов стояли заржавевшие станки... Окна какие и уцелели после землетрясения, то вскоре растащили для домов местных жителей, а двери и буквально все, что только могло гореть, исчезло в печах местных жителей в первую зиму. И только станки оказались никому не нужными — электричества все равно не было.

Впрочем, их шеф чуть ли не в первые дни их пребывания в городе побывал в цехах и заявил, что надо будет восстановить производство. Не то, конечно, что было раньше — а то, что может потребоваться для собственных нужд или торговли с соседями. Тогда по поручению шефа Василий разыскал среди оставшихся местных жителей и эмигрантов нескольких инженеров и рабочих — и им было велено сделать на базе бывшего завода ремонтные мастерские. Теперь тут на регулярной основе работала два десятка человек, а еще полсотни привлекали по мере необходимости. Впрочем, это можно было называть лишь подобием жизни... Генератора, который они нашли в одной из вылазок, хватало на одновременную работу максимум пары станков, только к нему еще топливо нужно было! Но тут кто-то вспомнил про газогенераторы — и прямо тут же один такой и сделали. И теперь после рейдов они возвращались именно сюда... Тем более, что в одном из цехов еще летом забили деревянными щитами окна и установили печку — чтобы зимой техника не промерзала до такой степени, что ее фиг заведешь. Все же хоть в США климат и теплее, чем в СССР, но в прошлую зиму и тут температура опускалась до сорока градусов мороза, а короткого лета с трудом хватило чтобы вырастить кое-какие овощи чтобы не помереть с голоду. Правда, рыбу еще массово ловили и сушили да что-то в рейдах удалось найти или захватить у сектантов... И сейчас «мафиози» питались куда лучше и сытнее, чем те же граждане СССР! Правда, это было из той серии, что одни ели мясо, а другие капусту — в то время как в Советском Союзе ели голубцы. И, думаете, капусту ели сами «мафиози»?

— А неплохо награбили! — составляя опись захваченного у сектантов, ухмылялся «учетчик» из особо доверенных людей господина Пальцева. — Шеф будет доволен!

Как обычно, он даже не пытался прикрывать их набеги под «реквизиции» и «конфискацию имущества преступников», как то обычно делал сам самозванный мэром города. Который он, долго не раздумывая, переименовал в часть себя любимого — Пальцевск.

— Мы постарались, — изображая самодовольную ухмылку, ответил Василий.

Как же его бесила эта показушность! Но с волками жить — по-волчьи выть... Отчасти успокаивало лишь то, что он говорил себе, что они фактически карают всяких уродов — сектантов, людоедов, беспринципных бандитов, готовых убить соседа за банку тушенки... А еще вспоминал про освобожденную от людоедов девчонку, которую фактически отдали ему на попечении. Дескать, если уж так жалко — сам о ней и заботься. А нет — так пусть идет на все четыре стороны... И эти впечатления как-то примеряли со сложившейся реальностью и той социальной ролью, что он нынче исполнял. Ну разве неправильно казнить тех же ублюдочных сектантов? А что попутно забрали все их запасы — так не пропадать же добру,

когда у них у самих в городе голодают?

А набрали они и впрямь неплохо! Можно сказать, целый склад бомбанули... Так что сейчас начнут делить. Как обычно, половина шефу, а дальше по частям. Три ему, две его «начштаба», как про себя называл Василий этого мужика-разведчика, с кем они обычно планировали налеты, и по одной доле остальным... «Силы самообороны города Пальцевска!» Даже смешно становилось при таком названии их банды — но спорить с шефом Василий, конечно, не собирался. Одному в любом случае будет хуже... Даже если каким-то чудом сумеет выжить и не попасться в лапы каких-нибудь уродов.

Когда закончилась опись и дележка награбленного, Василий вышел из цеха и отправился домой. На улице уже было темно и городок практически уснул, но в центре как обычно было достаточно шумно. Вернувшиеся из рейдов «бригады» отмечали возвращение! В здании одного из бывших клубов ярко горел свет и гремела музыка — на исходе лета кто-то притащил сюда небольшой ветряк, электричество от которого днем подавали в «резиденцию» шефа, а по ночам — вот сюда. Что сейчас происходит внутри — можно было даже не гадать... Вовсю разливаются вина и виски, курят кальян, обжираются тем, что получили в качестве своей доли или меняются добычей с другими. И, наверно, нигде в городе не найдешь большего разнообразия блюд! Ну и, конечно, женщины... Как несколько «профессиональных проституток», жившие за счет того, что им давали из своей доли добычи «мафиози», так и обычные местные или эмигрантские женщины и девушки, пришедшие сюда «подцепить» не сильно противного им паренька на ночь — чаще всего за плату в виде некоторого количества продуктов или чего-нибудь еще болезного в быту. Обычная, мать их, практика в нынешнее время!

Дома его, как обычно, ждала соседка — дочка какого-то белоэмигранта, женщина лет сорока, с которой он договорился чтобы та в его отсутствие приглядывала за «Найденкой», как он прозвал ту девушку, что они освободили от людоедов. Ну а за небольшую плату в виде продуктов для ее детей Антонина Федоровна была только рада помочь!

— Ну как там она? — буквально с порога спросил Василий.

— Да как обычно, — вздохнула соседка. — Сейчас вон спать уложила, а так сидит и сидит... Не скажешь ничего — так весь день с постели не сойдет, даже есть не будет.

— Понятно, — кивнул в ответ парень.

— А можно вопрос, Василий Васильевич? — как обычно подчеркнуто уважительно спросила Антонина Федоровна.

— Ну?

— Почему вы с ней нянчитесь? — спросила Антонина Федоровна. — Смотрю я на вас и удивляюсь даже. Тут вон и обычные люди в большинстве своем нынче вряд ли стали бы на себя лишний рот брать, а вы же... эээ...

— ...бандит? — закончил фразу Василий.

— Я не это имело в виду! — мгновенно побледнела женщина.

— Да можете говорить что думаете, — грустно усмехнулся бандит. — Бандит и есть, я и сам это прекрасно понимаю. Только хочется, знаете ли, человеком остаться. А выгнать ее на улицу — все равно что убить... Может быть, даже еще более жестоко.

Когда Антонина Федоровна ушла, Василий зашел в кухню, где вытащил с полки банку тушенки и бутылку виски... Хотелось взять и сдохнуть, просто чтобы не видеть всего того ужаса, что кругом творится! А что? Так просто все ведь! Пистолет вон у тебя в кармане, так что может быть проще? Вот только поступить так — это в нынешних условиях будет просто

трусостью, проявлением слабости. Пока жив — борись... Так всегда говорил ему батя — и сейчас оно было как нельзя более актуально. Покончить с собой — значит, фактически подвести тех, кто так или иначе на тебя надеется. В конце концов, это он предложил шефу всю эту идею с переселением. А, значит, несет ответственность за всех тех людей, что пришли сюда с ним вместе, пусть даже для большинства из них это было всего лишь последней жалкой надеждой среди полной безнадежности. И какое он имеет права подвести их? Особенно с учетом того, что чем меньше будет таких как он, тем больше станет откровенного бандитского сброда. Он ж несет ответственность и за эту вон девушку, кого они освободили из плена. И если он помрет, то смерть неминуемо ждет и ее. Так что не имеешь ты, Васька, права умереть! Ведь каким бы ты не был, но в какой-то мере ты дал людям надежду — пусть даже и совсем уж слабенькую и жалкую, но если ты убьешь и ее — за такое и обещанных верующими адских котлов будет мало!

— Как же сейчас в Светском Союзе? — уже изрядно «приняв на грудь», вслух спросил Василий.

Мысли вновь вернулись к Квете, к его родным и знакомым в СССР... Как там они? Живы, здоровы? Как вообще идут дела в стране? Странно, но за последнее время он как-то совершенно разочаровался в самой эмигрантской идее... И уж, тем более, не мог даже догадываться о том, что где-то в параллельной реальности все кончилось тем, что он плотно затесался в диссидентскую среду, всю ругал советскую власть, мечтал о том, что будет при «свободе»... А когда оно все же случилось и страна рухнула — его прокляли собственные родители и оставшиеся без работы и средств к существованию братья с сестрами. А сам он в итоге спился и опустился на дно общества, и в своих пьяных откровениях регулярно ругал диссидентов и говорил о том, каким же он был идиотом. Даже говорил о том, что случись ему вот сейчас прожить жизнь заново — перестрелял бы всех уродов!

На следующий день, пока никаких новых рейдов не планировалось, Василий решил все же отпраздновать Новый год, а какой новогодний праздник без елки? Так что, прогулявшись в недалекий лесок, он спилил там небольшую сосну и притащил домой. Пусть кое-кто и будет ржать над ним, они-то привыкли отмечать праздники с бабами и водкой, ну да ему плевать. Что там еще? Игрушки нужны? Видел, вроде, где-то в доме... Тут, правда, не новый год праздновали, а Рождество, но для Василия оно было как-то пофиг.

— Пошли есть, — придя домой и кинув елку перед входом, Василий разделся и зашел в комнату, где была его «Найденка».

Ну а что, и впрямь ведь проголодался... Да и она без него по-любому ничего не ела. Что только делать с ней-то? Хотя когда он напрямую ей говорит что-то сделать — делает. Всегда абсолютно равнодушно, без всяких эмоций, но как-то все же воспринимает услышанное, значит?

Опять банка консервов с макаронами — ну а что еще жрать-то? Кстати, добыча последней, как говорит шеф, «конфискации», от тех самых ублюдочных сектантов. Почему кругом развелось там много всякой сволочи? Тут и сектанты, причем не только «Церкви Апокалипсиса», и людоеды, и различные банды, и чудики вроде ставших практически «безлошадными» байкеров или представителей еще каких-то неформалов, считавших всех, кто не принадлежит к их движению, чужими, по отношению к которым можно вести себя как вздумается. Кое-где вон и рабство уж всю процветает... А еще недавно появились и отмороженные на всю голову индейские банды — их представители заявляли, что сами духи земли прогневались на американцев, уничтожив их страну. И теперь они должны освободить

родные земли от всех «бледнолицых» — ибо такова воля духов предков. И их священная война закончится лишь тогда, когда от моря и до моря не останется ни одного ненавистного захватчика!

Впрочем, были и относительно нормальные поселения — таковым по нынешним меркам считался и их город. Где жили хоть по каким-то законам, а не творили полный беспредел. Кое-где порядок сохранялся все это время, где-то местные жители смогли самоорганизоваться и навести порядок... С такими шла даже небольшая меновая торговля. Вон недавно, например, к ним приходил целый караван — меняли рыбу на какие-то лекарства и топливо для вездеходиков.

После то ли позднего завтрака, то ли раннего обеда Василий принялся ставить и наряжать елку, выбрав для того место поудобнее и все вспоминая Новый год в СССР. Интересно, отмечают ли его сейчас? Впрочем, ему этого теперь не узнать... Ну да он уж тут отметит — вот оно, преимущество «бригадира сим самообороны»! В свободное от рейдов время делай что хочешь! Ну если только шеф или его приближенные не прикажут что-нибудь. А вот остальным приходится работать — для них для всех распределили «повинности». Снег там чистить, работать грузчиками или там, например, механиками... Хотя сейчас, зимой, и остальных тоже не так уж много работы — не то что летом, когда буквально не вылезали из огородов. Ведь мало того, что самим прокормиться надо, так еще и «налог на защиту» изволь заплатить!

— Колючая, — вдруг тихо произнес кто-то рядом.

— А, что? — чуть не подпрыгнув от неожиданности, произнес Василий. Он уже как-то привык, что в доме говорить нечего.

— Рождественское дерево, — произнес голос рядом.

Оглянувшись, Василий с удивлением увидел, что «Найденка» стоит неподалеку от него и чуть ли гладит веточку сосны...

— Елка?

— Мы с мамой, папой и братом каждый год Рождество отмечали, — тихо произнесла девушка. — Наряжали рождественское дерево... А теперь их... нет! Их... съели!!! А я... жива... Зачем???

— Ну а зачем мы все живем? — подойдя поближе, ответил Василий. — Чтобы жить, чтобы бороться...

— Зачем? — тихо произнесла девушка, а из глаз у нее буквально брызнули слезы. — Как жить когда при мне... съели... моих родных! Когда мне... кости кидали! На... поешь, говорят, своего брата! Я не могла и смотреть... А они смеются!

Честно говоря, Василий и не знал, что ему делать... С одной стороны, что она хоть заговорила — и то хорошо. Но... Что он ей скажет? Как утешит, как поможет? Да и что можно сказать человеку, при котором какие-то ублюдки сожрали его же родных? Что? Даже слов не находилось... Говорить, что успокойся, все хорошо же кончилось? А можно ли считать это хорошим концом? Обещать, что больше такого не повторится? А разве оно может повториться? Она уж и так пережила такое, что и не знаешь, что сказать еще... Так что разве что дать ей выплакаться... Вдруг хоть немного полегче станет? Хотя и в этом Василий был не уверен.

— А как нажрут... — сквозь слезы продолжила девушка, — приходят меня насиловать... Я сначала кричала, отбивалась, кусалась... Но им... все равно! Они... смеются! Им смешно! Понимаешь — смешно! А потом... я перестала быть собой... Я — этс

не я... Как мне дальше жить? Зачем?

— В каком смысле ты — это не ты? — почему-то выцепив из ее слов именно эту фразу, спросил Василий.

— Я... не знаю, — все также тихо ответила «Найденка». — Я все вижу, слышу... Но он словно не со мной все! Я вижу, слышу... Но ничего не чувствую!

А ведь, кажется, слышал он про что-то подобное... Только относительно тех людей, кто был или на фронте контужен, или в какую-нибудь катастрофу попал. Правда, вспомнить хоть какие-то подробности про такое явление не получалось — не интересовался никогда Василий такими вопросами. Он ведь и вовсе не психолог какой-нибудь чтобы в таком разбираться. Но сейчас же она пришла в себя? Или нет? А вдруг она сейчас решит с собой покончить? Твою ж... Он ведь вообще нифига не знает!

— А сейчас как? — единственное, что смог спросить Василий.

— Сейчас я — это я, — произнесла девушка, и снова разревелась. — Только зачем мне все дальше жить? Как жить, помня все это? Я не хочу! Хочу к маме с папой!

— Не знаю, — честно ответил парень. — Но жить надо... Подумай хоть о своих родителях. Они же дали тебе жизнь, любили тебя, хотели, чтобы ты была живой, здоровой и счастливой?

— Любили... Но их нет!

— Тем более, — серьезно ответил Василий. — Они погибли, но ты жива... И если ты тоже решишь умереть — ты предашь их, предашь их память... Разве они этого заслужили? Думаешь, они такого тебе желали?

— Н-н-нет... — только и смогла ответить девушка.

Ну и что ему теперь дальше-то с ней делать? Что? Внезапно Василия охватила ярость! Будь прокляты те, кто провел все испытание! Те, кто вообще изобрел атомную бомбу! Все физики-ядерщики всего мира! Ведь это все из-за них! Из-за того, что они изобрели проклятую Бомбу! Не будь ее — как хорошо жилось бы всем! Уж тогда точно не было бы никаких ядерных испытаний, ни извергался бы проклятый Лонг-Вэлли, не было бы всех последующих событий... Доведись ему сейчас попасть в прошлое, куда-нибудь в начало века — и он бы, несомненно, посвятил всю свою жизнь одному-единственному делу. Уничтожению всех физиков-ядерщиков, всех, кто хоть пытается вести исследования в этом направлении! Чтобы никто и никогда не создал эту дрянь, чтобы никому не довелось увидеть и пережить такого, что случилось вот с этой девчонкой и тысячами, миллионами других людей! Увы, о таком можно было бы лишь мечтать, но не более того... А еще Василий был уверен, что даже если бы он уничтожил всех физиков-ядерщиков, то на смену им пришли бы другие. И они все равно создали бы проклятую Бомбу! И все равно взорвали бы какой-нибудь гигантский вулкан... И все бы все равно повторилось! Историю изменить нельзя — просто потому, что она обусловлена объективными законами развития общества, а не ролью отдельной личности в истории.

— Пошли чаю поьем, — обращаясь к девушке, произнес Василий. — И как тебя звать-то хоть, чудо рыжее?

— Мелисса, — ответила девушка. — Мелисса Уильямс...

— Мелисса? У нас в России трава есть с таким названием, — удивленно произнес Василий. — Ее в чай добавляют для запаха... А я Василий, можно — Вася...

— Ты русский? — удивленно произнесла девушка.

— Ага, — подтвердил парень. — Из СССР...

— Советский Союз, Иосиф Сталин, колхоз, коммунизм? — произнесла эти слова по-русски девушка с таким забавным акцентом, что он не выдержал и рассмеялся.

— Ну да... Советский Союз, Иосиф Сталин и так далее, — ответил он.

Как ни странно, но невольно у Василия получилось то, чего он не представлял как добиться специально. Отвлечь хоть на время девушку от своих переживаний — ведь он оказался тем странным и загадочным русским, про которых она слышала столько самых разных диких слухов. И про их GULAG, и про Сталина с Пономаренко, и про советские ракеты и многое другое... А уж сколько их ругали и ее родители знакомые, говорили про то, что там всю притесняют церковь и вообще построили чуть ли не антихристово царство.

В то время, как кругом росло движение хиппи, панков, байкеров и всяких прочих субкультур, когда всю раскручивалась идея сексуальной революции, родной поселок Мелиссы оставался своеобразным патриархальным медвежьим углом, где на подобные тенденции смотрели с откровенной неприязнью, чуть ли не как на проявления сатанизма. Сами-то они были «добрыми католиками»! С откровенной неприязнью относились у них и к СССР и коммунизму... А уж русских Мелисса до того видала лишь в фильмах вроде «Вторжения в США», «Маньчжурского кандидата» или «Красного ужаса». Последний им даже в школе показывали! Казалось бы, она должна бояться и ненавидеть русских больше всяких сектантов с людоедами! Вдруг вот этот сидящий напротив парень сейчас начнет ее пытаться или насиловать?

Вот только сейчас почему-то она смотрела на самого настоящего русского из СССР, но почему-то вызвать в себе ненависть к нему не получалось. И даже страха перед ним не было! Может быть, уже просто разучилась бояться? Или после тех людоедов он не выглядел страшным? Или... Мало ли их может быть, этих «или»? А вот те людоеды... Один из них так и вовсе был ее одноклассником!

— За что Бог наказал нас? — тихо произнесла девушка.

— Не знаю, — пожал плечами Василий. — Я атеист и в Бога не верю... Но даже если он и существует, то вряд ли вмешивается в наши дела. Так что извержение... Мы, люди, устроили его сами, — усмехнулся парень.

— А расскажи про Советский Союз? — вдруг спросила Мелисса.

Откровенно говоря, ей сейчас было все равно, о чем говорить... Лишь бы отвлечься от воспоминаний, лишь бы не думать! Хотя бы попытаться выкинуть из головы навязчивую мысль о самоубийстве и дать себе время на то, чтобы хотя бы попытаться придумать себе какую-то цель, какой-то смысл жизни. Что-то, что даст силы жить дальше. Пусть ей и не хотелось жить дальше и ее вряд ли остановил бы даже страх перед адскими муками, но родители... Ведь прав этот русский!

А Василий принялся рассказывать про жизнь в СССР — стараясь вспоминать лишь хорошее и уже даже не замечая плохого. И теперь уже виня во всем произошедшем лишь самого себя. Ну как он, со своим пролетарским происхождением, мог пойти на поводу у уродов-антисоветчиков? И постепенно он даже увлекся своим рассказом, а девушка лишь сидела и молча слушала его, пытаясь представить себе странную страну за океаном. Про то, как живут в СССР и во что верят, чего добиваются люди — и про самовлюбленных идиотов диссидентов. Рассказывал какие-то забавные истории из жизни и из своей армейской службы — а там-то всякого хватало. И пусть многое из рассказанного Василием казалось девушке странным и непонятным, но она не перебивала. И в какой-то момент ей вдруг даже захотелось самой хоть одним глазком взглянуть на этот СССР, на то, какие же они —

настоящие, а не киношные, коммунисты... Может быть, не такие уж они и страшные, как она привыкла думать?

За этим разговором, где Мелисса больше слушала, чем говорила сама, пролетело часа два или три прежде, чем их прервали. Прибежал посыльный от «мэра».

— Васек, тебя шеф зовет! — буквально с порогу ляпнул тот.

— Сейчас, — только и кивнул в ответ Василий.

— Уходишь? — когда посыльный вышел из дома, спросила у парня Мелисса.

— Угу... Шеф вызывает.

— Ну иди... И... возвращайся скорее!

— Я постараюсь, — ответил Василий. — Ты-то как? Глупостей без меня не натворишь?

— Нет, — покачала головой девушка. — Не бойся...

К некоторому удивлению она поняла, что ей и впрямь стало полегче... Во всяком случае, хвататься за нож или пистолет уже не тянуло. Пусть даже рассказанные Василием истории зачастую оказывались ей непонятны из-за разницы менталитета, но что-то в душе они все же затронули. Умирать вдруг расхотелось... Хотя и как жить дальше — она пока не определилась.

— Может, ужин сготовишь? — вдруг предложил Василий, решив занять ее хоть каким-то делом чтобы отвлечь от воспоминаний.

— Хорошо, — коротко кивнула Мелисса. — Сделаю...

Быстро собравшись, Василий отправился к шефу... Раз вызывает — значит, и впрямь что-то срочно понадобилось. А с шефом-то шутки плохи! Нрав у него крутой, за косяки может и дубиной прямо на месте избить, и пристрелить без всякого суда и следствия. Так что уже через десять минут он входил в его кабинет. Идя сюда, Василий почему-то думал о том, что окажется на каком-нибудь совещании. Как бы не так! Шеф в этот час был совершенно один — сидел за «рюмкой чая» за своим любимым столом...

— А, явился! Ну садись давай! — приказал шеф и буквально сразу продолжил. — Думаешь, зачем я тебя вызвал? За какой косяк спрашивать буду?

— Я не... — начал было Василий.

— И правильно думаешь! — не слушая ничего, продолжил шеф. — И правильно думаешь! Обычно по одному я именно для этого вызываю. А то ведь если другие бригадиры узнают, что я кому разнос учинил, так решат, что он теперь в немилость пал и можно от него и избавиться... Но нет, сейчас не в том дело.

— А в чем? — спросил Василий, раз уж шеф ждал от него этого вопроса.

— А вот в чем... Как думаешь, для чего это все я сделал?

— Не знаю, Аркадий Тимофеевич, — пожал плечами.

— Знать-то не знаешь, — согласился шеф. — Но понимаешь ведь, что не просто так я все так организовал? Вон на соседей посмотри... Тоже ведь кое-где мафия верх взяла! И что у них творится?

— Полный беспредел, людей за людей не считают...

— Вот в том-то при дело! — ухмыльнулся шеф. — А я установил законы и за их нарушение спрашиваю хоть с чужих, хоть со своих. А знаешь почему? А все просто!

И с этими словами Аркадий Тимофеевич начал рассказ своей истории, оказавшейся весьма любопытной. Хотя Василий и не был уверен, что все это не изрядно приукрашено, а то и откровенно перевернуто для создания удобной версии. Впрочем, и так были кое-какие интересные фактики... Например, то, что шеф выехал из СССР добровольно, даже честн

оплатив за пройденную до того учебу. Такой хоть и было разрешено, но практиковалось редко. В том числе и потому, что с уезжающего за границу требовали вернуть или оплатить все, что он получил от государства и не успел отработать. Например, учебу.

— Я же в СССР почти сразу после гражданской родился, — хлопнув рюмашку виски, произнес шеф. — Думал в детстве военным стать, летчиком аж! Да только знаешь же, что хромаю я? Думаешь, бандитская пуля?

— Ну вообще думал так, хотя после ваших слов засомневался, — ответил Василий.

— Ну да! — заржал в ответ шеф. — Я сам эту версию придумал и распространил. И самое смешное, сразу уважать начинают! Только все на деле проще... В пятнадцать лет мы с пацанами решили на мотоцикле покататься. Ну и угнали его! Да только управлять-то не умели, в овраг улетели! Пацанам-то все ничего, только родители ремня всыпали, а у меня три перелома, и срослись неправильно! Вот тебе и «бандитская пуля»! А из-за нее меня потом не то что в летчики — в добровольцы на фронт в начале войны не взяли!

— Но если вы на фронт даже...

— То как потом стал тем, кто я теперь? — усмехнулся шеф. — А просто все! Как с армией не получилось — пошел я на завод. Сначала слесарем там работал, потом техникум закончил, снабженцем стал. Вот только знаешь — не по мне такая жизнь была! Ходить каждый день на завод, работать за свои полторы тысячи... Хотелось большего! Ну вот и задумал я на запад уехать да дело свое завести! Не в артель вступить и не кустарем заделаться — а так, чтобы свой завод или фабрика! Только при Виссарионыче-то не уехать было, легально так уж точно. А тут Пономаренко, указ 59-го года... Ну вот подумал я и уехал!

— А потом оказалось, что не все так просто?

— Догадливый! — ухмыльнулся Аркадий Тимофеевич. — Чтобы в штатах что-то создать — надо или денег много иметь, или хорошие связи! Да только где же их взять? Тем более, что поделено давно тут все, сожрут чужака и не поморщатся!

— И тогда вы...

— Ага, — ухмыльнулся шеф. — У меня-то друзья всякие были... В том числе, из тех, кто от сидел недавно. Так что в этом обществе я легко своим стал... Но самое главное — я всегда продумывал все на десять шагов наперед! Потому и не только живой еще, но и смог собой нынешним стать.

— И что вы теперь хотите? — понял, что они подошли к главному вопросу, Василий.

— Создать свое государство! — ухмыльнулся шеф. — И этот город — это только начало! Ну что, согласен помочь в этом деле?

— Конечно! — согласился Василий, другого ответа явно и не подразумевалось.

— Тогда назначаю тебя своим вторым помощником! — заявил шеф, и только тут Василий понял, что тот лишь притворяется «поддатым», а не деле трезв как стеклышко. Ну и ну! Здорово он его за нос поводил!

— А если бы я не согласился? — все же поинтересовался Василий.

— Тогда бы ты не вышел отсюда, — ухмыльнулся шеф.

Наверное, еще никогда на памяти Михаила московский поезд не был таким медленным! Разве что во времена паровозов... и уж непонятно, что тут сказывалось — то ли использование маневрового локомотива, то ли ограничения на скорость движения на магистрали. За то почти не было стоянок — никто не менял локомотив до самой столицы, менялись только бригады. Так что времени наглядеться на Советский Союз Долгой зимы у Михаила было предостаточно...

Сплошные снежные просторы, казалось, терялись от края и до края — впрочем, нередко обзор закрывал настоящий снежный вал вдоль линии. Туда сваливали снег снегоочистители. Кое-где в низменных местах, где работали специальные снегоочистители, позволяющие расчищать пространство вдоль пути, вместо снесенных до того столбов со светофорами стояли новые — дальше от путей и гораздо выше, чтобы уж точно не завалило снежным валом!

А вот за Тамбовом довелось впервые и повидать в работе такого «монстрика». Небольшой и какой-то словно неуклюжий кузов с торчащей посреди крыши трубой, из которой летел сизый дым выхлопа дизеля, узкие окошки кабины, практически не видимые за снегом предупредительные надписи об опасности нахождения неподалеку от такого чудища... И, конечно, самое главное — снегоуборочный агрегат. Широкий «отвал», большая половина которого была не над самими рельсами, а справа от них. Безостановочно вращаясь, два шнека буквально перемалывали наваленные до того плужными снегоочистителями сугробы по бокам линии, а вентилятор с трубой выбрасывали это все в сторону — на расстояние до двадцати метров.

Сразу вспомнились прочитанные в газете характеристики такой милой машинки... «Снегоочиститель широкозахватный роторный СРШ-10 предназначен для уборки снежных заносов высотой до трех метров, очистки междупутий и прилегающей к железнодорожной линии полосы. Конструктивная скорость — 50 км/ч, рабочая скорость — от 5 до 15 км/ч в зависимости от глубины снежного покрова». Собственно говоря, последнее было той самой причиной, почему такие «монстрики» были не основной, а вспомогательной техникой. Они использовались лишь тогда, когда не годились обычные снегоочистители СДПМ. Например, если вдоль путей уже скопились такие сугробы, что им просто некуда отбрасывать новый снег — ну, если точнее, делалось оно превентивно. Преимущественно в те часы, когда железная дорога не слишком загружена. Хотя на некоторых второстепенных линиях с редким движением такая техника могла использоваться и в качестве основной... Там скорость движения зачастую не имела особого значения, а те же СДПМ и их самоходной версии и на главных направлениях с трудом хватало.

Но если такую технику Михаил уже и видал, пусть и не в работе, а на станции, то вот некоторые другие образцы прежде не попадались... Например, электровоз ВЛ10, в который вцепили дополнительную третью секцию с дизельным генератором, переоборудовав его в тепловоз. Такого сооружения Михаил точно никогда не видал. ВЛ10Д, так прозвали эту конструкцию. Но еще больше его удивила «двойная тэмка» — сцепка из двух переоборудованных под вагонную компоновку тепловозов ТЭМ2. И все это добро, как он смог рассмотреть при стоянке на станции рядом с таким локомотивом, было соединено электрокабелями. Значит, не просто сцепка — настоящая система многих единиц с единым

управлением! Впрочем, на то же явно указывало и название 2ТЭМ2... А использовавшиеся на станциях в качестве маневровых узкоколейные локомотивы ТУЗ с замененными тележками.

А потом вновь дорога по заснеженным просторам, идущие навстречу грузовые составы и пару раз попадавшиеся пассажирские поезда наподобие того, но чем он сам ехал. Три-четыре пассажирских вагона с маневровым локомотивом — зачастую даже не «ТЭМкой», а более слабым ТГМ1. Да, не популярны нынче стали пассажирские перевозки. Хотя и впрямь — куда ехать-то особо? Только по делам да разве что иногородним студентам дают пропуск на поезд выходного дня, но это зачастую оказывается грузопассажирский состав.

Еду в поезде раздавали тоже по карточкам — прямо на месте и ставя отметку о получении. Впрочем, на этот счет Михаила предупреждали заранее. А вот что еще оказалось интересно — так это система вентиляции с подачей подогретого воздуха. Умно придумано ведь! Вагон проветривать надо, но если открывать окна, двери или просто обычным воздухом — тут все померзнут! Так что поставили систему подогрева...

Попутчиками Михаила в этой поездке оказались три каких-то не больно-то разговорчивых мужика... Один с бывшего авиационного, а ныне моторного, завода и пара с Техстекла. И если первый ехал в командировку на ЗиС, то двое других — в министерство. Вроде как собирались обсуждать что-то на счет строительства экспериментальной установки по производству стекла по технологии двухстадийного формования формования стекла ЭПКС-4000. Ради интереса Михаил поинтересовался у них на счет того, что же это за технология. И, как оказалось, в более поздние годы он про нее уже слышал, хоть и без технических подробностей. Всего лишь получение стекла в ванне с расплавленным оловом.

— В 66-м году у нас в институте запустили три экспериментальных установки для того, чтобы определиться с оптимальным вариантом техпроцесса, — объяснил один из мужиков. — Вообще это были чисто экспериментальные установки... Никто и не думал использовать их в серийном производстве, хотя по факту используем. Стекла в стране еще долго дефицит будет.

— За то, можно сказать, набрали в разы больше материала для работы, чем планировалось, практически отладили технологию, — усмехнулся второй.

— Это да, — согласился с ним первый. — В принципе, мы сейчас можем сразу по нескольким вариантам пойти... Но суть не в этом. Наш НИИ разработал проект опытно-промышленной установки ЭПКС-4000, на которой должны окончательно отладить технологию чтобы перейти к проектированию полноценной поточной линии. Но для этого надо чтобы министерство подписало выделение материалов на ее постройку.

Совсем уж попутно Михаил узнал и о положении дел в стекольной промышленности... Потребность в массовом строительстве теплиц и массовом производстве стекловаты заставило перестроить работу многие заводов. Уменьшилось до самого минимума производства прочих стеклянных изделий, и на первое место вышли листовое стекло и стекловата. С этой целью за осень-зиму 1966 года, несмотря на все трудности, было переоборудовано множество цехов различных стекольных заводов страны, летом 1967 года построено еще несколько заводов на юге страны.

Порой на пути встречались следы прошлых землетрясений — где-то в виде разрушенных и заброшенных зданий по берегам рек, а где-то и вот такое вот, как сейчас... Как раз в это время поезд въехал на мост через какую-то достаточно большую речку. Нормальный такой мост, металлический... Вот только чуть в стороне было видно

деревянный мост-временку, к которому даже шло ответвление от основной дороги, пусть и с заблокированным сейчас стрелками и воткнутым между шпал красным щитом. Но окончательно разбирать его железнодорожники, похоже, пока не решались. Тем более, хоть а равнине заметных землетрясений не было с того самого первого дня, но вот сейсмически активные зоны порой потряхивало. Как сообщалось, это связано с продолжающимся сдвигом земной коры — из-за чего постепенно сдвигался полюс. Как это понял Михаил, в результате дрейфа земной коры от полученного до того первоначального импульса.

— Столько всего порушено! — вздыхал второй мужик. — Сколько лет потом все восстанавливать-то будем?

— Что поделаешь, — пожимал плечами инженер с авиазавода. — Землетрясения ж какие были... У нас вон за заводом берег Волги сполз...

— Ну да, — согласился Михаил. — Сейчас главное — выжить, а там уж все будет...

— Проклятые американцы! — выругался все тот же второй.

Судя по всему, он был из среды «пессимистов». А вот первый был все же оптимистичнее настроен. Потом Михаил достал купленную перед самым отъездом газету и принялся читать. Большая часть написанного, как обычно, была о положении дел в стране. Восстановлено, построено, добыто, собрано, пресечено... Вот, например, упоминалось о добыче угля в стране — почти вышли на тот уровень, что был накануне Долгой зимы! Заработала еще одна шахта на месте бывшего угольного разреза, где-то в Свердловской области. Нарастает добыча на уже имеющихся — вроде Воркуты, ставшей ныне, как уже знал Михаил, «главным ИТЛ» страны. Именно туда сейчас отправляли и бывших басмачей, и проворовавшихся и погрязших в коррупции «товарищей» из бывших среднеазиатских республик, и выловленных бандеровцев. Причем, условия труда там — откровенная каторга! Недавно бандеровцы с бывшими байскими холуями пытались поднять восстание, но его попросту расстреляли военные. Показательно так, чтобы другим неповадно было! Не стало больше ныне и «авторитетов». Кто не хочет идти и работать — пулю в затылок и в яму! «Разгром организованной преступности» недавно, кстати, отмечали как особый успех, хотя до того и умалчивалось о самом факте ее существования.

Была и весьма любопытная статья «Пистолеты — не конфеты!» Писали про то, что отмечаются случаи халатного отношения к личному огнестрельному оружию, оставление его без присмотра, передача третьим лицам и так далее. В связи с чем предписывалось держать его либо при себе, либо хранить под замком в железном ящике. И уж ни в коем случае не давать «поиграться» детям! При продаже оружия другим лицам, имеющим право на его ношение, в обязательном порядке регистрировать сделку в милиции. Ну и, конечно, призывали к проявлению комсомольской и коммунистической сознательности...

Ну и в заключение немного о положении дел в мире — всего несколько крошечных статей... «По сообщениям агентурных источников, гражданская война в США закончилась расколом страны на три отдельных «правительства», каждое из которых называет себя единственным законным правопреемником президента Джонсона»... Дальше там же говорилось о почти полном уничтожении на юге страны всех не-ангლოსаксов — особенно негров и латиноамериканцев. Остатки первых из них, в лице «Черных пантер», загнали в зараженные радиацией земли под Лос-Аламосом, латиносов — в Мексику. Любопытно, конечно, хотя на американцев Михаилу сейчас было наплевать. Писали про продолжающееся распространение в Африке неизвестной лихорадки с огромной смертностью. Про эвакуировавшихся в Южную Америку кубинцев, про какие-то азиатские

дела — вроде того, что происходит нынче в Корее, часть населения которой во время китайского вторжения буквально сидела в осаде в горах.

Имея примерно равное техническое оснащение и вооружение, корейцы все же смогли удержать китайцев на каких-то горных перевалах... А потом, разграбив что смогли, китайские войска ушли на юг. И сейчас по всему Китаю пылала гражданская война. Другая война вовсю шла на Балканах — резались сербы с хорватами, а к ним присоединились и другие республики бывшей Югославии. Энвер Ходжа объявил о приведении армии Албании в состояние полной боеготовности и выдвинул ее к границам страны, где еще с прошлого лета вовсю строили ДОТы с ДЗОТами. В самой стране сейчас питались практически исключительно рыбой, которую под прикрытием военного флота массово вылавливали в Средиземном море. Более того, там же сейчас базировался советский рыболовецкий флот и приличные силы ВМФ. Но и этим все не ограничивалось! Продолжалась вялотекущая гражданская война в Греции, она там началась еще после того, как произошли землетрясения и начали извергаться сразу несколько вулканов, и не прекращалась до сих пор. Польская армия раскололась на несколько грызущихся меж собой группировок... В общем, в мире царил полный бардак.

До Москвы они доехали больше чем через сутки! Но вот уже их поезд на месте... Выбравшись из вагона, Михаил оказался в городе, казавшемся знакомым и незнакомым одновременно. Вроде, все те же здания, то же все... Но при этом — здоровенные сугробы, ставни на окнах, никаких плакатов и высок с лозунгами, почти полное отсутствие людей на улицах. Впрочем, нынче так выглядел, пожалуй, каждый город СССР. На входе в метро — пара старшекласников-комсомольцев.

— Ваши пропуск, товарищ! — обратился к Михаилу один из них.

Ну да... Транспорт теперь бесплатный, но для иногородних — по пропуску. Если человек куда-то идет — ему в обязательном порядке дают пропуск. Ну а местные — им проездной выписывают, по месту работу или учебы. Формально, конечно, можно и с ним кататься куда захочется, но людям нынче как-то не до подобных развлечений. Так что, достав его из кармана, Михаил показал его комсомольцу.

— В Министерство сельского хозяйства едете? — с явно прозвучавшим уважением в голосе произнес парень. — Проходите, пожалуйста!

Несмотря на все катаклизмы, метро работала как обычно. Хотя, как писала Катя, в первые дни после землетрясений в некоторых местах наблюдались повреждения тоннелей и подтопления, но их последствия уже успели устранить. Правда, строительство новых станций было полностью остановлено из-за начавшейся Долгой зимы, несмотря на то, что в город эвакуировали немало народу из промышленных центров Зауралья — вместе с самими заводами, разумеется, оборудование которых ставили буквально везде где получится, вплоть до павильонов ВДНХ и порой даже бомбоубежищ, куда умудрялись затащить что-нибудь не слишком габаритное. Ну а что? Помещение есть — причем, достаточно большое и даже с вентиляцией и всеми коммуникациями. Ставь что надо и работай! И надейся на то, что его не придется использовать по назначению — а то придется прямо на станках сидеть. Тем более, что ядерная война сейчас — это смерть для всей страны, однозначная и неизбежная.

Доехать до станции Красные ворота, потом короткая пешая «прогулка» до Министерства сельского хозяйства, вид которого особенно ярко напоминал о том, что на дворе Долгая зима. Прежде громадные витражные окна первого этажа были не просто закрыты ставнями, а заложены кирпичом и, будучи не оштукатуренными, особенно ярко

бросались в окна. Вместо них теперь были другие, гораздо меньше по размерам, окошки. Похоже выглядели и остальные этажи. Свежая кирпичная кладка, не иначе как летом делали, и небольшие окошки с вездесущими ставнями. На входе в здание — двойной тамбур для лучшего сохранения тепла.

Узнав, по какому делу прибыл Михаил, его сразу же отправили к кому-то из заместителей министра, которому он и передал заготовленные документы со своими идеями по тем темам, информацию о которых ему присылали, а затем ответил на несколько достаточно общих вопросов по своим придумкам, после чего его отправили... нет, не домой, а в гостиницу — ждать пока изучат его записи и пришлют технических специалистов, у кого и возникли основные вопросы. Так что у Михаила сложилось впечатление, что в первой встрече советским чиновникам просто хотелось поглядеть на то, что же он вообще из себя представляет. Документы-то он мог и какому-нибудь секретарю передать. А вот видеть в кабинете министра кусок неоштукатуренной кирпичной кладки с вделанным посередке окошком — это было весьма любопытно! А еще в помещении было явно не жарко, недаром и люди все работали в явно теплых штанах со свитерами, за счет чего сейчас совершенно не походили на советских чиновников.

— С жильем у нас, в столице, сейчас плохо, — заметил на прощанье замминистра. — Ведомственные гостиницы отданы под заселение. Так что осталось только у госбезопасности что-то...

— Хорошо, — кивнул в ответ Михаил.

Что ж, лейтенант безопасности, представившийся фамилией Василенко, его и впрямь уже дождался... Забравшись в новенькую полноприводную «Волгу» ГАЗ-24, он повез его куда-то по улицам — и неожиданно приехал к... тюрьме!

— Ну а что хочешь? — увидев оfiguration Михаила, жизнерадостно заржал «чекист». — Что получше-то эвакуированным отдали, так что теперь тут вот всех встречаем.

— А бандиты как же?..

— А что бандиты? — пожал плечами лейтенант. — Заседание Особого трибунала — а там уж кому лагеря, кому стенка. Тут-то им чего рассиживаться?

Вместо охранников их встретила парочка из парня и девушки лет двадцати — тоже комсомольцы! Причем, оба при оружии. Прочитав бумаги Михаила, они быстро назвали ему номер каме... то есть комнаты, куда его решили разместить. И объяснили, как добраться до места.

Да, теперь уже видно было следы переоборудования здания под новые задачи! Никаких тебе решеток в коридоре, никаких массивных железных дверей камер! Похоже, все это «добро» тоже сгнуло в мартеновских печах, «реинкарнировавшись» во что-то более нужное стране здесь и сейчас. Например, в двигатели для грузовиков или тепловозов. Вместо них теперь стоят обычные деревянные двери. Кроме того, часть камер переоборудованы в столовые и душевые с туалетами... Добравшись до своей комнаты, похоже, бывшей «одиночки», он принялся устраиваться... На сегодня дел у него больше не было, из министерства обещали позвонить завтра. В связи с чем вдруг появилась идея малость прогуляться по городу, посмотреть на жизнь столицы в новых условиях. С Катей встретиться что ли? Откровенно говоря, Михаил не понимал, чем вообще сумел обратить на себя внимание этой девушки, что там в прошлом году решила ему написать, но обидится же если узнает, что он в Москве был, а с ней встретиться не захотел. Когда она там с автозавода имени Сталина возвращается-то? Вроде, в первую же смену работает? Ну вот, адрес ее знает

— вот примерно к тому времени и подъедет к проходной завода. А пока до Красной площади съездить...

Заснеженный Кремль, с высоченными сугробами у стен, выглядел откровенно непривычно. Как и громоздящиеся буквально под его стенами теплицы, многие из которых и вовсе использовали кремлевскую сиену в качестве одной из своих стен. Впрочем, сейчас и сама Красная Площадь была сплошь застроена ангарами — теплыми стоянками для техники. Не работали ни магазины, включая ГУМ, ни музеи, ни даже Мавзолей Ленина-Сталина. Так что окажись сейчас тут туристы — им и смотреть-то особо не на что было бы... Разве что в Собор Василия Блаженного зайти, хотя нынче, говорят, и попы работают наравне со всеми прочими людьми. Более того — сам патриарх обращался к верующим с речью о том, что в годы выпавших на страну испытаний все должны быть едины как никогда прежде, чтобы совместными усилиями выстоять и преодолеть все трудности.

В общем, смотреть в нынешней Москве было фактически нечего... Учреждения культуры, магазины — не работало фактически ничего. Разве что полюбоваться на «сталинские высотки» на фоне снежных сугробов и крыш теплиц... И после недолгого раздумья Михаил поехал на станцию метро «Завод имени Сталина»... Прошелся по станции, посмотрел на памятник Вождю и принялся ждать тут Катю — больше-то им пересечься негде было. И все равно чуть не прозевал! Так не похожа она в ватных штанах, шубе и ушанке была на ту девушку, какой запомнилась Михаилу по той встрече летом 1966 года.

— Катя! — буквально в последний момент окликнул ее Михаил.

— Ты? — первый миг даже не узнала его девушка. — Откуда? Какими судьбами?

— Вызвали в министерство сельского хозяйства...

— Да ну? Шутишь? — несмотря на уставший вид, нашла в себе силы улыбнуться девушка.

— Да нет, — усмехнулся Михаил. — На полном серьезе...

— Но... Как??? — буквально округлились глаза у Кати.

— Ну я же в прошлом году в Туркмении был, потом еще в колхоз на уборку хлеба ездил, — ответил Михаил. — Вот посмотрел там на все и предложил несколько идей по сельскохозяйственной технике...

— И твои предложения заинтересовали само министерство? — удивилась девушка. — Что же ты придумал такого? И... Пошли в поезд, ко мне поедем. Ты где остановился-то?

— В тюрьме, — усмехнулся Михаил. — Бывшей, конечно...

— А, — усмехнулась Катя. — Слышала уже про такое... Только нечего тебе там сидеть! У нас дома поживешь... Родители найдут, где тебя разместить.

Как и тогда, Михаил опять поражался тому напору и буквально бьющей из девушки энергии. А ведь, казалось бы, только что была обычной уставшей после смены на заводе женщиной, и вот на тебе... Словно подменили в один миг!

— Зачем? — откровенно растерялся от такого предложения Михаил. — Я ж...

— Никаких «я ж»! — решительно помотала головой девушка. — Знаешь... Я не пойму, почему так происходит, но мне интересно с тобой общаться. Вон сейчас мне тоже интересно, что же ты такого придумал! Оно не секретно же?

— Нет, — отрицательно помотал головой парень.

Путь до дома Кати оказался не так уж и далек... Ну точнее как сказать? Сначала ехали на метро, потом несколько остановок на трамвае — и вот уж перед ними «сталинка»-десятиэтажка. Вполне себе такая обычная, классическая, причем уже остаточной новизны...

Подняться на лифте на шестой этаж — и вот уж перед ними двери квартиры. Больше в квартире сейчас никого не было — все остальные еще не вернулись с работы. В доме, как понял, раздевшись, Михаил не жарко... Хотя и не сказать чтобы холодно. Градусов семнадцать-восемнадцать, где-то на грани... Раздеться, умыться и можно садиться чай попить. Хотя нынче это уже нифига и не чай — не выращивают тот больше в СССР, а запасы закончились.

За чаем-то Михаил и рассказал о своих придумках технического плана, которые и предлагал министерству. И девушка явно заинтересовалась его рассказом, сразу видно — инженер! Большинство других женщин, наверное, поняли бы в его рассказе «примерно нифига». Особенно если вспомнить о том, к чему стремилось большинство при реставрации капитализма... Но, как когда-то сказала вторая жена Михаила, «есть бабы, а есть инженеры». Подразумевая, впрочем, именно «настоящих» женщин-инженером, с техническим складом ума. Кто интересуется техникой, хорошо в ней разбирается — те редко интересуются теми же шмотками, ибо подходят к одежде с позиции «технаря», исходя из функциональности, а не превращая ее приобретение в самоцель, не стремясь выделиться...

— Значит, все так просто, но... Почему до этого не додумались раньше? — когда Михаил закончил рассказ, с явным интересом произнесла девушка.

— Не знаю, — пожал плечами Михаил. — Думаю, просто не задумывались о таком...

Для многих, наверное, оно было бы странно — говорить с красивыми, а в этом Кате точно не откажешь, девушками о каких-то железках. Но уж что есть — то есть! Причем, тема настолько заинтересовала ее, что они не заметили, как прообсуждали различные технические подробности аж до возвращения с работы ее брата с отцом — мать-то как раз еще до их прихода ушла на работу во вторую смену.

— Привет, пап! — когда тот зашел в комнату, где они сидели, обложившись зарисованными Михаилом эскизами с чертежами зерноочистной установки. — Это — Миша, помнишь я тебя про него говорила?

— Помню, помню, — с интересом взглянув на Михаила, с легкой усмешкой произнес мужчина. — Я Виктор Сергеич, отец этой вот... балбески, что тебя сюда притащила. Какими судьбами в Москве-то?

Брата звали Александром — и он был инженером-электриком на ГПЗ. И Михаилу вновы пришлось пересказывать все, что он до того рассказал Кате... С во многом аналогичной реакцией — сначала недоверье, потом удивление. А потом Виктор Сергеич присоединился к ним — его тоже заинтересовала тема, чай тоже инженер, пусть нынче и в начальниках ходит! «Одна голова хорошо, две — мутант, а три — Змей Горыныч», — непонятно с чего вспомнилась Михаилу фраза из анекдота про Чернобыль... Так что за обсуждением «идей» Михаила и тем, как все это можно реализовать на практике они просидели до поздней ночи. Как оказалось, Москвы практически не коснулись «уплотнения», она сама была в «зоне эвакуации», сельских жителей откуда отправляли на юг, и северная граница тех районов проходила по Пензе. В Москву же эвакуировали лишь несколько заводов с востока страны, забив их работниками студенческие и рабочие общежития да гостиницы... За то вон за Уралом да на Севере сейчас свободного жилья девать некуда! Только оно больше никому не нужно. Целые города и села опустели!

— Сколько сейчас вообще населения в Москве? — все же поинтересовался как-то Михаил.

— До Катастрофы было чуть больше пяти миллионов, — автоматически ответила

Катя. — Сейчас еще тысяч вести приехали, но я не знаю точной цифры...

Ну да... Двести тысяч на фоне девяти миллионов — не так уж много. А вот когда примерно столько же приезжает в семисоттысячный Саратов, а к ним прибавляется и население удаленных деревень области, кого привозят в города области на зиму, работать в теплицах, то уже каждый третий получается «пришлым». И поскольку свободных мест в общагах и гостиницах не так уж и много, а многие люди живут в маленьких домиках или однокомнатных квартирках, то проблема с жильем сразу становится очень острой. И те, кого заселили в освободившиеся в рамках «родственного переселения» дома и квартиры, в гостиницы или комнаты общаг — те еще счастливики. Немало людей живет в оказавшихся достаточно крепкими и надежными сараях, которые по-быстрому утеплили с помощью стекловаты и пластин шифера, сделали при необходимости полы с потолками да поставили печку... Кстати, из Московской области многих вчерашних колхозников, кроме занятых в теплицах, тоже ведь на юг эвакуировали!

Уже поздней ночью, закончив с обсуждением идей Михаила, Виктор Сергееч после некоторого раздумья отправил Михаила спать в комнату старшего брата Кати, где он и как смог пристроиться. Только предварительно позвонил по названному ему телефону кому-то из министерства и сообщил, где он находится — на этот счет его уже успели проинструктировать. Заодно, сказав о том, по какому номеру с ним можно связаться. Уже поздно ночью вернулась со смены и мать Кати, но он в это время уже дрых без задних ног. А утром — завтрак, куда позвали и его, карточки-то сегодня днем обналичит и отдаст, и вот уже Катя и ее отец с братом уходят на работу, а Михаилу остается ждать звонка из министерства. Ну а пока можно было еще посидеть и подумать...

— Зачем ты приехал? — мать Кати, имени которой ему так и не довелось узнать, появилась в комнате как-то незаметно.

— Как зачем? — не понял Михаил. — Вызвали в министерство сельского хозяйства...

— Да я не про это, — как-то устало поморщилась женщина. — Зачем сюда приехал?

— Ну Катя обиделась бы, если б узнала, что я был в Москве, а с ней не встретился.

— Обиделась бы, — фыркнула мать девушки. — Катя уж взрослая девушка, ей уж замуж пора! А она в тебя влюбилась и ни на кого другого и смотреть не хочет... Вон ты приехал — так она чуть ли не светится от радости! Я уж давно ее такой не видела... Даже не с Катастрофы, еще раньше.

— Она мне не говорила ничего...

— И не скажет, — ответила женщина. — У тебя же жена, а она не полезет в чужую семью...

— И что вы предлагаете? Съехать в гостиницу?

— Не поможет, — грустно усмехнулась женщина. — Если она знает, что ты в Москве, то найдет тебя и там. Да и я не хочу поссориться с дочерью...

— А что тогда?

— Да если б я знала... — только и ответила она.

А вскоре после ухода катиной матери из комнаты прозвучал и долгожданный звонок, а через некоторое время за Михаилом приехала все та же черная «Волга» с уже знакомым водителем...

Не сказать чтобы война началась внезапно... За происходящим в Польше в СССР внимательно наблюдали уже давно. Но что еще можно было сделать? Кормить поляков, отнимая еду у своих людей? А ведь без этого никак! Даже введи Советский Союз свою армию, наведи порядок — это не поможет победить голод. А еще это — раздергать силы, которые могут понадобиться внутри страны. Даже если просто на стройках...

И что оставалось? Да только безучастно смотреть на происходящее! Пока поляки резали друг друга. Пока польские генералы, захватив мобилизационные запасы, делят власть друг с другом. Смотреть перестали лишь после того, как уцелевшие в развернувшийся бойне объявили о создании новой «Речи Посполитой» и заявили о том, что раз у них нечего жрать — надо отобрать еду у русских! И их доблестная армия именно это и должна совершить! Ну и прочий подобный пропагандистский бред... На который, впрочем, большинству было наплевать. Их интересовало лишь одно: ЖРАТЬ! У русских у самих с едой плохо? Да плевать! «Просоветских» поляков в Польше к этому времени уже почти не осталось — кто-то успел бежать в соседние страны, но большинство погибло или быстренько скинуло с себя овечьи шкуры. И польский национализм расцвел всеми цветами...

Однако к тому времени, как поляки все же достаточно организовались и решили напасть, Советская армия уже выдвинулась к границе и была готова к отражению нападения. Которое и состоялось в последние дни февраля... Когда, взревев моторами, польская техника двинулась к границе, где ее уже дожидалась советская артиллерия.

Каково это — воевать в условиях Долгой зимы, когда передвижение за пределами дорог практически невозможно? Хреново оно... Но больше ждать польские генералы не могли! И вскоре земля вблизи границы покрылась горячей техникой, а в небе сошлись в бою авиация СССР и «Речи Посполитой».

Вот только войн без потерь не бывает. И хоть в строю Советской армии сейчас стояло немало людей с боевым опытом Великой Отечественной или «Балканского похода», но «игры в одни ворота» не получалось. Граница буквально пылала — и самым паршивым было то, что и отогнать поляков от своих городов было не так-то просто. Ведь наступать придется по тем же самым дорогам и уже самим подставляться под артиллерию недавних союзников... И в результате война постепенно приобретала черты «позиционной мясорубки». Пользуясь преимуществом в вооружении и технике, СССР наносил массированные удары по ближним тылам противника, дезорганизовывая снабжение, разрушая транспортную инфраструктуру, поражая склады топлива и боеприпасов. В ход пошел буквально весь спектр вооружений от обычных гаубиц, самоходок и гаубиц до тактических ракетных комплексов и даже крылатых ракет Х-22... И спустя две недели наступательный порыв польских военных выдохся. Да и, по сути, это и был бросок отчаянья и, вместе с тем, зависти и ненависти по отношению к русским... В который поляки бросили практически все еще остававшиеся у них силы и средства — и все равно проиграли.

А следом за этим товарищ Пономаренко объявил о создании «зоны безопасности» шириной в две сотни километров вдоль советско-польской границы и, вместе с тем, в связи с враждебными действиями поляков, отмене передачи Белостока Польше. И Советской армии был отдан приказ о начале контрнаступления как только это станет возможно — в том числе, по погодным условиям. Можно сказать, что умершему в этой реальности почти на год

раньше товарищу Рокоссовскому какой-то мере повезло... Ему так и не довелось увидеть, как СССР пришлось воевать с фактически им и созданной польской армией.

Но если эта война, впоследствии отнявшая у финской название «Зимней», шла с непосредственным участием СССР, то другие малые и большие войны на территории еще недавно казавшегося дружным и непоколебимым социалистического лагеря шли без него. Однако при этом были не менее ожесточенными и кровопролитными... К началу весны практически затихла война на Балканах — просто потому, что больше не организовалось способной к ведению масштабных боевых действий организованной силы. И выжившие в войне теперь пытались выживать посреди руин былой цивилизации... Аналогично во многом закончилась и гражданская война в Китае.

Да, когда закончится зима — мир станет совсем иным. Это уже прекрасно понимали все в советском руководстве. Как прежде не будет уже никогда! Однако сейчас товарища Василевского куда больше волновало даже. Продолжающаяся распространяться по Африке и уже дошедшая до Турции зараза... «Новые» Италия, Франция и Испания в Северной Африке уже объявили тотальный карантин, перекрыли границы и отстреливают всякого, кто приближается к ним. А вот турки протянули — и теперь эпидемия уже буйствовала в их североафриканских владениях... И где гарантия того, что вскоре она не дойдет и до СССР.

Весной они собирались следом за Ираном взять под контроль Ирак. Нет правительства, которое бы официально обратилось к СССР за помощью? Ну так в чем проблема? Уж за этим точно дело не стало бы... Но где гарантия того, что там уже нет носителей заразы? А, учитывая летальность в 80–90 %, такая эпидемия может иметь катастрофические последствия. Даже если удастся остановить ее распространение по стране, то выкосить южные области она может запросто! А юг — это сельское хозяйство, это нефть и еще ряд ценных ресурсов, без которых будет практически невозможно выжить. Вот и думай теперь — рискнуть и получить побольше? Или не стоит, ведь если в стране начнется эпидемия — можно лишиться и имеющегося?

Уже сейчас границы СССР превентивно превращены в карантинные зоны... Дс полусотни километров полностью отселенной полосы, которая регулярно патрулируется пограничниками. Но, в свете происходящего, подумаешь еще и о том, чтобы начать минировать границы... Как минимум, со странами Ближнего Востока. Хотя нет и никакой гарантии того, что зараза не придет через другие. А на всю протяженность границы никаких мин не хватит!

Значит, только карантинные зоны. Потому во многом и планирующееся контрнаступление в Польше. В конце концов, опасна не только та африканская лихорадка. Те же свирепствующие во многих странах оспа или чума — тоже ничего хорошего. Пусть даже от них есть и прививки, которые за прошедший год сделали всем, и достаточно эффективные лекарства. Но... Что делать с планировавшейся Иракской операцией? Похоже, придется на этот счет собрать специальное собрание с участием всех необходимых специалистов и все тщательно обсудить...

Последующие две недели пролетели для Михаила в какой-то сплошной суматохе... Сначала — совещание в министерстве сельского хозяйства, где собравшиеся академики с инженерами обсуждали его идеи — с вполне логичными для них выводами. «Идея интересная, но сырая, нужно все тщательно рассчитывать и проектировать». Ну да, как будто

он этого не знает! Он-то, по сути, мог лишь зарисовать эскизы того, с чем довелось иметь дело! А относительно того же пневмотранспортера — так и вовсе перерисовывал картинки из паспорта той установки, на которую его отправляли поглядеть. Оттуда же был, кстати, и примерный расчет мощности привода — точнее, Михаил сверялся с этими данными тогда, когда сам пытался все просчитать. Так что сначала товарищи инженеры всю обсуждали, что и как можно было бы сделать — в том числе, исходя из того, с чем им самим уже доводилось иметь дело. Рисовали различные эскизы, предлагали свои варианты, затем обсуждали какие-то технологические вопросы. Но под конец оно было принято в работу — хотя к тому времени обсуждение уже полностью шло без участия Михаила.

Затем было и обсуждение и по системам автоматизации тепличных комплексов — и тут уж Михаилу довелось выступать не только перед советскими «сельскохозяйственниками», но и перед специалистами по ЭВМ и вычислительной технике. Ведь придумал же он идею с автоматизированным управлением и теми же манипуляторами? Ну вот и излагай свое видение проблемы!

И первое, с чего тут пришлось начать Михаилу — так это с разъяснения идеи микропроцессора и микроконтроллера, оказавшейся для этого времени фактически революционной. К счастью, он знал, что первый микропроцессор будет создан только где-то в начале 70-х, а потому уже подготовился к такому обсуждению. И это оказалось самой спорной темой! Поскольку тут идея автоматизации производственных процессов привычно сводилась к тому, чтобы поставить одну мощную ЭВМ с кучей датчиков, линии связи, управления, с обеспечивающими работу всего этого программами. И именно так все и видели будущее электронно-вычислительной техники! Ведь что проще — написать какую-то программу или наклепать целую кучу лишних микросхем? А каждая микросхема стоит немалых народных средств! Ну и кто же оплатит такое «дорогое удовольствие»?

Вот только Михаил-то видел будущее и прекрасно знал, что будущее именно за такими распределенными системами! Что написать и отладить сверхсложную программу окажется куда сложнее и дороже, чем наклепать кучу микроконтроллеров с собственными достаточно простыми прошивками и сделать распределенную систему, элементы которой будут обмениваться между собой информацией по нескольким стандартным протоколам... Только вот попробуй убедить в этом «компьютерщиков» середины 60-х! Нет, со многим сказанным они были согласны! Более того — оно очень хорошо укладывалось в планы по ОГАС! Идея с микропроцессором как способом миниатюризации ЭВМ так и вовсе понравилась — записать в одну микросхему целую кучу устройств. Суметь бы только изготовить такую микросхему... Но сама архитектура системы — она оставалась непонятна. Нет, одноплатная ЭВМ для управления какими-нибудь автономными устройствами — это хорошо! Но зачем на заводе разводить целую кучу «одноплаток»? Поставить одну мощную ЭВМ с сетью терминалов, датчиков, вспомогательных устройств, написать разок программу — и работай!

— Ну хорошо, — предложил Михаил. — Сделали мы такую суперЭВМ, написали программу, отладили, добились идеальной бесперебойной работы. Но вот завтра нам нужно модернизировать сеть под иные задачи. И всю эту работу придется проделывать заново! В то время, как в случае с одноплатными ЭВМ нам надо будет написать лишь простенькую программу для одного рабочего места и чуть поменять настройки на центральной ЭВМ системы...

Как ни странно, но этот аргумент все же заставил «компьютерщиков» малость задуматься... Тем более, что пример перед глазами! Как пришлось перестраивать работу

предприятий, создавать целые новые производства, с наступлением Долгой зимы. И все равно привычка, убежденность в собственной правоте, не давали вот так с ходу признать точку зрения какого-то студента! Пусть он и физик, даже радиофизик, но он ЭВМ и не видал ведь никогда! Впрочем, Михаил чего-то подобного и ожидал... Сейчас они, конечно, вряд ли с ходу откажутся от прежних идей. Но если он своими словами хотя бы зародит среди советских компьютерщиков сомнения, подтолкнет к тому, чтобы идея с микроконтроллерами и микроЭВМ была реализована не в 80-е, а на десятилетие раньше, то и это будет хорошо! Тем более, можно к этому подтолкнуть прогресс и через министерство сельского хозяйства — в рамках технического задания по созданию автоматизированных комплексов гидропоники.

Во всем этом Михаил откровенно не понимал только одного. Зачем советское руководство все же свело его с проектировщиками не только советских ЭВМ, но и самой системы ОГАС, которая еще до Долгой зимы объявлялась пропагандой «будущим социалистической экономики»? На что они рассчитывали? С одной стороны, внешне могло казаться, что эта их встреча закончилась фактически ничем — каждый остался при своем мнении! Вот только Михаил был уверен, что на деле все не так просто. И раз уж эта встреча состоялась — зачем-то, как писали в газетах, «советскому правительству и коммунистической партии» это было зачем-то нужно. Понять бы лишь одно — зачем?

Еще через день — участие в еще одном совещании, где обсуждался предложенным им проект автоматизации теплиц. И, к некоторому удивлению, основные тезисы и темы обсуждения фактически напрямую вытекали из его идей. Правда, тут уже были не только «технари», но и «аграрии». И те докладывали о проведенных ими подсчетах. Какова предполагаемая производительность теплиц по выращиванию различных культур. Как оно связано с оптимальными для выращивания тех или иных культур условиями. Также упоминалось про выведение специальных сортов различных культур, где отметили высокую пригодность для этого дело пшенично-пырейных гибридов, про механизацию уборки... И в этом света обсуждали и предложенные Михаилом идеи. И, в конечном счете, они и легли в основу, как было сказано, «многоуровневой автоматизированной модульной теплицы для выращивания зерновых и зернобобовых культур»... Саму программу при этом разделили на две части. Первая — создание теплицы с автоматизированным обеспечением оптимальных условий произрастания. Срок исполнения — сентябрь 1968 года. Вторая часть — «внедрение систем механизации и автоматизации». Срок исполнения — сентябрь уже 1969 года.

Собственно говоря, на том все его «мучения» кончились. Больше ни на какие совещания его не таскали. А еще через пару дней вызвали вновь в министерство, причем аж к самому министру сельского хозяйства. И, в отличие от предыдущих, этот разговор проходил в достаточно неформальной обстановке, за чашкой чая. Выглядел министр откровенно неважно — усталый, осунувшийся, в свои почти шестьдесят шесть он выглядел глубоким стариком...

— Значит, конструктором хочешь стать? — после общих слов, наконец, перешел к делу Иван Александрович.

— Да, — подтвердил Михаил. — Мне это интересно...

— Почему тогда физфак, а не политехнический? — спросил министр.

— Как сказать? — пожал плечами Михаил. — Как многие говорят, политех дает специальность, а университет — знания. Учат не просто использовать готовые знания, а

думать, разбираться во всем самим...

Отчасти, пожалуй, оно и впрямь так — хотя точно сказать Михаил и не мог. Сам-то он к политеху никаким боком, хоть и слышал от многих людей такое мнение. А еще помнил, как приходили на работу после политеха и университета. Политеховские обычно приходили на завод, сразу начинали работать по специальности и в целом были неплохими специалистами, но в большинстве своем «звезд с неба не хватало». Университетские приходили же и поначалу не понимали буквально ничего! Первые пару месяцев так уж точно. Зато потом начинали все лучше и лучше разбираться в теме и постепенно становились куда лучшими специалистами, чем политеховские. Да, было такое наблюдение. Но оно могло быть и необъективно — в виду того, что политех особо не котировался. «У кого ни тех, ни тех — те поступят в политех». И туда и впрямь зачастую шли вчерашние троечники...

Но, как бы то не было, ему надо было как-то обосновать свой выбор... Это в прошлой жизни он конструктором оказался практически случайно, поскольку «его» заявка оказалась устаревшей еще в прошлый год, но вместо нее ему предложили пойти работать в КБ — и он согласился. Изначально же у него таких планов не было — просто пошел на радиофизику из-за того, что на тот момент электроника — это было ново, современно даже в какой-то мере «модно». И он тоже заинтересовался этим направлением, еще не строя точных планов на то, кем именно быть. А вот в этот раз он изначально собирался пойти конструктором работать! Ведь для него это была хорошо знакомая, привычная и любимая работа. Но как иначе это обосновать?

— Товарищи считают, что из тебя выйдет неплохой конструктор сельскохозяйственной техникой, — заметил министр. — И я, посмотрев предложенные идеи, склонен с ними согласиться.

— Ну я вообще собирался заняться электроникой, — заметил Михаил. — Хотя сейчас, конечно, куда важнее сельское хозяйство. Но ведь я уже студент...

— А это уже не имеет значения, — усмехнулся товарищ Бенедиктов. — А вот потенциально талантливому конструктору работать водителем — это, как минимум, нерационально. Сейчас такое время, когда каждый советский человек должен заниматься тем, где он сможет принести максимум пользы нашей советской стране... У вас в городе летом начнется строительство завода СарСельМаш, куда эвакуируют часть производства из Новосибирска. Но уже сейчас мы собираем специалистов для будущего заводского КБ... Так что пойдешь работать туда.

— Хорошо, — кивнул в знак согласия Михаил. — А с учебой как?

— Продолжишь учебу как и сейчас, — ответил министр.

На том их разговор и закончился... Завтра утром Михаилу выезжать домой, ну а пока — последняя ночь в Москве и прощание с Катей и ее родными. За пару недель в Москве у них уже успели сложиться достаточно неплохие отношения, хотя мать девушки и ждала, когда же он уедет. Не потому, что была против него как человека, а чтобы, так сказать, не маячил на глазах у дочери. Раз уж все равно ничего выйти у них не может...

— Значит, уезжаешь? — когда они решили прогуляться вечером по улице, спросила Катя.

— Сама же знаешь, — пожал плечами Михаил.

— Знаю, — согласилась девушка. — Не знаю, почему ты так запал мне в душу... Но это все равно! Просто будь счастлив! — выдала она совсем уж неожиданную для него фразу. —

И пусть все мы будем живы и здоровы к тому времени, когда растает снег!

— И ты будь счастлива, Катя! — ответил Михаил.

Вот тоже странная ведь фраза пошла в народе... «Когда растает снег». Снег-то скоро растает, в его родном городе где-нибудь в мае, в Москве — наверное, в июне. Примерно на полмесяца-месяц раньше, чем год назад. Но фраза эта означала совсем другое — окончание Долгой зимы. Только почему-то люди стремились как можно реже упоминать само это название. Словно от этого Долгая зима станет еще дольше и холоднее! Так что «когда растает снег»... Именно так чаще всего говорили, если только не считать официальных речей или каких-нибудь статей в немногих еще печатающихся газетах.

— Значит, будешь теперь конструктором работать? — улыбнулась девушка, переводя тему разговора. — Напридумаешь там всяких штук, а нам, технологам, потом думать, как их сделать?

— Конечно! — рассмеялся Михаил. — Должен же кто-то для вас работу придумывать? А то обленитесь там от безделья-то, пузо отъедите такое, что в дверь не пройдет...

— Да-да-да! — тоже рассмеялась девушка. — Но родные конструктора не позволят такому случиться! Уж постараются придумать чего позаковыристее, чтобы нам жизнь медом не казалась!

— А кем ты, Катя, хотела стать до Катастрофы? — вдруг спросил Михаил.

— Я? — задумчиво произнесла девушка. — Не знаю... В НИИ какое-нибудь пошла бы... А ты?

— А я — конструктором электронных приборов... У нас же ведь город электроники практически!

— А авиазавод как же? — удивилась Катя.

— Не знаю, — пожал плечами Михаил. — Не тянуло меня никогда самолетами заниматься...

А ведь странно даже несколько! На стройке авиазавода работал его дед, на заводе работали его родители, чуть позже туда пошел и его старший брат, как из армии в той реальности вернулся. Но вот самого Михаила туда почему-то не тянуло совершенно! Его куда больше интересовала электроника. И о том, чтобы работать на авиазаводе, никогда не было и мыслей.

Правда, в этой реальности ему таки придется поработать там... Почему? А потому, что именно заводскому КБ авиазавода поручена разработка новых образцов сельхозтехники! Просто потому, что других практически ничем не занятых конструкторов в городе взять было негде. Сибсельмашевцы — они в Новосибирске и останутся, завод-то полностью ликвидировать не собираются, по сути это не эвакуация, а строительство нового предприятия, пусть и с использованием части оборудования оттуда. А все работы по самолетам законсервированы. Так что конструктора авиазавода сейчас фактически занимались лишь сопровождением серийных изделий, в виде двигателей внутреннего сгорания различного назначения, да выполнения различных сторонних заказов вроде проектирования вспомогательного оборудования для тех же теплиц или доработки различной техники под новые условия эксплуатации. Вот из них-то и решили создать КБ будущего СарСельМаша, который пока существовал лишь в проекте. Так что даже работать придется пока все на том же авиазаводе, пока не построят новый завод.

— У нас вон хвалят ваши двигатели, — улыбнулась девушка. — Первая партия когда пришла — ох уж матерились на них! Половину не вернули лишь потому, что некогда было

через половину страны возить. Сами доработали... А потом, говорят, качество лучше наших собственных стало...

— А ты что хочешь... Авиация, военная промышленность, — усмехнулся Михаил. — Туда все лучшее собирали. Оборудование, специалистов... Контроль качества тоже куда жестче.

— Но у вас их выпускают меньше года! — в голосе Кати прозвучала даже какая-то обида. — А у нас — уже десятилетия! А к нам теперь претензии в министерстве, требуют повышать точность и качество изготовления.

— Ну если можно повисить, значит нужно?

— Ага, — согласилась девушка. — Но многие недовольны... Говорят, делали и делали двигатели, никаких претензий не было, а тут «эти вылезли»... И теперь ваши двигатели все идут на машины, а наши — на что ваших не хватит, а значительную часть отправляют как запчасти на автобазы.

— И что теперь будут делать?

— Ну что? — пожал плечами Катя. — Прислали нам ваши доработки, теперь внедряем. Мелочи, вроде, зачастую чисто технологические улучшения, но все же влияет... Разработан план мероприятий по повышению качества производящейся продукции. Вон тут недавно к нам несколько человек от вас в командировку в связи со всем этим присылали, чтобы на месте во всем разобраться. Так что скоро не хуже вас моторы, думаю, делать станем!

Ну да... В оборонке СССР всегда было все лучшее! Так что такое положение дел для Михаила было не особо удивительно... Пусть в этом мире было гораздо меньше пофигизма и наплевательства, чем в его прошлом. Не было той «уровнилки», чтобы нормальный рабочий получал почти столько же как и пьяница-тунядец, который систематически гнал брак, но его зачастую не могли даже уволить. Он же пролетарий! Максимум — вызвать и «пропесочить» на профсоюзном собрании, где он клятвенно пообещает, что «больше никогда» и полчаса спустя забудет про это обещание. За качество тут спрашивали достаточно строго, вплоть до увольнений по статье за систематический брак всех причастных! После чего такого «работничка» разве что дворником взяли бы... Не было «авралов» накануне срока поставки — поскольку куда внимательнее относились к выполнению планов. Что откровенно пошатнулось в прошлой реальности еще годы в 50-е и было окончательно угроблено косыгинской реформой, когда на первый план стали выходить не количество и качество произведенной продукции, а полученная предприятием прибыль. Здесь до сих пор работал метод повышения эффективности экономики, делающий выгодным повышение качество и снижение себестоимости производимой продукции. Так что качество даже гражданской продукции было неплохим. Вот только военная продукция — она и в параллельной реальности военная. И даже если является полным аналогом гражданской, то требования к качеству там куда выше!

— Приедешь еще в Москву? — отвлек Михаила от мыслей вопрос Кати.

— Не знаю, — пожал плечами Михаил. — Может быть... Когда сойдет снег.

Захотелось было пошутить что-нибудь в силе «если партия прикажет», но не решился. Не поймет ведь наверняка, посчитает такую шутку чуть ли не кошунством... Или скорее даже наоборот, воспримет на полном серьезе. Ведь все знали и помнили слова товарища Ленина о том, что «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». И напрочь забыли про сказанные гораздо позже товарищем Сталиным слова: «Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков»... Правда, этом мире он все же

довел до конца задуманную им реформу — отстранил партию от управления экономикой. Впрочем, ленинскому лозунгу это не мешало... За то появились другие, вроде «Коммунистическая партия — орудие борьбы за победу дела Ленина-Сталина». Ведь кто отвечает за идеологию? КПСС, разумеется! Но вот приехать на завод и что-нибудь приказывать делать по своему усмотрению — на это у партийных начальников полномочий нет.

— Когда сойдет снег, — не заметив мгновенной заминки Михаила, произнесла девушка.

— Катя, а ты Сталина помнишь? — вдруг спросил парень.

— Я? — удивленно произнесла девушка. — Мне же девять лет было когда товарища Сталина хоронили, это же как раз после праздника было... Помню как весь народ плакал, помню митинг, помню сколько людей с Вождем попрощаться хотели. Говорят, давка тогда случилась, с сотню человек погибли. Потому и товарища Берия потом тихо хоронили, никто даже не знал, когда именно. Но живым товарища Сталина я не видела... Я же еще маленькой была!

«Из-за давки? — удивился услышанному Михаил. — Или были другие причины для таких похорон Берии?» Да, что-то вновь подсказывало ему, что не своей смертью помер товарищ Берия! В пятьдесят шесть лет, да еще и накануне дня Великой Ноябрьской Социалистической революции вдруг такой инфаркт, что умер буквально через пару часов! Не все так просто, похоже, было в этом мире... Хотя втихую запустить слух о том, что публичных похорон не будет из-за опасений давки — это неплохо придумано было. И никаких тебе вопросов о том, почему, например, у тела половины головы нет! Ну или чего-нибудь еще недостает... «В результате тяжелого инфаркта скоропостижно скончался верный боец за победу дела Ленина-Сталина товарищ Берия!» Но нет... Эти догадки Михаил не будет говорить даже самым близким людям! Оставит их при себе...

А на следующий день Михаил выехал в обратный путь в свой родной город... Такой же трехвагонный составчик с тепловозом ТГМ, такие же купе, такие же виды на заснеженную страну, и вновь разговоры с попутчиками по поезду. Ну а что еще оставалось делать по дороге? Разве что спать да читать газету... Где как раз писалось о переходе в контрнаступление советской армии в Польше, взятии Белостока и Люблина, о создании «зоны безопасности» в приграничной полосе на территории «бывшей Польши». Но если еще несколько дней назад война с Польшей была главной темой для обсуждения, даже он с Катей и ее родителями не раз говорил на этот счет, то сейчас оно уже отошло куда-то на второй план. «Они же недавно клялись социализм строить! Мы им помогали в этом, а теперь вот они на нас же и напали!» — вспоминал Михаил удивление девушки. Ну да, именно эта война больше всего всех шокировала — даже несмотря на то, что в стране было еще немало тех, кто когда-то воевал с белополяками. Хотя те-то как раз и не удивлялись ничему...

Но сейчас возникла куда более важная тема для обсуждения... Хотя даже две! Во-первых, заявление советского правительства о готовности принять в страну полтора миллиона американских беженцев — в основном, военных, моряков и членов их семей. Тех, кто все это время сидел со своими ядерными арсеналами у себя за океаном. И сейчас те предлагали сдать их в обмен на предоставление советского гражданства. Правда, в противном случае грозили ядерным ударом — им, дескать, терять уже нечего.

— Суки! — ругался один из попутчиков Михаила. — Мало того, что вулкан этот взорвали, так еще и ядерной войной грозятся!

— Ага, — согласился с ним другой. — И ведь попробуй не взять... Кто знает — блефуют ли они или и впрямь готовы ударить?

— Именно что! — поморщился первый. — Вот и товарищу Пономаренко пришлось им на уступки пойти... Выбора-то и нет, по сути!

— Пишут, что они все же и заплатить неплохо готовы, — заметил третий. — Промышленное оборудование какое-то привезут, ученых с инженерами, технологии передадут...

— Да нахрен нам нужны их технологии! — выругался первый. — Мы и сами что нужно создадим! А вот что эти твари бомбой грозятся...

— Ну подыхать-то никто не хочет, — усмехнулся третий.

Но как бы даже не еще хуже того была вторая новость... Во-первых, та самая пришедшая из Африки эпидемия продолжает распространяться по Турции и уже проникла и в приграничные районы страны. И, во-вторых, она уже вовсю свирепствует на территории бывшего Ирака, несколько случаев зафиксировано и в двухсоткилометровой «карантинной зоне» вдоль советской границы. В связи с чем принято решение о полной изоляции района силами Советской армии. Вся связь — исключительно односторонняя. Кто вошел на территорию — до окончания эпидемии оттуда уже не выйдет. Что ж, по-своему правильно. Ну а уж что будет дальше — время покажет...

И, наконец, вот уж и родной город, встречавший Михаила светом станционных прожекторов и... оттепелью, с ручьями, хлюпающим под ногами мокрым снегом и мелкой дождевой пылью. И уже ждущей его на платформе женой — позавчера он ей телеграмму посылал о времени приезда.

— Миш, приехал, — когда они, никого не стесняясь, обнялись прямо у вагона поезда. — Наконец-то ты приехал... Мне без тебя так тоскливо было!

— Я тоже скучал по тебе, Вик, — улыбаясь в ответ, произнес Михаил. — Ладно, поехали уж домой... И, кстати, я теперь инженер-конструктор на авиазаводе, так что практически в одном месте работать будем.

— Ты конструктор? — удивленно произнесла девушка. — Но ведь мы даже университет не закончили!

— Ну вот так бывает, — усмехнулся Михаил. — Так бывает...

Интерлюдия

Американцы приплыли в Австралию в середине лета — и с этого времени жизнь в стране начала налаживаться... Тем более, что с собой они везли немало промышленного оборудования, техники и материалов. И очень быстро начавшийся было в стране после ядерных ударов бардак задавили военные. И тут-то Сергею, можно сказать, повезло снова. Ему довелось встретиться с одним из своих прежних деловых партнеров и предложить ему бизнес-проект по торговле крольчатинной.

Откровенно говоря, до прибытия в Австралию мужчина понятия не имел о такой здешней проблеме. А потом сильно удивлялся тому, что кроликов здесь едят очень немного. А ведь поблизости их как бы не столько же, сколько и людей на материке!

Массово отлавливать их и жрать стали только после ядерных ударов — и, пожалуй, Сергей оказался одним из начинателей этой идее. Но... теперь сюда приплыли и имевшие немалые запасы всего необходимого американцы, так почему бы не организовать бизнес по международной торговле крольчатинной? Тем более, что это для посевов общее похолодание на планете и ливни — зло... Урожай из-за этого и впрямь собрать удалось весьма скромный, а посеять после атомных ударов — и того меньше. За то с похолоданием зазеленили пустыни запада материка, увеличилась кормовая база для травоядных вроде тех же кроликов — и потому скоро стоит ждать резкого роста их численности. А еще — если засадить пустыню лесополосами, то даже как вернется тепло — она уже будет не пустыней, а степью. Вполне пригодной для земледельца! И эти его предложения очень понравились недавнему бизнес-партнеру. Тем более, что восточную часть материка прилично так загадило радиацией...

«Как же хорошо, что тогда не слишком большую дозу получил!» — вспоминая тот день, радовался Сергей. А ведь на востоке материка тогда царил сущий ужас! Да, всего полтора десятка бомб — но они попали именно на крупнейшие города. Число только погибших насчитывало несколько миллионов человек... И промедли он с отъездом всего буквально час — и тоже пополнил бы эту цифру.

— Что нового есть? — войдя в офис своей новой фирмы с весьма забавным названием «Бешеный Кролик», спросил у секретарши Сергей.

— Вам на подпись договоры, мистер Вульф, — показав небольшую стопку документов, произнесла женщина.

— Давай сюда, — взяв со стола папку, произнес Сергей, буквально сразу исчезнув за дверью своего кабинета.

Думаете, Сергей взял себе в секретарши какую-нибудь фигуристую молодую блондинку? Три раза ха! Как бы не так! На счет того, что никаких связей на работе — это у него было строго! Но отнюдь не из каких-то моральных принципов. Просто секретарша — это тот человек, кто знает про твой бизнес буквально все и имеет столько компромата, что при желании сможет засадить далеко и надолго. Ведь через нее проходит почти вся рабочая документация! И секретарша-любовница запросто может воспользоваться этим для шантажа... А оно Сергею надо? Так что миссис Аманда была уже немолода, почти полтинник стукнул, выглядела так, что слишком впечатлительные представители мужского пола рисковали с одного взгляда стать импотентами на всю оставшуюся жизнь, за то специалистом была вполне себе толковым! А больше ничего Сергею и не надо было. Уж с бабами-то проблем у него никогда не было! Порой даже по несколько любовниц

одновременно бывало... Но только это все — там, за пределами фирмы!

«Итак, что мы имеем? — подумал Сергей. — Хотя то, что имеем мы, а не нас, — это тоже уже неплохо». Новое правительство Австралии, подсчитав наличные продовольственные резервы, установило лимит на экспорт разных видов продуктов продтоваров — и в них попала и та самая крольчатина. Только с кем ей торговать? В мире осталось не так-то много государств, у кого было бы что-то интересное для Австралии... Англия? После ядерного удара по Австралии и ответки по ЮАР об этом нет и речи. Франция? Часть французов перебралась в Алжир, буквально зачистив его от арабов — им не нашлось места даже в качестве разнорабочих, тут своих белых желающих хватало! Европейская часть страны фактически заброшена, но ведь французы сохраняют свое присутствие на побережье Средиземного моря и могут вывезти что-то нужное и из других мест? Например, оборудование заводов Альстома или Эйрбаса. Итальянцы? Ну, в принципе, аналогично. Правда, у них в Европе все слишком сильно порушено землетрясениями. Но что-то же должно было остаться? Так почему бы не продать им крольчатины в обмен на оборудование заводов Фиат или Альфа Ромео? И у них-то выторговать выгодные условия будет проще, чем у французов... У них полодние дел куда хуже, да и атомных бомб нету. Сложнее диктовать другим свои условия. Кто еще там? Испания? Ну может быть...

Впрочем, это все было делом политиков, кто решал, чем с кем торговать и какие требовать условия. А вот работа Сергея была куда проще — наладить добычу и предварительную переработку мяса кролика — проще говоря, подстрелить, распотрошить, заморозить и передать кому надо туши. Но все это еще предстояло организовать! И именно этим он сейчас и занимался — благо, начального капитала более-менее хватило, хотя без кредита все же не обошлось. Но дело обещало быть выгодным — десять раз окупится!

Закончив с изучением текста присланных договоров, тщательно выискивая в них возможные подвохи, спустя пару часов Сергей подписал их и отложил в сторону. «А неплохо все идет! — усмехнулся Сергей. — Хрен вам, англичашки, на все рыло! Меня и атомная бомба не берет!» Вызвав секретаршу, он отдал ей все документы, а затем включил радиоприемник. Телевидение в Австралии пока еще не восстановили, но радио уже транслировалось. Что там нового-то?

Опять говорили про распространение «африканской лихорадки», но это было уже привычно — Сергей даже перестал обращать на эти новости внимание. Им-то оно точно не грозило, через океан никакая зараза не перемахнет. А вот если она дойдет до СССР... Сергей аж зажмурился от удовольствия, представив себе такое. Рабская страна, где не ценят таких инициативных людей как он! Но он-то точно не таков! Пока рабоче-крестьянское быдло дохло в окопах под Москвой и Сталинградом, он сидел в тылу и тихонько делал свой гешефт. Мобилизация? Какая еще?! У него же спинка больная — вон справка лежит, сами смотрите! Потом, правда, чуть не поставили к стенке за спекуляцию, но он отбрехался, свалив все на подельников. Дескать, я не я и лошадь не моя! И на него все же так ничего и не нарыли — хотя Сергей-то сам помнил взгляд того следака из ментовки. Словно желал вот прямо сейчас, на месте, пристрелить!

Потом Сергей сумел и контрабандой вывезти из страны кое-какие из накопленных и припрятанных ценностей. Но это же ведь уже дело десятое? За то в США уж он развернулся... И пусть дальнейшему развитию его бизнеса и помешала Катастрофа, но ведь теперь-то ему выпал второй шанс?

— Привет, Мил! — ввалившись домой и скинув с себя одежду, обнял встречавшую его Мелиссу Василий.

— Пусти, Вась, раздавишь же! — буквально пискнула в ответ она.

На самом-то деле не так уж он крепко ее обнимал, просто такое проявление внимания почему-то смущало девушку... Хотя, казалось, с чего бы? Но как-то так уж само собой выходило... Впрочем, как бы то не было, девушка сейчас была счастлива. И ей так хотелось верить в то, что так будет и дальше, чтобы забыть про все те угрозы, что таятся где-то там, во внешнем мире. Про который она старалась вообще как можно меньше думать.

Пожалуй, про них можно было бы сказать, что «сошлись два одиночества», и это было бы недалеко от истины. Хоть и со своими нюансами. Пусть они и не клялись друг другу в любви и вечной верности, но им было просто хорошо вместе... Для Василия, помимо того, что у него больше полугода не было женщины и потребности в домашнем уюте, оно стало еще и возможностью обрести какой-то смысл в жизни, ради чего можно жить и бороться. Ну а желание помочь оказавшейся в беде девушке постепенно переросло в нечто большее. Пусть и не в любовь, но в достаточно сильную привязанность. В случае же с Мелиссой все было одновременно проще и сложнее одновременно. После всего случившегося ей надо было как-то найти в себе силы жить дальше, вновь почувствовать себя человеком, симпатичной молодой девушкой... Поверить в то, что ее жизнь не закончилась в том проклятом сарае, что пусть не все, но хоть что-то еще можно исправить. Но для этого надо было почувствовать, что ее не презирают, ей не брезгуют после всего произошедшего, что кто-то готов ее поддержать и защитить.

Так что когда тогда Василий предложил ей приготовить ему еду, то на душе словно какое-то облегчение получилось. Странно, конечно, но раз он не брезгует взять еду из ее рук... Да, ей до сих пор было страшно, больно, обидно, хотелось только завалиться на кровать и реветь, уткнувшись носом в подушку, жалеть себя, как жестоко к ней обернулась жизнь. Но ведь она сильная, она смелая! И Мелисса буквально силой заставила себя встать и заняться делом... И Василию понравилось, он даже улыбнулся, сказал ей спасибо! И тогда она смогла преодолеть свой страх еще раз, хотя уже думала, что не решится на такое больше никогда в жизни. Но в тот миг в голову вдруг пришло осознание того, что если не сейчас, то уже и впрямь больше никогда. Поскольку иначе она будет со временем лишь еще больше накручивать себя, делать свой страх еще сильнее. И в лучшем случае просто останется одной на всю жизнь, а в худшем — просто сведет саму себя с ума. Хотя в какой-то миг страх все же чуть не победил ее. Когда Василий после нескольких секунд сомнений тихонько приобнял девушку, она на миг вздрогнула и попыталась отстраниться, но все же смогла подавить свой порыв.

— Ты уверена, что и впрямь этого хочешь? — видя ее реакцию, спросил тогда Василий.

— Мне... так надо, — только и смогла тогда ответить Мелисса. — Потом объясню...

Не сказать, чтобы Василий что-то понял, но раз уж девушка так считает — спорить не стал... Ей оно сейчас, пожалуй виднее. Лишь постарался быть с ней настолько ласковым и нежным, насколько только оно у него получится. Выкинуть из головы и недавний разговор с шефом, и то, что он ему говорил и лишь позаботиться о том, чтобы ей не было больно и обидно, чтобы не будить воспоминаний о том, что ей довелось пережить. Ну а сама девушка попыталась еще робко и нерешительно отвечать на ласку, и постепенно страх и впрямь

практически прошел, ушел куда-то на задворки сознания. Даже удовольствие получить удалось, хотя на это она как-то и не надеялась... Но вместо этого почему-то появился страх — вдруг Василий сейчас бросит ее? Ведь она же для него фактически никто!

— Не бросай меня, пожалуйста? — когда они лежали, прижавшись друг к другу, на кровати, тихо попросила девушка. — Будь рядом...

— Не брошу, милая, — согласился Василий.

Откровенно говоря, парня в тот миг мучали противоречивые мысли... С одной стороны — осознание того, что все это было правильно. И раз уж Мелисса попросила — похоже, это ее «мне надо» было не просто. Зачем? Ну это знала лишь она сама... Может быть, чтобы поверить в то, что еще может быть кому-то мила и желанна. А, может быть, пыталась перебить плохие впечатления хорошими или что-то еще в таком же духе. Но с другой... Он ведь клялся в верности Квете! И пусть им и пришлось расстаться, но мысль об измене ей так и не хотела его отпускать. Странная такая мысль... Раньше-то он мог чуть ли не каждую неделю подружек менять!

Однако Мелисса все же оказалась для него чем-то куда большим чем просто симпатичной девчонкой... Про себя Василий чувствовал за собой ответственность за ее судьбу, за ее счастье, за то, чтобы ей больше никогда не попасть в беду. И еще его одолевало бешенство... Почему всякие твари так любят издеваться над теми, кто в чем-то лучше них, но при этом не может защитить себя? Вот как над этой девчонкой... Такой милой, доброй, симпатичной. Такой... настоящей. Так, наверное, он мог бы сказать про нее.

Откровенно говоря, Василий считал, что красивые девушки среди американок — редкое исключение. Инквизиция ли постаралась с «истреблением ведьм», в которые запросто записывали тех, кто «не дал» какому-нибудь богатому или знатному уроду или что еще, но... Идет вот, казалось бы, симпатичная девушка по улице, но как поднимешь взгляд на лицо, так крокодилья морда на ее фоне покажется эталоном красоты! А в отношении женщин Василия можно было считать эстетом — оценивать внешность он привык, в первую очередь, по симпатичному лицу и стройной, пропорционально сложенной, фигурке, а не по тому, какого там у девушки размера сиськи или жопа... Точнее, они как раз должны были укладываться в ту самую пропорцию, а не «лишь бы побольше». Ах, ну да — еще почему-то ему казались особенно привлекательными длинные волосы.

Так что Мелисса по мнению Василия как раз и была настоящей красавицей... Тут и милые черты лица, и ее серые глаза, и стройная спортивная фигурка, и среднего размера упругая грудь, которую было так приятно полатать, и, в особенности, эти вот длинные рыжие волосы. Не потому ли и мучали ее куда дольше и больше, чем большинство других жертв людоедов, с кем расправлялись очень быстро? Правда, это ее лишь и спасло. Уродам захотелось иметь сексуальную игрушку, ну а еда... Найдут и еще! И вот к настоящему моменту они уже третий месяц жили практически как муж и жена...

— Пойдем ужинать! — все же выскользнув из его объятий, с улыбкой произнесла девушка.

— Пойдем, — согласился Василий.

Готовить русские блюда она уже научилась неплохо... Как и говорить по-русски, хоть и с явно заметным акцентом. Даже «краткую форму» имени он на русский манер говорил — Мила... Впрочем, Мелисса вообще успела неплохо освоиться здесь и уже чувствовала себя как дома. Правда, лишь внутри дома. Стоило им пойти куда-нибудь в город, так она чуть ли не вцеплялась в руку Василия и ни на шаг не отходила от него. А еще Василия порой

откровенно пугали ее перепады настроения. Вот, казалось бы, она смеется над чем-то, но вдруг что-то напомнило ей о прошлом, и через минуту она уже ревет в три ручья...

— Что сегодня делал на работе? — с улыбкой глядя на то, как Василий уплетает ее еду, спросила Мелисса.

Хоть она и сама себе побоялась бы признаться в том, что влюбилась, но девушке было приятно, что он с таким удовольствием ест то, что приготовила она. Что обращает внимание на то, что она прибралась в доме, что хвалит ее, что вообще так по-доброму к ней относится. И за это ей хотелось как-то отблагодарить его, в чем-то помочь — воспринимать в таком качестве помощь по дому или секс девушка не могла, ведь это все не только для него, а для них обоих... Причем, ей самой оно было как бы не важнее. Но чем она может помочь — она не знала, и оттого она чувствовала себя как-то неловко. Словно нахлебницей какой! Так, может быть, хоть из разговора узнает, в чем он нуждается?

— Шеф посылал к соседям нашим, на переговоры, — вспомнив про сегодняшний день, поморщился Василий. — Хочет договориться о том, чтобы добычу угля восстановить...

— Угля? — заинтересовалась девушка. — Господин мэр хочет восстановить электростанцию?

— Ага, — усмехнулся в ответ Василий. — Помнишь, я говорил тебе, что он искал эмигрантов энергетиков?

— Помню, — сразу нахмурилась девушка, а в глазах показались слезы. — Мой брат был...

— Прости, — мысленно отвесил себе подзатыльник парень. — Я не хотел...

— Ты не виноват, — тихо буркнула под нос Мелисса. — Я должна к этому привыкнуть... Но я не могу! Не могу и думать о том, что он умер такой страшной смертью!

— Я не должен был тебе напоминать, — тяжело вздохнув, возразил Василий.

Несколько минут они просидели в тишине, но потом девушка все же попросила его продолжить, и Василий все же закончил рассказ о том, чем занимался сегодня на работе. После того, как накануне Нового года шеф назначил его своим вторым заместителем, по промышленности и обороне, жизнь его поменялась. С одной стороны, он больше лично не ходил в рейды — лишь планировал их, определял цели. Из-за чего, казалось бы, он должен был стать куда свободнее. Ага, размечтался!

По факту если раньше он по возвращению из рейда мог бы при желании на несколько дней уйти в запой или зависнуть в клубе с девками, как это делали многие другие «мафиози», и ничего не делать, то теперь работы хватало на каждый день. Спланировать вместе с помощниками систему обороны городка и обеспечить ее создание. Казалось бы, почему он? А очень просто! Он хотя бы, как бывший танкист, хоть что-то понимает в военном деле, чем могли похвастаться очень немногие из имеющих тут. Разве что кое-кто из бывших «беляков», но им шеф почему-то не очень-то доверял. Похоже, опасался возможного переворота с их стороны. К счастью, удалось ему все же найти нескольких помощников... И, помимо самих мафиози, оборону города решили возложить и на ополчение, которое еще и предстояло вооружить и хоть чему-то обучить.

Впрочем, две недели назад выяснилось, что все это было сделано не зря... Когда к ним нагрянула орда из бывших «байкеров», а ныне хорошо вооруженной крупной банды, обложившей данью множество окрестных поселений, то их встретили на подготовленных позициях. И попытавшаяся взять их нахрапом банда практически вся так и полегла в коротком бою, «подарив» городу трофей в виде буквально набитого оружием и

боеприпасами фургона... Так что когда они устроили ответный рейд — застали уцелевшую часть банды буквально со спущенными штанами. Они и в мыслях не держали возможность поражения!

Да, в рейд он после этого ходил лишь однажды — как раз после того боя с бандой. И когда они в ответ буквально с ходу захватили их поселок, то обнаружили там приличные запасы продовольствия, топлива и вооружения. А еще — несколько сотен рабов, кому было предложено переселиться к ним. Благо, захваченных запасов продовольствия хватит и на них, и на «коренное» население! И хоть им и предоставлялся выбор вернуться домой, но куда идти-то? По сути, выбора у большинства и не было! Как говорится, колхоз — дело добровольное! Хочешь — вступай, а не хочешь — можешь с голоду подохнуть! И жить в их городке и платить «налог на защиту» «господину мэру» большинство посчитало меньшим злом.

Впрочем, про участие в том рейде Василий девушке и не говорил... Точнее, упомянул мельком и таким образом, чтобы выглядело все так, словно он приехал уже под самый конец, когда все было закончено и оставалось лишь пересчитать пленных да составить список имеющегося на местном заводике промышленного оборудования... Про то, что он чуть ли не одним из первых врывался в городок и лично участвовал в бою, подстрелив одного из бандитов, парень предпочел промолчать, чтобы Мелисса лишний раз не волновалась.

Собственно говоря, «возрождение промышленности» и было второй задачей Василия. Хотя он и не очень-то представлял, как этого добиться. Мечта шефа, как он успел понять, была в создании такого «небольшого, но сильного» государства с собой любимым во главе. Правда, на всякий случай он все же предпочел подстраховаться, из-за чего и объявил себя именно мэром. Дескать, вернется завтра центральная власть — ну так все нормально! Он ни на что и не претендовал, лишь старался тут жизнь налаживать. И даже если бы от него потребовали провести выборы, то в их результате Аркадий Тимофеевич совершенно не сомневался. За него проголосуют даже не из страха перед его подручными, а уже просто в благодарность за то, что помог выжить в это тяжелое время и не требовал за это слишком многого. А уж там, глядишь, и дальше политическая карьера сложится! Пусть не до президента, но до какого-нибудь его помощника может и добраться!

Впрочем, это было все же резервным вариантом. Основной же был несколько другой — создание собственного «царства»... Себя он при этом видел кем-то вроде местного Сталина, о чем практически напрямую заявил при праздновании победы над бандой «байкеров». Отмечали, разумеется, в узком кругу — сам шеф, еще пара его помощников, ну и Василий. Яркий электрический свет... Праздничный стол, который даже по прежним временам можно было бы считать пусть не шикарным, но очень хорошим. Алкоголь на любой вкус, включая где-то раздобытую настоящую водку — импорт из СССР. И они, отмечающие победу...

— Ну что, выпьем что ли за товарища Сталина? — внезапно предложил шеф.

— Ч-чего? — чуть не поперхнувшись водкой и буквально вылупив глаза от удивления, произнес Василий.

Уж чего-чего, а такого отношения к Сталину от него парень не ждал совершенно! Потому и так отреагировал, хотя шеф понял его реакцию и совсем иначе.

— Ну а что? — в ответ ухмыльнулся тот. — Я-то понимаю, что большинство из вас не любят его, диктатором называют. Ну диктатор, и что? Зависть берет?

— Почему зависть? — не понял Василий.

— А потому! — заржал в ответ шеф. — Да дай этим придуркам из вашей шайки власть как у Сталина — устроят такую диктатуру, что реальному Сталину и не снилась! Будут отстреливать всякого, кто с ними не согласен, да еще и разворуют всю страну... Что, не так что ли?

— Ну, наверное, — пожал плечами Василий.

— Вот и я о чем! — вновь заржал Аркадий Тимофеевич. — А Сталин — мужик! И сына сапожник в правители одного из сильнейших государств — вот это я понимаю! Завистники Сталина — просто жалкие неудачники, кого бесит, что это он смог, а не они!

Ну да, такое отношение к Сталину босса мафии Василия откровенно шокировало! Впрочем, это было не его дело... Его забота — выполнять приказания шефа. Сказано той же экономикой заняться? Значит, занимайся! А, будучи человеком неглупым, господин Пальцев неплохо понимал, что без экономики никакого государства быть не может.

За прошедшее с начала года время он успел достаточно многое. Во-первых, провел своеобразную перепись населения и составил список тех, кого можно считать ценными специалистами для промышленности. Бывшие, кто до эмиграции, а кто и до самой Катастрофы, рабочие, инженеры и технические специалисты. Бывшие студенты — кто, где и на кого учился. Провел опись имеющихся в городе производственных мощностей и, с помощью специалистов, оценил их состояние. Несколько раз выезжал в вымершие города с поселками — посмотреть, можно ли найти там что-то ценное. Побывал и на той самой угольной шахте, которая нынче фактически не работала. Немногочисленные жители бывшего шахтерского поселка теперь на свой страх и риск спускались под землю чтобы вручную нарубать уголька для отопления собственных домов, ну и потихонечку этим же углем и приторговывали. Благо, еще в первую осень они создали достаточно сильный отряд самообороны с хорошим вооружением.

Но главной головной болью Василия стала эта самая электростанция — небольшая ТЭС на окраине городка. Остановилась она еще до того, как в эти места принесло облако вулканических газов, от которого и погибла большая часть населения, и больше не работала уже никогда. Тогда из-за аварии на газопроводе и землетрясений работа станции стала невозможной, а до перевода ее на резервное топливо в виде угля дело так и не дошло. Не успело... И вот теперь шеф думал восстановить ее работу, что было нужно не только для запуска промышленных предприятий, но и в целях экспорта электроэнергии потенциальным союзникам. Правда, для этого сначала надо было отремонтировать станцию, завезти уголь и суметь запустить ее саму. Вот только угля того надо было много! А для того, чтобы было много угля, надо иметь много электричества! Прямо этакий замкнутый круг... Сегодня вот Василий и говорил со старшим шахтеров о поставках угля... И, вроде, тот и не прочь поставить достаточную для запуска станции партию. Но месяца через два-три, да и по конской цене.

— Ну а что ты хочешь? — пожимал плечами мужик. — Нам баб с детьми кормить надо...

Торговались буквально до упаду! Обещали друг другу золотые горы, чтобы убедить принять свою точку зрения. Только... Ну да, электричество позволит кратно увеличить объемы добычи. Но куда этот уголь девать? Добывать больше угля чтобы получить больше электричества? А зачем? Нам вот, мол, жратва нужна, а без лампочек жить уже привыкли. Вот если б где горючее для автомобилей взять... Не знаешь, где достать и чем оплатить?

— Так и не договорились? — выслушав Василия, спросила Мелисса.

— Нет, — пожал плечами парень. — Мы не сможем платить по таким ценам, а они не идут на уступки.

— Не видать нам, значит, электрического освещения? — грустно улыбнулась девушка.

— Неа, — пожал плечами Василий. — Пока уж точно...

Что еще сегодня было нового или интересного? Ах, ну да... Сообщение разведчиков о том, что американские военные куда-то уходят. Еще пару недель такое сообщение дошло по цепочке тех, с кем они поддерживали отношения, а сейчас вот и сами убедились. Куда-то на восток едут тягачи с ракетами, вывозят запасы ядерного и химического оружия, перегоняют самолеты, едут автобусы и грузовики с людьми. И очень резко реагируют на любые попытки даже приблизиться к ним. Одна какая-то крупная банда, сумевшая где-то разжиться военной техникой и оружием, как-то попыталась напасть на один из конвоев. Ответ был настолько жесткий, что буквально шокировал всех! Сначала военные разнесли тяжелой техникой в хлам все силы банды, потом буквально стерли с лица земли артиллерией занятый ими поселок и, под конец, зачистили его пехотой. Так что больше дураков связываться с военными не нашлось.

И вот теперь и их разведчики издалека понаблюдали за этими конвоями. О том, чтобы на них нападать, не было, конечно, и речи. Просто пытались понять, что же такое происходит... И понять не могли. То про оставшихся на севере страны военных не было ни слуха, ни духа. Кто тут остался — сидели по своим военным городкам и носа не высовывали за их предел. А тут вдруг такое «переселение народов». Единственное, что все же удалось выяснить — военные перед уходом взрывают оставленные без присмотра ракетные шахты, аэродромную инфраструктуру, вплоть до взлетно-посадочных полос, и какие-то еще объекты совершенно уж никому не понятного назначения. После долгих раздумий попытались вступить в контакт с военными — но те отказались что-либо говорить и лишь велели проваливать ко всем чертям и больше не показываться у них на виду. На чем все наблюдение и свернули.

— Может быть, они собираются восстановить страну? — с затаенной надеждой спросила у Василия Мелисса.

— Вряд ли, — отрицательно покачал головой он. — Не похоже... Иначе они бы хоть как-то пытались распространять информацию об этом, вступали бы в контакты с выжившими... Но тут ничего!

— Совсем-совсем ничего?

— Да, — согласился Василий. — У шефа рация есть, так мы на ней весь эфир проверяли... никаких намеков! Ловятся лишь передачи двух из трех южных правительств... Но там одна пропаганда.

— Правительства? — заинтересовалась Мелисса. — Значит, где-то на юге еще живы... США?

— Ну как сказать, — поморщился при воспоминании парень. — Сейчас есть аж целых три группы, кто объявляет себя законными приемниками США...

— Но если так... Зачем тогда сидеть тут, посреди опустевших земель? — удивилась девушка. — Почему не поехать туда?

— И это будет самой большой ошибкой в жизни, — грустно усмехнулся Василий.

— Но почему?

— Знаешь, Мил, — тихо произнес парень. — Лучше тебе не знать, что творят там эти

уроды...

Как ни странно, но Мелисса ему поверила... Хотя и уже казалось, что она тут за эти без малого уже два года повидала всякого, сама пережила такой ужас, какой большинство не сможет даже в страшном сне представить себе, но уж слишком серьезным было выражение лица Василия когда он говорил о том. И она не стала ничего спрашивать, решив, что порой незнание — оно к лучшему...

— Скажи, — после долгого молчания произнесла Мелисса. — Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Помочь? — удивился такому вопросу Василий. — Но разве ты мне не помогаешь вон по дому хотя бы?

— Разве ж это помощь? — удивилась девушка. — Это просто... жизнь. Так надо.

— За то я прихожу с... ээээ... работы в чистый и теплый дом, к сготовленному ужину... Прихожу и знаю, что ты меня ждешь, что ты мне рада. Разве этого мало?

— Мало, — отрицательно помотала девушка. — Я чувствую себя на хлебнице у тебя на шее, и от этого мне... стыдно.

Ну да, именно так оно будет правильнее всего сказать. Стыдно... Она-то понимала, какие нынче времена. Многие не то, что даже готовы убить за банку тушенки — друг друга жрут! А он ее кормит, поит, достает ей какую-то одежду и нужные в хозяйстве вещи... Можно было, конечно, сказать себе, что он бандит, он это все не заработал, а украл. Но бандиты — они не такие! Для себя девушка скорее сравнивала Василия с кем-то вроде начальника гражданской милиции города, кто должен защищать его от набегов... Только уже не столько индейцев, сколько вообще бандитов всех мастей. Ну и, попутно, поиск нужного для выживания и уничтожение всяких уродов вроде тех, у кого в плену ей довелось побывать. Но если он борется за правое дело, то разве ж он бандит? И что он получает какую-то долю от найденного в рейдах — так это можно считать конфискацией, не у честных же людей отбирают? Так что можно сравнить это с выплатой зарплаты...

— Я не знаю, Мил, — после долгого раздумья честно ответил Василий. — ты и так делаешь все, что в твоих силах...

Ну да, что она еще может кроме того, что и так уже есть? Дома? А что они особо тут делают-то? Да ничего! По работе? А что она может помочь, учитывая, что из всего образования — неоконченная школа? В последний класс она должна была пойти как раз в 1966 году, но это уже не случилось. От других людей она и вовсе практически шарахается. И когда еще оно пройдет — неизвестно... Так чем она сможет ему помочь? Да ничем, скорее всего... Это Василий прекрасно понимал. И многие другие, наверное, сейчас сказали бы — да нафига она мне нужна? Вот некоторые, вроде того же Каширина, и так над ним по этому поводу ехидничали. Нашел, дескать, подружку себе — она тебе хоть огород вскопает? Но даже и без той его привязанности бросить девушку на произвол судьбы было бы абсолютным свинством. А уж с ней и подавно!

Сидя за столом в своем кабинете, товарищ Пономаренко изучал статистические отчеты за 1967 год... Скоро эта же информация будет отпечатана в ежегодном сборнике «СССР в цифрах» и разослана по библиотекам, и тогда все советские граждане смогут взглянуть на то, как страна переживает Долгую зиму. Когда-то эти статистические сборники стали публиковать в качестве своеобразного средства пропаганды, чтобы советские граждане могли открыть его, посмотреть, как развивается народное хозяйство и волей-неволей преисполниться гордостью за свою Родину, Советский Союз. Вон посмотрите — сколько автомашин было сделано, сколько тракторов, сколько металлорежущих станков, сколько собрано пшеницы или гречихи!

Вот только сейчас цифры эти выглядели столь удручающе, что невольно возникало желание все засекретить! И это даже с по сравнению с 66-м, годом катаклизма и разрухи от землетрясения! Там, правда, статистику скрашивало еще мирное и спокойное начало года, иначе было бы все еще хуже. Но все равно... И все же и засекретить эти цифры — еще хуже. Если люди увидят, что от них скрывают, то это резко подорвет доверие к власти, что в такое время никак нельзя, а уж домыслы окажутся как бы не еще хуже, чем реальное положение дел.

И все равно такие цифры не радовали совершенно... Если бы сейчас товарищ Пономаренко знал, что фантасты будущего в параллельном мире считали, что в таких условиях все быстро рухнет и цивилизация пойдет псу под хвост, то он бы лишь грустно усмехнулся. Да, такое было вполне возможно. Однако они все же живы, экономика страны по-прежнему работает, людям выдают продукты и товары первой необходимости по карточкам, подают тепло и свет в дома. И все это благодаря простым советским людям. Кто своим трудом, своей борьбой не дали состояться такому сценарию. Как оно случилось во многих странах...

Взять хоть ту же Польшу. Казалось бы, достаточно сильная, индустриально развитая страна! Имела все шансы пережить Долгую зиму! Но не пережила... А ведь была одной из тех стран, кому СССР больше всего помогал с послевоенным восстановлением! Вот только почему-то поляки считали, что СССР должен спасти их даже ценой собственной гибели. Казалось бы, им передали чертежи, техническую документацию на теплицы, на спецтехнику, на все то, что активно строили в самом СССР. И что? Ну не сказать, чтобы совсем ничего не сделали... Но этого сделанного оказалось чрезвычайно мало! Все почему-то считали, что СССР обязан им и сейчас помочь — и потому сами откровенно не надрывались. Ну вот и получили свое... Еще в середине зимы вместо одной Польши стало несколько, начал всюду буйствовать голод... Потом те устроили набег на север Румынии, который сами румыны оставили и ушли на юг. Но толку с того было мало. Потом одна часть поляков начала бодаться с чехами, а другим хватило наглости полезть на СССР. На что они рассчитывали? Судя по протоколам допроса пленных, на то, что в СССР уже тоже все паршиво, что граница толком не прикрыта, на проблемы логистики, что быстро сосредоточить в нужном месте значительные силы не получится. И надеялись, что им получится быстро разграбить приграничье и сбежать... Просчитались.

Или другой пример — те самые румыны с болгарам... Формально заключили договор о чуть ли не союзе, вроде как пытаются сотрудничать. Но при этом грызутся друг с другом

как кошка с собакой! Вместо того, чтобы сосредоточиться на работе, припоминают друг друга прежние обиды, спорят на счет того, кому какие земли должны достаться и кто чем будет за помощь соседу расплачиваться. При этом Болгария продолжает грызться с Македонией. Да, как ни крути, но преимущество большого государства в этой ситуации очевидно... Оно может навязать свою волю — как соседям, вроде того же Ирана, так и тем внутри страны, кто в такой ситуации не хочет работать на общее дело! Вон для ареста некоторых среднеазиатских родителей аж военные отряды высылать пришлось... Баями новыми себя возомнили, решили, что раз Долгая зима, так можно и кинуть Центр!

Но даже так — упадок экономики. Промышленное производство упало почти наполовину! И это с учетом новой продукции... А уж если взять по отраслям, то по многим из них все еще печальнее. Вот, например, авиастроение — с мрачной цифрой «ноль» напротив графы. За весь 1967 год в стране не сделано ни одного самолета или вертолета! И еще долго не будет сделано! Саратовский авиазавод вон теперь производит тепловозные дизели и моторы для автомобилей ЗиС-157. Куйбышевский делает аэросани, воронежский перепрофилирован в авторемонтный завод, казанский — в завод специальной железнодорожной техники, в Комсомольске-на-Амуре — законсервирован! Впрочем, оно и правильно — не до самолетов сейчас. Или вон производство автомобилей... Тоже ведь хорошо упало! Легковушки не производили больше полгода, грузовиков делали почти вдвое меньше. Да и те — по упрощенной технологии! Видел он сам эти ЗиСы с кабиной из фанеры вместо металла... И так по многим отраслям!

Мрачно выглядела и статистика по сбору урожая... Хотя что тут еще возьмешь, если и так с трудом наскребли еды на то, чтобы хоть вместо настоящего голода было состояние хронического недоедания? Люди вон многие еле ноги таскают от усталости, но продолжают работать. А ведь еще один такой урожай — и все, уже ничто не спасет! Так-то хоть еще некоторые запасы с 1966 года еще есть, но скоро и их не будет. И остается надеяться на то, что продуктов из иранских колхозов, выловленной в морях и летом рыбы, продукции юга страны и теплиц хватит чтобы прокормиться еще один год. Тем более, что мощности тех же теплиц непрерывно растут, помимо овощных уже начали строить новые под выращивание зерновых культур... И тут стоит особое спасибо товарищу Цицину — недавно товарищ Пономаренко подписал указ о его награждении Сталинской премией первой степени и званием Героя Социалистического труда. Ведь во многом это стало возможно именно за счет выведенных им пшенично-пырейных гибридов. Кстати, следует уделить этой культуре особое внимание в будущем... Так, глядишь, выведут и пригодный для машинной обработки сорт. Кроме того, Фидель Кастро и Че Гевара обещают, то в этом году и их Тихоокеанская Федерация сможет сколько-то помочь СССР с поставками продовольствия — там-то у них дела побыстрее наладятся...

Что ж... Если прогнозы климатологов оправдаются, и это лето станет чуть теплее, то продовольствия должно хватить. А если не хватит? На этот счет уже тоже говорили... Если не хватит — придется идти на крайние меры! Мобилизовать армию и флот, бросить всю восточную часть страны — и двинуть все силы в поход! Увы, не на теплый юг, куда сейчас лучше не соваться из-за эпидемии, а куда-нибудь в Южную Америку или Мексику! Переселить туда миллионов тридцать-сорок населения, чтобы оставшимся хватило того, что все же вырастет, а местным жителям уж придется поделиться! Жаль только, что таким образом они еще сильнее разрушат народное хозяйство. Впрочем, такой риск все же оценивали как весьма маловероятный, и пока погода подтверждала предварительные

прогнозы...

Мрачными выглядели и другие цифры из отчета.... Например, численность населения. Да, формально она увеличилась на двадцать миллионов. Но это с учетом Ирана! А фактически она снизилась уже на три с лишним! Значительно выросла смертность — в том числе, из-за обострения хронических заболеваний. А еще немало замерзло, простудилось и умерло на стройках, погибло при землетрясениях и в результате несчастных случаев. Почти на порядок упала рождаемость — впрочем, к тому сейчас призывало и само правительство. «Как страну восстанавливать-то будем?» — так и крутилась мысль в голове у ПредСовМина СССР.

И это был еще не конец плохим новостям... Вот, например, прямо неподалеку на стене висит новенькая, свежееотпечатанная, карта СССР. Со включенным в состав страны Ираном и при этом — с заштрихованной серым цветом большей частью севера страны. «Зона безусловного отселения», так гласила подпись в легенде. Это были те места, откуда из-за тяжелых климатических условий выселяли всех или почти всех людей. Огромные территории с большими запасами ценного сырья, со своей промышленностью, инфраструктурой и многим другим... И все это пришлось бросить! Чуть южнее тех мест — особые округа, которым даже не давали названия, только номера — ведь никто не знает, где через год, а то и несколько месяцев, будет его столица. Вот округ № 1... Будет ли он еще Петрозаводским или станет уже каким-нибудь Новгородским? Этого сейчас не предскажет никто. Что же за такие округа? Ну так места, где оставляется минимум населения для работы на стратегических объектах вроде шахт или некоторых заводов! Вон Воркута, например... В прошлую, самую тяжелую в плане добычи сырья, зиму именно ее шахты во многом и спасли страну от гибели! Хотя работать для этого пришлось так, как прежде оно и не снилось.

Что ж, статистику они опубликуют. Только, пожалуй, стоит дать две цифры — на 1 июля 1967 и 1 января 1968 года. Так-то оно куда оптимистичнее выглядеть будет! Да, вот тут у нас настоящий провал! Но уже во втором полугодии дело начало выправляться! И уже как-то не так мрачно все выглядит. А уж традиционная графа по сравнению экономики СССР с ведущими социалистическими странами... Вот стоит, например, цифра о количестве произведенных в СССР автомобилей, а в другом столбце — США. И в нем красивая такая цифра «ноль»! Тоже хорошее такое сравнение...

Закончив изучение статистических отчетов, товарищ Пономаренко отложил их в сторону и открыл другую папочку — отчет товарища Шелепина по «объекту Умник»... На основе его поездки в Москву. Итак, что ему стало известно? Ага, вот оно... До того госбезопасности не удавалось выяснить на счет того, как он изучил физику — теперь, кажется, ответ получен. Значит, отказался от проживания в ведомственной гостинице и жил на квартире гражданки Лисицыной Екатерины Сергеевны, в прошлом году закончившей физфак МГУ? Ну да, про их переписку было что-то, но ей тогда не придали особого внимания. Ну мало ли кто кому пишет? Он вон и с некоторыми родственниками из других городов тоже переписывался порой. Ошибка, конечно, но простительная... Стоило хотя бы навести справки, кто она такая. Но, откровенно говоря, никто в МГБ и не станет приставлять к обычному студенту, пусть и гению, лучших оперативников. Что ж, на один вопрос ответ получен... Учился, вероятнее всего, по лекциям этой самой «граждански Лисицыной». И, судя по результатам, этого оказалось предостаточно — и впрямь гений.

Какие там отношения между ними — выяснить не удалось. Ну да если даже любовница, то и фиг бы с ним! Вон про Берию тоже немало подобных слухов ходило, кто у него там в

любовницах ходит, но пока тот честно работал — никаких претензий на этот счет ему не выказывали. Некоторые, правда, уже потом пытались распускать слухи, что он и вовсе был сексуальным маньяком, но это-то уж точно чушь, на этот счет товарищ Пономаренко и сам все хорошо знал. Да и в чем смысл ему? Уж у министра, будь у него такое желание, проблем с женщинами уж точно никогда не будет... А у генсека и подавно. На любой вкус и цвет найдет!

Но относительно «Умника» сейчас товарища Пономаренко интересовало совсем иное — его деловые качества. Значит, абсолютно убежден в своей правоте и не терялся даже в разговоре с академиками? Выдвинул концепцию одноплатных ЭВМ для систем управления и как персональных ЭВМ и о блочно-модульный принцип построения электронной техники? А ему эта идея нравится! Что ж, с одноплатными ЭВМ будет понятно попозже — когда выдадут заключение на счет возможности создания микросхемы так называемого «микропроцессора». А вот в другом товарищ Пономаренко был согласен с «Умником». Пришла пора определиться с единым стандартном электронно-вычислительной техники, сняв с производства все конкурирующие разработки, и ввести тот самый блочно-модульный принцип, чтобы можно было собрать любую конструкцию на основе типовых узлов...

С теплицами же и сельхозтехникой — тут товарищ Пономаренко был согласен с товарищем Бенедиктовым... Решили отправить «Умника» работать конструктором сельхозтехники на будущий Сарсельмаш? Ну и правильно! Раз он ее придумал, его идея была, то пусть и поучаствует лично в ее разработке... Назначить студента сразу конструктором первой категории, минуя третью и вторую — многие, конечно, недовольны будут. Но тут главное в том, что это его идея и он представляет, чего хочет добиться, ну а чего не знает — по ходу наверстает. Конечно, было бы логичнее дать ему для начала третью категорию, но что толку с этого будет? От того, что он будет заниматься всякой текучкой, никакой пользы в плане проектирования новой техники не будет... А тут к его мнению уже должны будут прислушиваться — в том числе и из-за того, что на завод скажут о том, что это было именно его идеей...

«Ну что, товарищ Солнцев, инициатива наказуема ее исполнением? — отложив в сторону отчет, мысленно усмехнулся ПредСовМина. — Вот и посмотрим, как ты справишься с осуществлением собственной задумки!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net